Общія теченія финансовой политики государства.

Въ офиціальную программу, составленную для занятій мѣстныхъ комитетовъ, совсѣмъ не были включены вопросы, касающіеся вліянія на сельское хозяйство и на положеніе сельскаго населенія финансовой политики государства и существующей системы государственнаго хозяйства вообще. Но само собою понятно, что комитеты не могли оставить эти вопросы внѣ поля своего зрѣнія. Хозяйство государства слишкомъ крупный и слишкомъ опредѣляющій для всей хозяйственной жизни страны фактъ, чтобы его можно было обойти при изслѣдованіи хозяйственныхъ нуждъ той или иной группы населенія. Даже и не выходя изъ рамокъ офиціальной программы, комитеты не могли не затронуть такъ или иначе вопросовъ финансовой политики. Съ ними нельзя было не считаться и при обсужденіи мѣръ къ распространенію въ сельскомъ хозяйствѣ улучшенныхъ орудій и искусственныхъ удобреній, и въ вопросахъ хлѣбной торговли и хлѣбнаго экспорта, и въ вопросахъ сельскохозяйственнаго винокуренія, и въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ, касающихся технической стороны сельскаго хозяйства. Еще менѣе возможно было, конечно, пройти мимо вопросовъ государственнаго хозяйства тѣмъ комитетамъ, которые поняли свою задачу шире обсужденія отдѣльныхъ пунктовъ преподанной имъ программы и выдвинули на первый планъ въ своихъ работахъ выясненіе „общихъ нуждъ“ сельскаго хозяйства. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду этихъ „общихъ нуждъ“ большинствомъ комитетовъ отводилось правильной постановкѣ финансовой политики государства.

Отсутствіе предварительной общей программы—и офиціальной и неофиціальной—необходимо должно было отразиться

неблагопріятно на степени полноты и на внѣшней стройности работъ комитетовъ въ этой области. Различными комитетами выдвинуты были впередъ то тѣ, то другія стороны финансовой проблемы и далеко не во всѣхъ случаяхъ разработаны съ одинаковою обстоятельностью. Во многихъ случаяхъ сужденія, высказывавшіяся въ комитетахъ, расходятся между собою и по существу, и не рѣдко на этихъ сужденіяхъ можно прослѣдить отраженіе различныхъ группъ сельскохозяйственныхъ интересовъ, представленныхъ въ комитетахъ. Но при всѣхъ этихъ внѣшнихъ и внутреннихъ разнорѣчіяхъ мы легко можемъ отличить одно преобладающее теченіе въ воззрѣніяхъ мѣстныхъ комитетовъ въ данной области и подмѣтить извѣстное единство въ отношеніяхъ по крайней мѣрѣ къ основнымъ вопросамъ финансовой политики.

Для удобства обозрѣнія заключеній комитетовъ, мы разобьемъ ихъ на нѣсколько группъ, по характеру тѣхъ вопросовъ, которыхъ они касаются. Мы ограничимся при этомъ только нѣсколькими крупными вопросами, опуская всѣ частности и вопросы, имѣющіе только мѣстное значеніе.

I.

Когда мы приступаемъ къ выясненію того вліянія, какое оказываетъ государственное хозяйство данной страны на общій ходъ ея экономической жизни, предъ нами прежде всего возникаетъ вопросъ: насколько соотвѣтствуютъ экономическимъ силамъ этого населенія *размѣры тѣхъ требованій*, которыя предъявляетъ къ нему государство. Величина государственнаго бюджета, сама по себѣ, независимо отъ того, изъ какихъ элементовъ она слагается, имѣетъ въ этомъ отношеніи существенное значеніе. Когда государство выростаетъ до такихъ размѣровъ, что бюджетъ его поглощаетъ собою львиную долю годового дохода страны,—государственное хозяйство по необходимости дѣлается хищническимъ и вся хозяйственная жизнь неизбѣжно получаетъ тяглый характеръ. Въ условіяхъ русской дѣйствительности, при нашемъ громадномъ государственномъ бюджетѣ и слабой производительности народнаго хозяйства—вопросъ о посильности для населенія государственнаго тягла властно выдвигается впередъ самою жизнью.

Не могли не встрѣтиться съ этимъ вопросомъ и мѣстные сельско-хозяйственные комитеты.

Къ тому времени, когда происходили ихъ совѣщанія, цифра

государственнаго бюджета приближалась къ 2 милліардамъ рублей. По послѣдней заключенной росписи 1901 г. общій итогъ „обыкновенныхъ“ государственныхъ доходовъ, получаемыхъ отъ населенія путемъ налоговъ и частно-хозяйственныхъ предпріятій казны, составлялъ 1.799 милл. руб. „Чрезвычайныя“ поступленія давали еще 164 милл. Уже однѣ эти общія цифры въ сопоставленіи съ офиціальными исчисленіями общей цѣнности всего земледѣльческаго и фабрично-заводскаго производства страны, дававшими въ итогѣ менѣе 4 милліардовъ рублей, должны были наводить на очень серьезныя размышленія.

Но помимо этого государственный бюджетъ обнаруживалъ еще и постоянную тенденцію къ быстрому и непрерывному росту. Итогъ обыкновенныхъ доходовъ 1901 года по отношенію къ первому году десятилѣтія, имъ заканчившагося, возросъ почти вдвое (на 86,5%); за двадцать лѣтъ (съ 1882 г.) этотъ приростъ составлялъ 155%, т. е. общая сумма доходовъ государственнаго казначейства увеличилась за это время слишкомъ въ $2^1/_2$ раза. И, конечно, не было никакого основанія думать, чтобы такое возрастаніе государственнаго бюджета не продолжалось и въ будущемъ. Въ дѣйствительности такъ и оказалось, и уже въ слѣдующемъ, 1902, году итоги бюджетныхъ оборотовъ перешли за 2 милліарда рублей.

Когда возрастаютъ размѣры требованій, долженъ увеличиваться и источникъ, на счетъ котораго они покрываются, и притомъ увеличиваться съ такою же приблизительно быстротою: иначе неодинаковое движеніе того и другого ряда неизбѣжно должно рано или поздно закончиться кризисомъ. Существуетъ ли такой параллелизмъ между процессами, происходящими въ русскомъ государственномъ и народномъ хозяйствѣ?

По воззрѣніямъ, господствующихъ въ руководящихъ финансовыхъ сферахъ (насколько можно, по крайней мѣрѣ, судить о нихъ по печатаемымъ во всеобщее свѣдѣніе сообщеніямъ), вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Достаточно вспомнить неоднократныя и подробныя разъясненія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по государственнымъ росписямъ послѣдняго десятилѣтія, пытавшіяся найти въ самыхъ бюджетныхъ цифрахъ указанія на параллельное росту бюджетныхъ поступленій прогрессированіе народнаго хозяйства въ его общемъ и цѣломъ, несмотря на временныя и частныя, для отдѣльныхъ группъ населенія, отступленія отъ этого прогрессивнаго движенія.

Мѣстные комитеты оказались очень далекими отъ этого офиціальнаго оптимизма. Если выдѣлить отдѣльныя заявленія, шед-

шія по преимуществу, если не исключительно, отъ участниковъ комитетовъ, принадлежавшихъ къ составу мѣстной администраціи—въ сужденіяхъ комитетовъ единодушно и опредѣленно подчеркивается не параллельность, а, наоборотъ, полный антагонизмъ между движеніемъ государственнаго и народнаго хозяйства. Государственный бюджетъ растетъ не на почвѣ сопутствующаго ему роста народнаго благосостоянія, а на почвѣ прогрессирующаго народнаго *оскудѣнія*. Это оскудѣніе въ значительной степени и обусловливается именно *непосильностью тѣхъ требованій*, которыя не въ мѣру экономическихъ силъ страны разросшееся государство ставитъ массѣ недостаточнаго деревенскаго населенія.

„Оскудѣніе деревни" предоставляется мѣстнымъ людямъ настолько очевиднымъ и безспорнымъ, что въ подробныхъ доказательствахъ его едва ли настоитъ какая нибудь надобность.

„Доказывать въ настоящей запискѣ оскудѣніе крестьянскаго населенія—читаемъ мы въ заявленіи земскихъ представителей *Новгородскому* губернскому комитету—нѣтъ надобности, ибо фактъ этотъ настолько уже рѣзко выразился, что сталъ неизбѣжно общепризнаннымъ".—„Полагаю—говоритъ въ своей запискѣ членъ *Харьковскаго* губернскаго комитета Н. Н. Ковалевскій—что никто не потребуетъ отъ меня доказательства тому, что наша деревня хираетъ. Процессъ этотъ не сегодня начался: онъ развивается на нашихъ глазахъ, быстро прогрессируя; мы, живя въ деревнѣ, непосредственно можемъ наблюдать, какъ, съ одной стороны, бѣднѣетъ и опускается крестьянское хозяйство, какъ вырождается и мельчаетъ крестьянское населеніе, благодаря дурному питанію, негигіеничности жилищъ, трахомѣ и проч. и какъ, съ другой стороны, опускается болѣе крупное землевладѣніе"...

„Для лицъ, не живущихъ въ деревнѣ и не имѣющихъ возможности дѣлать непосредственныя наблюденія—читаемъ мы далѣе въ той же запискѣ—картина всеобщаго оскудѣнія обрисуется вполнѣ ярко изъ обозрѣнія офиціальныхъ свѣдѣній о правильно возрастающей недоимочности, о прогрессивномъ увеличеніи числа безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, о суммахъ затрачиваемыхъ правительствомъ и частными лицами для кормленія голодающихъ, объ экспедиціяхъ Краснаго Креста для борьбы съ цынгой и голоднымъ тифомъ и, наконецъ, показателемъ вырожденія служитъ пониженіе требованій размѣра груди и роста у новобранцевъ.

Поголовная бѣдность деревни—говорилъ въ *Мензелинскомъ* у. комитетѣ земскій начальникъ Красовскій—бьетъ въ глаза всѣмъ укладомъ крестьянской жизни. Если мы посмотримъ, чѣмъ питается крестьянинъ, то увидимъ, что въ его пищѣ нѣтъ ни мяса, ни молока, ни яицъ; есть только, да и то не всегда, черный хлѣбъ и жидкій кирпичный чай. Эта пища особенно тяжело отзывается на дѣтяхъ, изъ которыхъ выживаютъ только двужильные экземпляры. Милліоны пудовъ хлѣба и милліоны штукъ яицъ отправляются за границу, а рядомъ съ этимъ, при недостаткѣ

питанія, различныя заболѣванія, какъ сельскій пожаръ, съ удивительною быстротою распространяются среди населенія. Нельзя допустить, чтобы крестьяне не понимали питательности и вкуса мяса, молока, яицъ и другой человѣческой пищи,—но эта человѣческая пища для нихъ не доступна. Дѣло спеціалистовъ—продолжаетъ г. Красовскій—выяснить причинную связь между такими крайними явленіями, какъ, напр. хроническое недоѣданіе русской деревни, не исключая и урожайные годы, дороговизна предметовъ первой необходимости, страшно высокая смертность дѣтей въ русской деревнѣ, превышающая дѣтскую смертность въ концентраціонныхъ лагеряхъ во время англо-бурской войны, смертность, ужасавшую весь міръ,—а съ другой стороны, покровительственная политика и льготы фабрично-заводской промышленности за счетъ сельскаго хозяйства, облагаемаго все новыми и новыми, за послѣднее время косвенными, налогами,—но во всякомъ случаѣ представляется совершенно очевиднымъ, что выходъ изъ тяжелаго положенія деревни не возможенъ безъ уменьшенія бремени платежей, лежащихъ на сельскомъ населеніи [1]).

Мы могли бы продолжить подобныя приведеннымъ выдержки безъ конца: указанія на деревенское оскудѣніе и на связь этого оскудѣнія съ непосильнымъ для населенія налоговымъ бременемъ встрѣчаются въ огромномъ числѣ комитетовъ. Идутъ они и изъ черноземной и изъ промышленной областей, съ Поволжья и изъ степной полосы, съ окраинъ и изъ центра [1]). Правда, каждая группа мѣстныхъ дѣятелей говоритъ преимущественно о своемъ ограниченномъ районѣ, но такъ какъ подобныя заявленія мы слышимъ со всѣхъ концовъ страны, то указываемые въ нихъ факты пріобрѣтаютъ уже не мѣстное только, а и общее значеніе.

Представить хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ общій обзоръ всѣхъ относящихся къ данному вопросу указаній, сдѣланныхъ мѣстными комитетами, мы не имѣемъ возможности. Ограничимся поэтому нѣсколькими примѣрами, на выдержку, взятыми изъ разныхъ областей. Выбираемъ при этомъ такіе, въ которыхъ высказываемыя заключенія подкрѣпляются мѣстными цифровыми данными о соотношеніи между приходами и обязательными платежами крестьянскаго хозяйства. Начнемъ съ центра, не-земледѣльческаго, населеніе котораго считается обыкновенно стоящимъ

---

[1]) Цитируемъ по отчету въ „Спб. Вѣдом.“, 31 окт. 1902.

[1]) Заявленія въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ работахъ цѣлаго ряда уѣздныхъ комитетовъ губерній: Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской, Пермской, Вятской, Тверской, Московской, Смоленской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской, Витебской, Эстляндской, Енисейской.

въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, нежели крестьянство типичной земледѣльческой средне-черноземной полосы.

Въ запискѣ 18 земскихъ дѣятелей, поданной въ *Московскій* губернскій сельско-хозяйственный комитетъ, мы находимъ любопытные расчеты, опредѣляющіе, сколько приходится нести всѣхъ налоговыхъ платежей средней крестьянской семьѣ Московской губерніи.

„Расчеты эти—читаемъ мы въ упомянутой запискѣ—основаны на данныхъ бюджета такой семьи, причемъ близость къ дѣйствительности отдѣльныхъ статей расхода въ этомъ бюджетѣ опредѣляется тѣмъ, что онѣ выведены не по воспоминаніямъ, какъ это дѣлается обыкновенно при опросѣ, а взяты изъ расходной книжки крестьянина, въ которой онъ изо дня въ день записывалъ всѣ расходы въ теченіе цѣлаго года—съ сентября 1900 по сентябрь 1901 г.—при чемъ не упускались и такіе мелочные расходы, какъ, напр., „спички—1 к.“, „нитки—12 к.“ и т. д. Весь годовой расходъ его въ денежной формѣ опредѣлился при этомъ весьма близко къ среднему расходу крестьянской семьи, а именно въ 390 р. 21 к., а приходъ въ 386 р. 21 к.—причемъ рукою крестьянина приписано: „сколько денегъ не хватаетъ—долги“.

Изъ общей суммы расхода расходъ на такіе предметы, которые облагаются акцизомъ или несутъ таможенныя пошлины, составлялъ 101 р. 20 к., т. е. нѣсколько болѣе $^1/_4$ (25,9%) всего расхода.

Слагался онъ изъ такихъ статей:

Водка	29 р. 10 к.	Сукно	6 р. 40 к.
Сахаръ	26 „ 86 „	Керосинъ	4 „ 51 „
Чай	21 „ 11 „	Табакъ	1 „ 68 „
Ситецъ	10 „ 89 „	Спички	— „ 65 „
			101 р. 20 к.

„Принимая для вычисленія суммы, падающей изъ этого расхода на долю налога, тѣ расчеты и основанія, которыя приведены въ изданіяхъ департаментовъ таможенныхъ и неокладныхъ сборовъ и пользуясь тѣмъ, что во всѣхъ записяхъ показано, сколько фунтовъ или долей фунта куплено чаю и сахару,—получаемъ, что при данномъ расходѣ уплачено *приблизительно* налога:

На водкѣ	21 р. — к.	На керосинѣ	1 р. 50 к.
„ сахарѣ	7 „ — „	„ табакѣ	— „ 30 „
„ чаѣ	10 „ 40 „	„ спичкахъ	— „ 21 „
„ ситцѣ	3 „ 80 „		44 р. 21 к.

Вычисленная здѣсь общая сумма косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ платежей, уплачиваемая данной семьей, является однако—по объясненію составителей записки—преуменьшенною.

„Во первыхъ, тутъ не опредѣлена доля цѣнности, обусловленная таможенною пошлиною, падающей на сукно; далѣе, тутъ подсчитаны не всѣ расходы на предметы, несущіе налогъ; расходъ, напр., на водку, чай и сахаръ долженъ быть нѣсколько выше, такъ какъ въ записяхъ той книжки, которая служитъ основаніемъ вычисленія, ежемѣсячно, и не всегда только разъ въ мѣсяцъ, значится, что при поѣздкѣ въ Москву израсходовано столько то (иногда свыше 1 р.), причемъ въ этомъ расходѣ несомнѣнно есть расходъ, произведенный въ трактирѣ, т. е. на водку, чай, сахаръ. По невозможности опредѣлить, что здѣсь относится на эти статьи, расходъ этотъ вовсе не подсчитанъ, а общая сумма его составляетъ 11 р. 75 к. По той же причинѣ, т. е. по невозможности выдѣлить расходъ на водку и чай, не принята во вниманіе запись: „израсходовано на праздникъ Николы 5 р.“; очевидно, въ этихъ 5 р. водка и чай составляютъ не малую долю, такъ какъ расходъ на свѣчи и плату духовенству выдѣленъ на этотъ праздникъ особо. Независимо отъ опущенія этихъ расходовъ, слѣдовало бы въ расходѣ на сахаръ считать переплату, вызываемую покровительствомъ, не менѣе 15 р., такъ какъ куплено сахару болѣе 150 ф. при цѣнѣ 15—17 к. за фунтъ, а между тѣмъ заводчику онъ обходится въ 2 р. пудъ или 5 к. фунтъ, и стало быть потребитель уплачиваетъ на фунтѣ сахара до 10 к., вызываемыхъ акцизомъ и нормировкою. Сверхъ того, въ данномъ году у этой семьи не случилось затратъ на покупку какихъ либо желѣзныхъ орудій или частей ихъ; иначе и тутъ появились бы переплаты въ пользу промышленности. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду еще тотъ накладной расходъ, который несетъ крестьянинъ-потребитель, въ силу переложенія на него прямыхъ налоговъ, падающихъ на промышленность и % на капиталъ, уплачиваемый промышленностью за акцизный взносъ“.

Но преуменьшенная такимъ образомъ сумма налоговъ составляетъ всетаки не менѣе 44 р. 21 к.

„Это значитъ—читаемъ мы въ запискѣ,—что почти 12% всего своего годового дохода крестьянинъ уплачиваетъ въ казну и въ пользу поощренія промышленности, не въ силу того, что извлекъ какой нибудь доходъ, а за то только, что пилъ, ѣлъ, одѣвался и не сидѣлъ въ потьмахъ“.

Но сверхъ косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ сборовъ на крестьянинѣ лежатъ еще и прямые налоги. Величина ихъ, приходящаяся на среднюю крестьянскую семью, опредѣляется такъ: въ Московской губ. надѣлъ такой семьи (въ 3 мужскихъ души) составляетъ 9 десятинъ. Каждая десятина несетъ на себѣ около 2½ р. прямыхъ сборовъ (60% которыхъ приходится на выкупной платежъ),—при чистомъ доходѣ не свыше 5 р. На 9 десятинъ причитается такимъ образомъ 22 р. 50 к., а общая тяжесть всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые несетъ на себѣ средняя крестьянская семья, опредѣляется суммою *около 70 рублей* (44 р. 21 р.+22 р. 50 к.).

Какъ видимъ, не дешево обходится московскому мужику поддержаніе блестящаго государственнаго бюджета!

Аналогичные расчеты налоговой тяжести, основанные также

на бюджетныхъ данныхъ, находимъ мы въ трудахъ *Клинскаго* уѣзднаго комитета, той же Московской губерніи. Экономическою комиссіею уѣзднаго комитета, при содѣйствіи Клинскаго общества сельскаго хозяйства, собраны были подробныя свѣдѣнія о приходахъ и расходахъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ крестьянскихъ семей разнаго достатка, ведущихъ сельское хозяйство. Въ результатѣ обработки этихъ свѣдѣній получились такіе выводы:

„Сводя во едино—читаемъ мы въ докладѣ комиссіи—налоги прямые косвенные и по натуральной повинности, за исключеніемъ военной службы и случайныхъ статей расходнаго бюджета, на крестьянскій дворъ самой бѣдной группы падаетъ расходовъ—при бюджетѣ 200—240, въ среднемъ 220 р.:

	Р.	К.	% къ доходу.
1) Пастушьихъ (деньгами 3 р., натурой 2 р. 10 к.)	5	10	2,3
2) Натуральныхъ повинностей (конныхъ 2 р. 50 к., пѣшихъ 3 р.) .	5	50	2,5
3) Налоговъ прямыхъ, съ выкупными и страховыми	18	80	8,5
4) По содержанію церквей и духовенства	16	—	7,3
5) Налоговъ косвенныхъ	29	50	13,4
	74	90	34,0

„Т. е. крестьянину наиболѣе распространенной группы бѣдныхъ хозяевъ приходится болѣе трети (34%) энергіи и производительныхъ силъ тратить только на уплату разнаго вида и наименованій налоговъ".

Само собою разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ не только не возможны никакія „сбереженія", но даже и сведеніе концовъ съ концами является трудно разрѣшимою задачею. „Экономическое положеніе деревни—говоритъ комиссія — такъ напряжено, что дальнѣйшее обложеніе невозможно безъ риска полнаго разоренія хозяйства со всѣми пагубными его послѣдствіями".

Если изъ центральнаго промышленнаго района мы перейдемъ въ центральный черноземный, то и здѣсь положеніе дѣлъ окажется никакъ не лучше. Воспользуемся прежде всего обстоятельными цифровыми данными, которыя имѣются въ матеріалахъ мѣстныхъ комитетовъ Орловской губерніи.

Орловская губернская земская управа, въ спеціальномъ докладѣ губернскому комитету, дѣлаетъ попытку вычислить размѣры обложенія сельскаго населенія восточныхъ земледѣльче-

скихъ уѣздовъ губерніи и сопоставить ихъ съ величиной дохода, извлекаемаго этимъ населеніемъ изъ земледѣльческаго промысла. Въ исчисленіяхъ своихъ Орловская управа идетъ путемъ, отличнымъ отъ того, который имѣя мѣсто въ приведенныхъ выше расчетахъ, относящихся къ Московской губерніи—она исходитъ не отъ бюджетныхъ данныхъ о дѣйствительныхъ приходахъ и расходахъ отдѣльныхъ семей, а отъ общихъ итоговъ, относящихся ко всему изучаемому району, съ крестьянскимъ населеніемъ около 1.100,000 душъ обоего пола. Итогъ всѣхъ *прямыхъ* налоговъ, уплачиваемыхъ этимъ населеніемъ (считая здѣсь и страховые платежи), составлялъ, по вѣдомостямъ Орловской казенной палаты, въ 1901 г. 3.508,000 рубл. Приблизительная цифра главнѣйшихъ косвенныхъ налоговъ исчисляется управою, по соображенію съ размѣрами потребленія въ губерніи обложенныхъ продуктовъ и съ нормами обложенія: въ 3 милліона рублей для акциза и вина и въ 500 тыс. рубл. для акцизовъ съ керосина, спичекъ, сахара и пошлины на чай [1]). Такимъ образомъ общая сумма всѣхъ этихъ видовъ обложенія, прямого и косвеннаго, опредѣлится около 700,000 р.; на каждую наличную душу, это даетъ болѣе 6 р., а на средній крестьянскій дворъ въ $6^1/_2$ душъ, около 40 руб.

Эта цифра менѣе той, какая выведена выше для типичной крестьянской семьи Московской губ. (около 70 р.), главнымъ образомъ по отношенію къ косвенному обложенію. Помимо того, что въ орловскомъ учетѣ взяты далеко не всѣ статьи этого обложенія, разница въ данномъ случаѣ обусловливается и меньшимъ потребленіемъ орловскаго крестьянина земледѣльческой полосы сравнительно съ промысловымъ московскимъ. Но это не показываетъ, еще, конечно, чтобы налоговая тяжесть была для него легче, чѣмъ для этого послѣдняго, такъ какъ въ его хозяйствѣ меньше не одинъ расходъ, но и приходъ также. Орловская управа не имѣла возможности опредѣлить весь доходъ, извлекаемый изъ земли и отъ продажи рабочей силы крестьянскимъ населеніемъ губерніи, и приводитъ два примѣрныхъ расчета, чтобы найти данныя для сужденія о платежныхъ его силахъ.

Средняя высота арендной платы въ 7 восточныхъ уѣздахъ губерніи составляетъ для владѣльческихъ земель 9—11 р., для крестьянскихъ—8 р. Если измѣрить арендною платою примѣрный доходъ отъ земли, то получимъ 8 милл. рублей для владѣльче-

[1]) Исчисленія эти сдѣланы въ общемъ весьма осторожно, и полученные итоги обложенія скорѣе *ниже*, чѣмъ выше дѣйствительности.

скихъ и 10 милл. рубл. для крестьянскихъ земель. По отношенію къ послѣдней цифрѣ итогъ крестьянскихъ платежей, въ формѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, составитъ $^{7}/_{10}$. Параллельно съ этимъ въ докладѣ управы сдѣланъ и другой расчетъ; именно—какъ велика сумма дѣйствительнаго *денежнаго* дохода *отъ земли*, получаемаго крестьянами и частными владѣльцами *вмѣстѣ*. Расчетъ этотъ построенъ такъ: деньги для уплаты налоговъ—разсуждаетъ управа—получаются

„землевладѣльцами посредствомъ продажи продуктовъ, добытыхъ ими въ своихъ хозяйствахъ, а земледѣльцами—частью только что указаннымъ путемъ, частью же посредствомъ отчужденія своего труда, въ формѣ найма. Но наемная плата, — если только наемъ совершается въ предѣлахъ даннаго района, а не внѣ его (отхожіе промыслы), вызываетъ для землевладѣльца необходимость реализаціи извѣстныхъ денежныхъ суммъ, опять же посредствомъ продажи своихъ продуктовъ. Такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ вся сумма платимыхъ населеніемъ налоговъ (если пока не принимать въ расчетъ денегъ, добываемыхъ населеніемъ на сторонѣ, путемъ отхожихъ промысловъ) взносится за счетъ отчужденія извѣстной суммы продуктовъ, вырабатываемыхъ населеніемъ данной мѣстности“.

Руководствуясь этими общими соображеніями, управа вводитъ въ приходъ составляемаго ею расчетнаго баланса семи черноземныхъ уѣздовъ губерніи суммы, получаемыя земледѣльческимъ населеніемъ этого района изъ трехъ источниковъ: 1) „отъ производительнаго потребленія продуктовъ сельскаго хозяйства на мѣстныхъ заводахъ; 2) отъ потребленія ихъ мѣстнымъ внѣземледѣльческимъ населеніемъ, главнымъ образомъ городскимъ и 3) отъ продажи ихъ для экспорта изъ даннаго района“.

Въ результатѣ тщательнаго учета трехъ названныхъ статей получается общая сумма прихода въ 12 милл. рублей приблизительно. Эта цифра ниже оцѣнки земледѣльческаго дохода по арендным цѣнамъ (18 милл.), но не слѣдуетъ забывать, что не весь земледѣльческій доходъ извлекается въ формѣ денегъ; часть получаемыхъ продуктовъ идетъ на потребленіе или обмѣнивается внутри района непосредственно, натурой.

Куда же расходуются населеніемъ получаемые имъ 12 милл. рубл?.. Около 4 милл. (3.956,988 р.—по вѣдомостямъ казенной палаты) идетъ на уплату прямыхъ налоговъ разныхъ категорій и 2 милл. приблизительно на уплату процентовъ въ поземельные банки. „Такимъ образомъ отъ чистаго денежнаго дохода, по уплатѣ платежей, лежащихъ на землѣ, остается всего 6 милл., что на населеніе въ 1149 тыс. (по переписи 1897 г.) составляетъ около 5 р. 20 к. на жителя. Эти суммы могутъ, такъ сказать, свободно

расходоваться населеніемъ". При свободномъ расходованіи этихъ денегъ населеніе встрѣчается, однако, съ косвенными налогами, и изъ 6 милл. 3 милл. рубл. ему приходится уплачивать въ видѣ акциза на вино и болѣе 1/2 милл. въ видѣ акциза на керосинъ, сахаръ, спички, табакъ и пошлины на чай. Въ результатѣ въ свободномъ распоряженіи населенія остается лишь 2 1/2 милл. или 1 р. 30 1/2 коп. на жителя.

Намъ скажутъ—говоритъ управа—что мы пришли къ абсурдному выводу. Если населеніе уплачиваетъ акцизъ, то оно покупаетъ облагаемые продукты, значитъ оно должно имѣть и деньги для этой покупки. Кромѣ того оно дѣлаетъ и другія траты; откуда же берутся для нихъ деньги? Но такое недоумѣніе безъ труда устраняется, если принять въ соображеніе, что при установленіи общей суммы денежнаго дохода сельскаго хозяйства силу недостатковъ матеріала) не могло быть сдѣлано расчлененія долей этого дохода между классомъ землевладѣльцевъ и классомъ земледѣльцевъ. Въ связи съ этимъ, на правой сторонѣ баланса пришлось принять въ общей суммѣ и платежи, лежащіе на населеніи. Между тѣмъ въ дѣйствительности платежная тягота ложится главнѣйшимъ бременемъ на низшіе слои населенія. Съ другой стороны, на ихъ долю приходится и меньшая часть денежной доходности сельскаго хозяйства: хозяйство самихъ крестьянъ работаетъ не столько для продажи, сколько для непосредственнаго потребленія, а получаемая отъ владѣльцевъ заработная плата, при существующихъ условіяхъ не можетъ быть высока. Если принять въ расчетъ всѣ эти обстоятельства, то „придется придти къ выводу, что землевладѣльцы въ цѣломъ должны имѣть нѣкоторый избытокъ. Что же касается крестьянъ, то у *огромнаго большинства ихъ бюджетъ сводится съ дефицитомъ*, который пополняется частью отхожими промыслами, частью же хронической недоплатой прямыхъ налоговъ"...

Всѣ приведенныя данныя,—говоритъ управа въ заключеніи своего доклада,—позволяютъ дать только одинъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, возможенъ ли успѣхъ сельскаго хозяйства при томъ финансовомъ бремени, которое на него наложено:

„Если населенію приходится выплачивать въ видѣ важнѣйшихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ порой даже болѣе 3/4 всего денежнаго дохода, который даетъ сельское хозяйство, то едва ли умѣстно говорить о возможности для него дѣлать сбереженія, направленныя на поддержаніе хозяйства въ годину бѣдствія и на его усовершенствованіе".

Спеціально къ крестьянскому хозяйству этотъ выводъ, конечно, примѣнимъ въ особенности. Въ томъ же докладѣ Орлов-

ской управы мы встрѣчаемъ фактическія указанія на кризисъ, который оно уже переживаетъ. Одинъ изъ 7 черноземныхъ уѣздовъ, о которыхъ шла рѣчь въ приведенномъ выше расчетѣ,— Кромской—былъ подвергнутъ дважды сплошному подворному обслѣдованію: въ 1887 и въ 1901 году. Вотъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ измѣненія въ положеніи крестьянскаго хозяйства за этотъ промежутокъ времени. Въ 1887 г. на 100 дворовъ приходилось 115 лошадей, 86 коровъ и 554 овцы; черезъ 14 лѣтъ эти среднія давали уже всего 94 лошади, 82 коровы и 523 овцы. Средній крестьянскій дворъ въ этомъ исключительно земледѣльческомъ уѣздѣ обѣднѣлъ всѣми видами скота,—въ особенности же рабочими лошадьми. Это обѣднѣніе *средняго* двора зависѣло отъ общаго пониженія уровня зажиточности *всей массы* дворовъ, а не одного какого нибудь ея слоя. Если сравнимъ относительныя числа дворовъ разной степени состоятельности (по числу лошадей — признаку для земледѣльческаго района достаточно характеристическому) по переписямъ 1887 и 1901 г., то получимъ такіе ряды.

На 100 дворовъ приходилось:	въ 1887	въ 1901
дворовъ безлошадныхъ	30,6	38,2
„ съ 1 лошадью	37,2	38,2
„ съ 2 лошадьми	23,0	18,1
„ съ 3 лошадьми	6,7	2,6
„ съ 4 и болѣе лошадьми	2,5	1,1

Возросла замѣтно группа дворовъ безлошадныхъ и группа дворовъ съ 1 лошадью—всѣ же группы болѣе зажиточныя сократились въ численности.

Характерны и относительныя цифры прироста и убыли дворовъ разной зажиточности.

Приростъ (+) или убыль (—) въ %

безлошадныхъ	+ 35,6
съ 1 лошадью	+ 10,4
съ 2 лошадьми	— 14,6
съ 3 лошадьми	— 34,4
съ 4 лошадьми	— 36,9

„Мы видимъ здѣсь—говоритъ цитируемый докладъ—совершенно правильный рядъ цифръ; чѣмъ данная группа зажиточнѣе, тѣмъ относительно больше сократилось въ ней число хозяйствъ за протекшія 14 лѣтъ; наоборотъ, чѣмъ бѣднѣе группа, тѣмъ относительно меньшимъ сокращеніемъ, а въ самыхъ бѣдныхъ группахъ большимъ приростомъ хозяйствъ она характеризуется. И такъ—заключаетъ управа—если и происходитъ въ крестьянской средѣ нѣкоторая хозяйственная дифференціація, то *она тонетъ въ общемъ массовомъ ихъ обѣднѣніи.*

На тотъ же процессъ обѣднѣнія указываютъ и офиціальныя данныя, относящіяся ко всему району. Сопоставленіе данныхъ 3 военно-конскихъ переписей 1888, 1893 и 1899 года даетъ такія итоговыя цифры количества лошадей у крестьянскаго населенія 7 черноземныхъ у.у. Орловской губерніи:

1888 — 221,989
1893 — 188,908
1899 — 177,539

Если цифру 1888 года мы возьмемъ за 100, то получится такой убывающій рядъ: 100;85,1; 79,9.

Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ это паденіе уровня крестьянскаго хозяйства, несомнѣнно, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ *непосильность* для населенія лежащаго на немъ налоговаго бремени. Объ этой непосильности свидѣтельствуетъ помимо всего прочаго уже фактъ быстраго роста податныхъ недоимокъ. Въ 1896 г. недоимокъ по всѣмъ видамъ платежей числилось за крестьянскимъ населеніемъ Орловской губ. 4,9 милл. р.; въ 1902 г. уже 8,87 милл., не считая 300 тыс. р. разсроченной земской недоимки, т. е. почти вдвое болѣе—и вдвое же болѣе годового оклада всѣхъ платежей.

Приблизительный расчетъ актива и пассива крестьянскаго хозяйства находимъ мы и въ трудахъ *Елецкаго* уѣзднаго комитета той же Орловской губерніи. Изъ этого расчета оказывается, „что не считая весьма значительнаго сельскаго общественнаго обложенія, каждая десятина крестьянской земли несетъ всякихъ податей и сборовъ не менѣе 6 р. 33 к., между тѣмъ чистая доходность ея (за вычетомъ стоимости обработки, включая и личный трудъ крестьянина) равняется въ среднемъ 7 р. 28 коп. На удовлетвореніе всѣхъ личныхъ потребностей крестьянина и его семьи остается слѣдовательно съ одной десятины—95 коп.“ Поддерживать свое существованіе крестьянину приходится только сторонними заработками.

При такомъ положеніи дѣла податное бремя нельзя не признать несоразмѣрно тяжелымъ.

„Налоговая тяжесть—говоритъ экономическая комиссія Елецкаго комитета—истощаетъ народное благосостояніе не только непосредственно, но и косвенно: сознаніе матеріальной необезпеченности, увѣренность, что сколько ни работай, все уйдетъ на покрытіе текущихъ податей или всепоглощающей недоимки, деморализуетъ населеніе. Это сознаніе безплодности экономическихъ усилій влечетъ за собою крайнее ихъ ослабленіе, безпечную и безрасчетную растрату даже необходимаго для хозяйства минимума средствъ. Отсюда огром-

ная и не уменьшающаяся цифра питейнаго дохода, который не минуетъ, правда, государственнаго казначейства, но гибельно отзывается на благосостояніи преобладающаго класса населенія"....

Балашовскій уѣздный комитетъ Саратовской губерніи такъ опредѣляетъ общіе итоги доходовъ и платежей крестьянскаго населенія уѣзда.

Годовой сборъ хлѣбовъ и картофеля въ уѣздѣ, по среднему расчету за 10 лѣтъ, составляетъ 16.895 тыс. пуд. Изъ этого количества нужно отчислить: на продовольствіе населенія (по нормѣ 21,6 пуд. въ годъ на 1 душу) 6.092 тыс. пуд. зерна и 1.450 т. пуд. картофеля и на посыпку и зерновой кормъ скоту 2.382 т. п. Свободный остатокъ хлѣба на продажу опредѣляется такимъ образомъ въ 6.971 тыс. пуд., стоимостью—по десятилѣтнимъ среднимъ цѣнамъ—въ 4.396 тыс. рублей. Изъ этой суммы необходимо однако вычесть: арендную плату (1.543 т. р.), платежи крестьянскому банку (325 т.) и страховые (93 т. р.), въ общей суммѣ 1.961 тыс. руб. За этими вычетами свободный остатокъ опредѣляется въ 2.435 тыс. руб. Прибавивъ сюда доходъ отъ обработки помѣщичьихъ земель и отъ батрачества (исчисляемый приблизительно въ 2.685 т. руб.), получимъ общій доходъ въ 5.120 т. р. На 1 душу обоего пола это составляетъ 18 р. 15 к., а на 1 дворъ (въ среднемъ 6,2 душъ)—114 р. 35 р.

Сколько же приходится балашовскому крестьянину выплачивать изъ этого дохода?

Общая сумма прямыхъ налоговъ, лежавшихъ въ 1900 г. на крестьянахъ Балашовскаго уѣзда, составляла 1.042 тыс. р. (госуд. поземельный налогъ—23 т. р.; выкупные платежи—499 т. р.; земскіе сборы—197 тыс. р.; сельскіе и волостные—323 тыс. р.). Затѣмъ идутъ косвенные налоги. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ *акцизъ на водку*, составляющій 11,5 коп. на градусъ спирта или 4 р. 60 к. на ведро водки въ 40 градусовъ.

„Въ Балашовскомъ у.—читаемъ мы въ журналѣ уѣзднаго комитета—передъ введеніемъ винной монополіи потреблялось 193 тыс. ведеръ въ годъ, что на одну душу сельскаго и городского населенія уѣзда составляетъ 0,6 ведра (24 градуса). Такъ какъ приписное наличное населеніе уѣзда равно 282 тыс., то, слѣдовательно, на долю крестьянъ приходится 169 тыс. ведеръ водки, съ которыхъ берется акциза 777 тыс. руб. Помимо этого, введеніе винной монополіи сопровождалось повышеніемъ цѣнъ на водку: за годъ введенія ея въ среднемъ по Балашовскому уѣзду водка продавалась 7 р. за ведро; въ настоящее же время (1902 г.) цѣна на нее повышена до 7 р. 60 к., т. е. на 60 к. Принимая во вниманіе количество ведеръ, потребляемыхъ крестьянствомъ, мы опредѣлимъ общее повышеніе въ 101 тыс. руб. Но это еще не все. Крестьяне Балашовскаго у. до введенія монополіи получали до 180 тыс. руб. за право

продажи вина. Этого дохода они въ настоящее время лишились, что равносильно увеличенію обложенія на такую же сумму. Такимъ образомъ винный налогъ складывается: изъ акциза—777 тыс. р., изъ повышенія цѣны—101 т. р., изъ потерь сельскихъ обществъ—180 тыс., всего 1.058 тыс. руб.".

Остальные косвенные налоги могутъ быть учтены только приблизительно. Уѣздный комитетъ дѣлаетъ имъ такой примѣрный расчетъ. Въ 1900 г. таможенный, спичечный, сахарный, табачный и нефтяной налоги дали 348,2 м. р. На душу населенія это составляетъ 2 р. 70 к.

„Примѣнить, однако, эту норму для сельскаго населенія было бы рискованно: хозяйство крестьянина еще въ большой мѣрѣ имѣетъ характеръ натуральнаго, потребности его довольно низки, по степени зажиточности крестьянинъ значительно уступаетъ городскому жителю. Въ виду всего этого ясно, что городское населеніе принимаетъ относительно большее участіе въ денежномъ хозяйствѣ страны, а поэтому и въ уплатѣ косвенныхъ налоговъ. Предположимъ—говоритъ комитетъ — что городской житель покупаетъ товаровъ, обложенныхъ налогами, въ 5 разъ больше чѣмъ крестьянинъ. Тогда, зная распредѣленіе населенія на городское и сельское и общую сумму налоговъ, мы найдемъ, что на душу крестьянскаго населенія приходится 1 р. 80 к. косвенныхъ налоговъ, а на городское 9 руб.".

На все крестьянское населеніе Балашовскаго у. по этому расчету причтется налоговъ таможеннаго, сахарнаго, спичечнаго, нефтянаго и табачнаго—507 тыс. руб.

Такимъ образомъ крестьяне Балашовскаго у. уплачиваютъ въ общей суммѣ: прямыхъ налоговъ—1.042 т. р., виннаго налога—1.058 т. р. и 5 косвенныхъ налоговъ 507 т. р., а всего 2.607 т. р.—На 1 душу населенія это составляетъ 9 р. 24 к., а на 1 дворъ 58 р. 21 к., при общемъ доходѣ въ 18 р. 15 к. на душу и 114 р. 35 к. на дворъ,—слѣдовательно налоги поглощаютъ болѣе половины свободнаго остатка крестьянина.

Но обложеніе въ дѣйствительности еще болѣе тягостно, чѣмъ это явствуетъ изъ приведенныхъ цифръ... Съ одной стороны, расчетъ доходовъ крестьянъ слѣдуетъ считать нѣсколько преувеличеннымъ, съ другой—

не принятъ во вниманіе цѣлый рядъ налоговъ, какъ, напр., государственный промысловый налогъ: хотя этотъ налогъ и падаетъ на торговопромышленный классъ, однако, въ значительной своей части онъ перелагается и на потребителей, а слѣдовательно и на крестьянъ; въ уплатѣ различныхъ пошлинъ (гербовыхъ, судебныхъ и др.) крестьянинъ также принимаетъ участіе; вноситъ крестьянинъ и свою долю пассажирскаго налога и т. д.

„Такимъ образомъ на удовлетвореніе различнаго рода личныхъ и хозяйственныхъ потребностей изъ свободнаго остатка у крестьянина Балашовскаго уѣзда, за покрытіемъ налоговъ, остается *меньше 56 р. 14 к.* на дворъ или

менѣе *8 р. 91 к.* на душу. Изъ этой ничтожной суммы онъ долженъ удовлетворить свою потребность въ одеждѣ и обуви, произвести ремонтъ строеній, хозяйственныхъ принадлежностей, живого и мертваго инвентаря; долженъ уплачивать долги и проценты по нимъ, долженъ произвести сбереженіе на случай пожара, падежа и другихъ несчастій, долженъ удовлетворить и свои культурныя потребности".

Въ результатѣ оказывается дефицитъ, покрываемый лишь недоѣданіемъ и вообще сокращеніемъ потребностей.

„При неравномѣрномъ распредѣленіи дохода и налоговъ въ самой крестьянской средѣ, дѣло обстоитъ еще хуже: по меньшей мѣрѣ 50% крестьянскаго населенія Балашовскаго уѣзда имѣютъ значительно менѣе 8 р. свободнаго остатка на душу и находятся въ состояніи хроническаго голоданія".

Приведенныя фактическія данныя доказываютъ полную невозможность искать основныя причины тяжелаго положенія крестьянскаго хозяйства въ его низкомъ техническомъ уровнѣ. Какое бы большое значеніе ни придавать сельско-хозяйственной техникѣ, не она—по мнѣнію Балашовскаго комитета—является первопричиной экономическаго упадка крестьянства. Она и не можетъ быть высока, когда „налоги изъ года въ годъ высасываютъ изъ крестьянскаго населенія огромную часть его дохода, не давая взамѣнъ почти ничего". Какіе затраты на улучшеніе техники возможны въ хозяйствахъ, которыя даютъ постоянные дефициты, покрываемые лишь хроническимъ голоданіемъ?

Цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, указывающихъ на непосильность государственнаго тягла для оскудѣвшаго крестьянскаго населенія находимъ мы и въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ Нижегородской губерніи.

„Экономическое положеніе Нижегородской губерніи—говоритъ въ своемъ подробномъ докладѣ *Нижегородская* губернская земская управа—являясь тяжелымъ вообще, обнаруживаетъ несомнѣнную наклонность къ дальнѣйшему ухудшенію". По земской переписи 1887—90 г.г. на каждые 100 крестьянскихъ дворовъ въ губерніи насчитывалось 42 безлошадныхъ. Если взять въ расчетъ исключительно дворы земледѣльческіе (т. е. имѣющіе посѣвъ), то и среди нихъ оказывается болѣе $^1/_4$ (26,3%) не имѣющихъ лошадей и вынужденныхъ такимъ образомъ обработку пашни производить наймомъ. Почти половину всѣхъ земледѣльческихъ дворовъ (46,9%) составляютъ дворы однолошадные, положеніе которыхъ весьма неустойчиво, такъ какъ одного случайнаго несчастья достаточно для превращенія однолошаднаго двора въ безлошадный. Среднихъ дворовъ (съ 2 лошадьми) значительно

меньше, чѣмъ безлошадныхъ (19,8%) и совсѣмъ ничтожно (7%) число дворовъ состоятельныхъ, имѣющихъ по 3 и 4 лошади. Мало обезпеченное рабочей силой крестьянское хозяйство недостаточно обезпечено и продуктивнымъ скотомъ: въ среднемъ по губерніи не приходится на дворъ и одной цѣлой коровы (91 корова на 100 дворовъ; въ сѣверныхъ промысловыхъ уѣздахъ это число поднимается до 112, но зато въ южныхъ земледѣльческихъ падаетъ до 84). Недостатокъ продуктивнаго скота влечетъ за собою и недостаточность удобрительныхъ средствъ, вслѣдствіе чего удобреніе примѣняется не ко всей пашнѣ и въ меньшихъ, чѣмъ бы слѣдовало, размѣрахъ. По расчетамъ, приведеннымъ въ докладѣ управы, запасъ удобрительныхъ средствъ составляетъ едва $^1/_5$ нормальнаго, при чемъ въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ находится южная, земледѣльческая часть губерніи. Въ зависимости отъ указанныхъ причинъ и урожаи на крестьянскихъ земляхъ получаются ниже, чѣмъ могли бы быть при примѣненіи болѣе совершенныхъ пріемовъ хозяйства. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе урожаевъ однихъ и тѣхъ же хлѣбовъ на владѣльческихъ и на крестьянскихъ земляхъ. Въ общемъ по губерніи крестьяне собираютъ съ своихъ земель ржи и овса на 6 пудовъ менѣе съ каждой десятины, чѣмъ частные владѣльцы. И здѣсь опять разница не въ пользу крестьянъ всего значительнѣе въ тѣхъ именно (южныхъ) уѣздахъ, гдѣ земледѣліе пользуется наибольшимъ преобладаніемъ среди занятій населенія. Поставленное въ такія неблагопріятныя условія, крестьянское хозяйство должно вмѣстѣ съ этимъ нести на себѣ очень тяжелое налоговое бремя. На каждую десятину крестьянской земли въ Нижегородской губерніи падаетъ въ среднемъ болѣе 2 р. однихъ только земельныхъ платежей, государственныхъ, земскихъ и мірскихъ,—не считая страховыхъ сборовъ и многочисленныхъ повинностей, отбываемыхъ натурою. Изъ чистаго земледѣльческаго дохода эти платежи поглощаютъ болѣе половины, въ среднемъ по всей губерніи; по отдѣльнымъ уѣздамъ это отношеніе еще выше, достигая 72, 79 и даже 86%.

Съ каждымъ годомъ это тяжелое положеніе нижегородскаго крестьянства дѣлается все бѣдственнѣе. Доказательствомъ этого можетъ служить непрерывный и систематическій ростъ его податной задолженности. Съ 1 янв. 1882 по 1 янв. 1892 г. недоимки по окладнымъ государственнымъ сборамъ, числившіяся за сельскимъ населеніемъ губерніи, возрасли на 237%. Ростъ этотъ продолжался и далѣе. За девятилѣтіе 1891—1900 г. недоимка увеличилась еще вдвое (возрастая ежегодно въ среднемъ на 14%).

Къ 1 янв. 1901 г. за крестьянскимъ населеніемъ числилось въ недоимкѣ по однимъ только казеннымъ сборамъ болѣе 9 милл. р., т. е. свыше четырехъ окладовъ этихъ сборовъ. На каждую душу приходилось, въ среднемъ по губерніи, 6 р. 22 к. недоимки; въ Лукояновскомъ уѣздѣ эта средняя составляла 11 р. 86 к., а въ Арзамаскомъ 13 р. 16 к. При этомъ, сверхъ казенной недоимки, за населеніемъ Нижегородской губерніи, числятся еще крупныя недоимки по земскимъ и страховымъ сборамъ и огромный продовольственный долгъ по ссудамъ, выданнымъ въ голодные года.

Въ ряду причинъ, вызвавшихъ подтверждаемое всѣми этими данными обѣднѣніе нижегородскаго крестьянства, губернская управа на первомъ мѣстѣ ставитъ совершенную непосильность для него того налогового бремени, которое оно теперь несетъ. Облегченіе этого бремени должно быть поэтому первымъ шагомъ на пути ко всякому сколько-нибудь серьезному улучшенію крестьянскаго хозяйства. „Можетъ ли—говоритъ управа—вестись съ выгодой земледѣльческое хозяйство, когда одни налоги, не считая натуральныхъ повинностей, поглощаютъ въ большинствѣ уѣздовъ свыше половины чистаго дохода“?

Къ аналогичнымъ выводамъ приходитъ и другой докладъ, посвященный главнѣйшимъ нуждамъ крестьянскаго населенія Нижегородской губерніи и представленный въ губернскій комитетъ уполномоченнымъ министерства земледѣлія г. Садовенемъ. Въ этомъ докладѣ г. Садовень между прочимъ дѣлаетъ попытку учесть главныя статьи земледѣльческаго бюджета *средняго* крестьянскаго двора въ губерніи—пользуясь для этого, главнымъ образомъ, данными губернскаго земства, провѣряя и частью дополняя ихъ указаніями другихъ, офиціальныхъ источниковъ.

Средній крестьянскій дворъ въ Нижегородской губерніи,—какъ онъ опредѣляется цифрами земской переписи,—состоитъ изъ 5,4 душъ, въ томъ числѣ 1,14 мужскихъ рабочихъ душъ и 1,3 женскихъ рабочихъ душъ, и имѣетъ 2,22 душевого надѣла. На дворъ приходится земли: усадебной 0,33 дес., пашни 6,01 дес., покоса 1,15 десят., выгона 0,2 дес. и лѣса 0,78 дес. Кромѣ того дворъ арендуетъ на сторонѣ 1 дес. пашни (за 3 р. 80 к.) и 0,3 дес. покоса (по цѣнѣ 10 р. за десятину). Всего скота, въ переводѣ на крупный, приходится на дворъ 2,66 головы. Отъ каждой головы получается навоза 20 возовъ по 25 пуд. каждый, а всего 53 воза, которые вывозятся ежегодно на паровое поле. Хозяйство ведется по трехпольной системѣ и слѣдовательно у крестьянскаго двора занято ежегодно, считая и арендованную пашню, по 2,336 десят. въ каждомъ полѣ.

Принимая въ расчетъ среднюю для Нижегородской губ. пропорцію различныхъ культуръ въ яровомъ клину и среднія же нормы: густоты посѣвовъ, величины урожая, натуры хлѣбовъ и продажной ихъ цѣны, — мы получимъ общую оцѣнку всего чистаго сбора съ пашни (за вычетомъ сѣмянъ) въ 75 р. 83 к.

Затѣмъ извѣстный доходъ въ хозяйствѣ получается отъ скотоводства. Величину этого дохода для „средняго“ двора г. Садовень, на основаніи очень тщательнаго расчисленія, опредѣляетъ въ 44 р. 53 коп. На содержаніе 2,66 головъ скота, кромѣ сѣна, соломы и мякины, получаемыхъ въ своемъ хозяйствѣ, нужно положить еще 15 мѣръ ржи и 25 мѣръ овса, стоимость которыхъ, около 15 р., слѣдуетъ вычесть изъ названной выше суммы валового дохода зернового хозяйства въ 75 р. 83 коп. Такимъ образомъ весь валовой доходъ отъ полеводства и скотоводства, въ переводѣ на деньги, составитъ: 75 р. 83 к. — 15 р. + + 44 р. 53 к. — 6 р. 80 к. (за аренду земли) = 98 р. 58 к.

Нужно ли разъяснять подробно, что эти средства недостаточны для поддержанія даже самаго скромнаго существованія крестьянской семьи?

„Допустивъ, говоритъ г. Садовень, что взрослый крестьянинъ на то, чтобы только прокормиться, обуться, одѣться и т. п., тратитъ всего 3 руб. въ мѣсяцъ— цифра, ниже которой врядъ ли можно принять и которая, конечно, въ дѣйствительности, мала—мы видимъ, что на содержаніе только взрослыхъ членовъ семьи нужно въ годъ 87 р. 84 к. Допустивъ далѣе, что на содержаніе съ одеждой и обувью подростка нужно только 2 р. въ мѣсяцъ, мы видимъ, что на содержаніе ихъ въ годъ нужно крестьянской семьѣ 71 р. 04 к. Всего же на содержаніе семьи нужно въ годъ 158 р. 88 к.,—и это при тѣхъ нищенскихъ денежныхъ нормахъ, какія мы приняли и которыя врядъ ли можно еще сократить, не уклоняясь отъ истины. Итакъ, крестьянская семья безъ уплаты всякихъ текущихъ повинностей и податей, не уплачивая никакихъ долговъ... на свою личную жизнь не можетъ затратить менѣе 158 р. 88 к., а имѣетъ отъ своего хозяйства, въ переводѣ на деньги, только около 99 р., — т. е. для того только, чтобы существовать, обуваться и одѣваться, крестьянская семья должна добыть внѣземледѣльческими занятіями или во всякомъ случаѣ работой внѣ своего надѣла и арендованной земли около 60 р. въ годъ“,

т. е. такую сумму, которая, какъ показываютъ всѣ имѣющіяся данныя, превышаетъ среднюю величину дѣйствительнаго заработка нижегородскаго крестьянина, ведущаго земледѣльческое хозяйство. Такимъ образомъ среднему крестьянину мудрено свести концы съ концами въ своемъ бюджетѣ даже и при самомъ скромномъ уровнѣ потребностей. А между тѣмъ на его хозяйствѣ лежитъ еще нелегкое бремя податей и повинностей. По расчету на 1900 годъ общая ихъ сумма составляла, не считая недоимокъ, около 22 руб-

лей на каждый дворъ (въ томъ числѣ около 10 р. выкупныхъ платежей и государственнаго налога, около 3,7 р. земскихъ сборовъ, около 2,2 страховыхъ платежей и до 6 р. мірскихъ сборовъ). Совершенно естественно, что значительная часть этихъ платежей остается въ хронической недоимкѣ, растущей изъ года въ годъ, рядомъ съ все болѣе и болѣе глубокимъ упадкомъ крестьянскаго хозяйства. Общая сумма задолженности населенія Нижегородской губерніи по недоимкамъ всѣхъ (казенныхъ и земскихъ) окладныхъ сборовъ и по продовольственнымъ ссудамъ къ 1 янв. 1901 г. исчисляется г. Садовенемъ, на основаніи указаній официальныхъ источниковъ, въ 15.508,107 рублей.

„Распредѣляя продовольственныя и страховыя недоимки на всѣ наличные дворы губерніи, а остальныя—на надѣльные, мы видимъ—говоритъ г. Садовень,—что въ среднемъ задолженность крестьянскаго двора выражается суммою около 64 рублей. Если мы вспомнимъ, что весь возможный валовой доходъ отъ крестьянскаго двора вмѣстѣ съ возможнымъ для него стороннимъ заработкомъ равняется суммѣ около 160 руб. въ годъ и что вся эта сумма при возможно минимальномъ, нищенскомъ потребительномъ уровнѣ уходитъ на питаніе, одежду, обувь и другія неотложныя нужды семьи,—то намъ станетъ ясно, какую громадную, неоплатную задолженность крестьянскаго двора рисуетъ эта цифра“.

Что накопленіе недоимокъ является результатомъ именно непосильности для населенія налогового бремени, а не слѣдствіемъ другихъ какихъ либо причинъ, лучше всего видно, если разсмотрѣть недоимочность по районамъ губерніи. Изъ сравненія схемъ хозяйства отдѣльныхъ районовъ—приводимыхъ въ докладѣ г. Садовеня, въ дополненіе къ среднему расчету по губерніи—видно, что въ сѣверной части губерніи итогъ всего трудоваго заработка семьи является наиболѣе благопріятнымъ; въ юго-западной и юго-восточныхъ частяхъ онъ будетъ приблизительно одинаковъ, если допустить, что семьи зарабатываютъ внѣ своего надѣла и арендованной земли одинаковое количество денегъ, 50—60 руб. въ годъ. Но въ дѣйствительности такой заработокъ возможенъ только въ юго-западномъ районѣ съ развитыми промыслами; на юго-востокѣ, въ районѣ исключительно земледѣльческомъ, онъ долженъ быть значительно ниже. Въ томъ же порядкѣ распредѣляется и задолженность районовъ: недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, текущихъ и разсроченныхъ, къ концу 1900 г., въ среднемъ на 1 дворъ, числилось: въ сѣверномъ районѣ около 18 р., въ юго-западномъ около 39 рублей и въ юго-восточномъ около 51 рубля.

Въ *Курской* губерніи стоимость всего урожая съ крестьян-

скихъ надѣльныхъ земель, по расчету мѣстной казенной палаты, оцѣнивается въ 32 мил. рублей, стоимость же продовольствія крестьянскаго населенія и обсѣмененія полей въ 28 милл. руб. слишкомъ. Чистый доходъ отъ земли опредѣляется, такимъ образомъ, въ 3.800.000 руб., а сумма всѣхъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ въ 7.794.624 р.—т. е. остаткомъ стоимости урожая (за вычетомъ на обсѣмененіе и на продовольствіе) крестьянское населеніе можетъ покрыть только половину лежащихъ на немъ прямыхъ налоговъ.

Въ *Корочанскомъ* уѣздѣ, той же Курской губ., по исчисленіямъ уѣзднаго комитета, на каждую десятину крестьянской земли падаетъ однихъ только *казенныхъ* налоговъ (считая и главнѣйшіе косвенные) не менѣе 5 р. 50 к. „Надо только удивляться,—замѣчаетъ комитетъ—какъ можетъ нашъ крестьянинъ выносить подобные налоги,—въ среднемъ до 50 р. на дворъ—не обладая достаточнымъ количествомъ земли, неграмотный, не знающій ремеселъ, которыя позволяли бы ему использовать продолжительный лѣтній досугъ".

Мы не будемъ продолжать далѣе нашихъ выдержекъ. Думаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно для иллюстраціи того вывода о несоразмѣрности общей тяжести государственнаго тягла съ платежными силами населенія, несущаго на себѣ главную долю этого тягла, съ которымъ, какъ уже было сказано выше, мы встрѣчаемся на самомъ порогѣ нашего обзора заключеній мѣстныхъ комитетовъ, по финансовымъ вопросамъ.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя дѣлаются комитетами по отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ, изъ которыхъ слагается налоговое бремя.

II.

Среди многообразныхъ тяготъ и повинностей, которыя несетъ государству крестьянская масса, есть одна категорія казенныхъ платежей, крайняя обременительность которой, такъ сказать, официально признана и почти не возбуждаетъ споровъ. Это—такъ наз. „выкупные платежи". Выкупные платежи—наслѣдіе и, частью, пережитокъ крѣпостнаго права. Развязывая крѣпостныя путы, государство возложило, какъ извѣстно, всю тяжесть финансовой ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній исключительно на самихъ крестьянъ, безъ всякаго участія остальныхъ сословій. Само государство являлось только въ роли посредника между помѣщиками

и ихъ бывшими крѣпостными. Выкупную сумму за отходившую къ крестьянамъ землю выплачивало помѣщикамъ государство, бумагами особаго, спеціально для выкупной операціи выпускаемаго займа; но всѣ платежи по этому займу должны были покрыть, періодическими взносами въ казну въ теченіе 49 лѣтъ, сами выходившіе на волю крестьяне. Крестьянскіе „выкупные“ платежи расчитаны были при этомъ такимъ образомъ, чтобы вполнѣ гарантировать государственное казначейство отъ всѣхъ убытковъ по этой посреднической операціи (для этой цѣли крестьяне приплачивали лишнихъ $^1/_2$ % противъ слѣдовавшихъ для уплаты процентовъ и погашенія по займу). Съ другой стороны, въ силу тѣхъ теченій, которыя взяли верхъ во вторую половину работъ по составленію „Положенія 19 февраля 1861 г.“ и при введеніи этого положенія въ дѣйствіе—самыя оцѣнки земель, отводимыхъ въ надѣлъ крестьянамъ, установлены были въ такихъ размѣрахъ, которые во многихъ случаяхъ—въ особенности въ нечерноземной полосѣ—совершенно не соотвѣтствовали ни цѣнности надѣльной земли, ни платежнымъ силамъ крестьянъ. Въ результатѣ этого, съ первыхъ же лѣтъ выкупной операціи, за крестьянами начали накопляться хроническія недоимки—и параллельно съ этимъ,—съ другой стороны, росъ „запасный“ капиталъ операціи.

Послѣ долгой безуспѣшной борьбы съ крестьянскими недоплатами, правящія сферы должны были, наконецъ, придти къ убѣжденію, что источникомъ этихъ недоплатъ служитъ не упорство плательщиковъ, съ которымъ можно бороться понудительными мѣрами взысканія, а несоразмѣрность самого оклада платежей „съ достоинствами надѣла и средствами крестьянъ“, проистекающая отъ того, „что крестьянскіе оброки, послужившіе основаніемъ для исчисленія выкупныхъ платежей, взимались не съ одной цѣнности земель, но въ большей или меньшей степени и съ личнаго труда крестьянъ“. Такая несоразмѣрность обнаруживалась по цѣлымъ мѣстностямъ и вела за собою увеличеніе задолженности крестьянъ. Въ 1881 г. признано было по этому необходимымъ произвести общее и спеціальное для особо отягощенныхъ мѣстностей пониженіе выкупныхъ платежей, всего на сумму 12 м. р. Вмѣстѣ съ тѣмъ сложена была и значительная часть недоимокъ (около 14 милл.), достигшихъ къ тому времени солидной суммы 26,2 милл. р., при окладѣ въ 42,6 милл. рубл.

Въ результатѣ этихъ мѣръ недоимочность по выкупнымъ платежамъ на нѣсколько лѣтъ была пріостановлена. Но съ конца восьмидесятыхъ годовъ она снова начинаетъ расти съ еще большею силою, почти непрерывно. Съ 1887 г. въ выкупной платежъ

была превращена и оброчная подать государственныхъ крестьянъ, съ значительнымъ при этомъ повышеніемъ ея оклада,—и сразу же оказалась въ недоборѣ. Къ 1892 г.—слѣдовавшему за памятнымъ „голоднымъ“ годомъ—недоимка по выкупнымъ платежамъ, при окладѣ въ 97,6 м. р., составляла уже 69,1 милл. Чрезъ десять лѣтъ, къ концу 1901 г., она выросла до 122,4 милл., слишкомъ въ $2^1/_4$ раза превысивъ годовой окладъ. Въ этомъ второмъ періодѣ главный очагъ недоимочности передвинулся изъ нечерноземной полосы въ губерніи средняго Поволжья и Заволжья и злополучнаго земледѣльческаго центра, т. е. въ тотъ районъ, на которомъ неурожаи девяностыхъ годовъ оставили наиболѣе гибельные слѣды. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній задолженность населенія достигла по истинѣ колоссальныхъ размѣровъ; въ Уфимской губ., напримѣръ, сумма недоимокъ къ 1 янв. 1902 г. составляла слишкомъ 5 окладовъ (507, $8^0/_0$), въ Казанской и Оренбургской свыше $4^1/_2$ (463 и $456^0/_0$), въ Нижегородской—болѣе 4 ($420^0/_0$) и т. д. Въ общей суммѣ на 16 губерній названной полосы падало около $106^1/_2$ милл. рубл. выкупныхъ недоимокъ (изъ $122^1/_2$ милл. рубл. всего ихъ количества).

И теперь, конечно, невозможно было ограничиться исключительно мѣрами строгости „къ понужденію неисправныхъ плательщиковъ“. Обременительность налога слишкомъ явно била въ глаза, чтобы возможно было не видѣть ея и не принять какихъ либо мѣръ къ ея облегченію. Но льготныя мѣры въ этомъ второмъ періодѣ выкупной операціи носили на себѣ характеръ совершенно отличный отъ тѣхъ, какія приняты были въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Прежде всего, планъ совершеннаго *сложенія* хотя бы нѣкоторой части платежей и недоимокъ былъ рѣшительно отвергнутъ и льготы ограничивались исключительно *отсрочками и разсрочками*, сначала только недоимокъ, а затѣмъ и капитальнаго выкупнаго долга. Такія льготы могли примѣняться только къ *отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ*, послѣ выясненія дѣйствительности ихъ нужды, путемъ спеціальнаго каждый разъ обслѣдованія. Никакія сплошныя льготы для всѣхъ плательщиковъ или для цѣлыхъ мѣстностей и большихъ группъ крестьянскаго населенія не должны были допускаться. Наконецъ, характерную черту всей этой операціи составляетъ строго бюрократическій ея характеръ: въ то время какъ въ восьмидесятыхъ годахъ къ работамъ по приведенію въ исполненіе закона о пониженіи выкупныхъ платежей привлечены были земскія учрежденія, теперь весь циклъ этихъ работъ замыкался въ сферѣ мѣстныхъ и центральныхъ административныхъ органовъ. Въ указанномъ

направленіи изданъ былъ рядъ узаконеній: 3 апрѣля 1889 г., 7 февраля 1894 г., 13 мая 1896 г. и, наконецъ, 31 мая 1899 г. Первыя два узаконенія касались исключительно недоимокъ выкупныхъ платежей. По закону 1889 года разсрочка и отсрочка этихъ недоимокъ предоставлена была соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, безъ ограниченія суммы, но съ тѣмъ, чтобы продолжительность той и другой льготы вмѣстѣ не превышала десяти лѣтъ. Въ 1899 г. это послѣднее ограниченіе было отмѣнено. Министръ финансовъ получилъ право разсрочивать и отсрочивать, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, или въ подлежащихъ случаяхъ военнымъ, недоимки по выкупнымъ платежамъ безъ ограниченія суммы и продолжительности льготы, съ тѣмъ, чтобы ежегодные взносы каждаго общества на пополненіе недоимокъ не превышали годоваго оклада. Ходатайства о такихъ льготахъ должны представляться министру отъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и основываться на предварительномъ подробномъ разслѣдованіи хозяйственнаго положенія каждаго отдѣльнаго сельскаго общества, для котораго испрашивается отсрочка или разсрочка недоимки. Иниціатива возбужденія вопроса о такомъ разслѣдованіи могла принадлежать или самимъ сельскимъ обществамъ, которыхъ оно касается, или административнымъ учрежденіемъ и должностнымъ лицамъ въ губерніи (начальнику губерніи, управляющему казенной палатой, уѣзднымъ крестьянскимъ учрежденіямъ или отдѣльнымъ ихъ членамъ).

Но каковы бы ни были льготы по уплатѣ *недоимокъ*, онѣ во всякомъ случаѣ не могли облегчить существенно положеніе населенія, для котораго непосильны были и самые *текущіе платежи*. Совершенно необходимо было, поэтому, сдѣлать что-нибудь для уменьшенія ихъ тяжести; иначе борьба съ недоимками оказывалась бы совершенно безцѣльною—на мѣсто разсроченныхъ опять должны были неизбѣжно нарости новые долги. Законъ 1896 года и являлся шагомъ въ этомъ направленіи. Онъ предоставлялъ министру финансовъ,—по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, государственнымъ контролеромъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и министромъ военнымъ—право *пересрочивать на новый срокъ* оставшійся еще непогашеннымъ *выкупной долгъ* сельскихъ обществъ, для которыхъ годовые платежи по этому долгу оказывались обременительными. Пересрочка эта допускалась на сроки въ 56 лѣтъ, 41 годъ и 28 лѣтъ; ежегодные платежи въ уплату этого долга назначались при этомъ въ $4^1/_2$, 5 и 6 % со всей пересроченной суммы. Въ случаѣ недостаточности льготы

въ такомъ объемѣ законъ допускалъ сверхъ пересрочки и *отсрочку* части непогашеннаго долга. Вся сумма долга должна дѣлиться при этомъ на двѣ части, изъ которыхъ одна разсрочивается на 56 лѣтъ, а уплата другой откладывается до окончанія этого срока. На эту отсроченную часть долга проценты не начисляются до поступленія срока, когда должно начаться ея погашеніе, срочными взносами. Порядокъ разрѣшенія льготъ на отсрочки и пересрочки платежей устанавливался тотъ же, какой существовалъ для разсрочки недоимокъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что дѣла о льготахъ по закону 1896 г. могли возбуждаться только по непосредственнымъ ходатайствамъ самихъ сельскихъ обществъ.

Не смотря на всю свою видимую льготность, законъ 1896 г. совсѣмъ не привился, однако, къ жизни. Неизбѣжно вызываемое его примѣненіемъ удлиненіе на многіе годы выкупной операціи было очень непопулярно среди крестьянства и ходатайствъ о пересрочкахъ отъ сельскихъ обществъ почти не поступало. Вслѣдствіе этого правила 13 мая 1896 г. дополнены и видоизмѣнены были узаконеніемъ 31 мая 1899 г. Этимъ закономъ, съ одной стороны, было постановлено, чтобы въ случаяхъ *отсрочки* части выкупнаго долга, другая, *разсрочиваемая*, часть этого долга, погашалась не въ 56 лѣтъ (какъ это слѣдовало по закону 1896 г.), а въ 28, по истеченіи которыхъ начиналось бы погашеніе второй, *отсроченной* части. Такимъ образомъ общая продолжительность выкупной операціи уменьшалась на 28 лѣтъ противъ предполагавшейся по первоначальнымъ постановленіямъ 1896 года. Съ другой стороны, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ предоставлялось право *собственною властью*, не выжидая просьбъ сельскихъ обывателей, дѣлать распоряженія о производствѣ мѣстныхъ разслѣдованій и возбуждать затѣмъ ходатайства объ облегченіи пополненія выкупнаго долга по тѣмъ селеніямъ, которыя 1) въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ ни разу не уплатили сполна существующихъ окладовъ выкупныхъ платежей или 2) уплатили въ общей суммѣ за тотъ же пятилѣтній періодъ не болѣе 80% оклада.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о выкупныхъ платежахъ къ началу дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ. Операція разсрочки недоимокъ была уже почти закончена. Къ 1 янв. 1902 г. изъ общей суммы всѣхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ (122,4 м. р.) было отсрочено и разсрочено 109,6 м. р. и по счету срочныхъ недоимокъ числилось только 12,8 м. Съ пересрочкою *окладовъ* платежей дѣло стояло гораздо хуже. Законъ 1899 г. устранилъ, правда, одну изъ причинъ, тормазившихъ эту операцію—

несочувствіе и пассивное противодѣйствіе ей со стороны самаго крестьянскаго населенія—но сложный бюрократическій аппаратъ, который надлежало привести въ движеніе, и самъ по себѣ обнаруживалъ достаточную дозу инерціи и тренія въ различныхъ своихъ частяхъ.

Выкупнымъ платежамъ въ работахъ комитетовъ удѣлено было самое серьезное вниманіе: мы имѣемъ цѣлый рядъ докладовъ и постановленій по этому предмету въ трудахъ комитетовъ уѣздныхъ и нѣсколькихъ губернскихъ, — главнымъ образомъ, конечно, тѣхъ районовъ восточной, средне-черноземной и центрально-промышленной полосы, въ которыхъ обременительность этого вида обложенія сказалась особенно рѣзко на положеніи сельскаго населенія.

Комитеты останавливаются при этомъ и на выясненіи степени тяжести выкупныхъ платежей, и на способахъ ея облегченія. Правительственныя мѣры, предпринятыя въ этомъ направленіи за послѣднее десятилѣтіе, огромнымъ большинствомъ комитетовъ признаются совершенно недостаточными и самыя начала, на которыхъ построена вся операція отсрочки и разсрочки недоимокъ и оклада платежей, не отвѣчающими той цѣли, съ какой эта операція предпринята. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе симпатій вызываетъ та постановка, которая дана была дѣлу при общемъ пониженіи выкупныхъ платежей въ 1881 году.

«Законъ 1881 г., — читаемъ мы, между прочимъ, въ докладѣ предсѣдателя *Тихвинскаго* у. комитета Новгородской губерніи М. Н. Буткевича, — не обусловленный ни продленіемъ періода выкупной операціи, ни соотвѣтствующимъ о томъ ходатайствомъ крестьянскихъ обществъ, оказалъ особенно благодѣтельное вліяніе: наше крестьянство пережило громадный по своимъ результатамъ и крайне важный по своимъ послѣдствіямъ процессъ, извѣстный въ статистической литературѣ подъ именемъ „обращенія къ землѣ“, и многими изслѣдованіями констатировано для нѣкоторыхъ мѣстностей значительное уменьшеніе процента отсутствующихъ хозяйствъ чрезъ обратный приливъ въ деревню ранѣе ушедшихъ семей“.

„Проявленію благихъ послѣдствій этого закона,—читаемъ мы далѣе въ цитируемомъ докладѣ,—въ значительной степени способствовалъ и принятый въ то время правительствомъ порядокъ его реализаціи, а именно порученіе земству распредѣленія общей суммы пониженія по отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ и хозяйственной состоятельности подлежащихъ обществъ. Земство отнеслось къ возложенному на него порученію съ вполнѣ отвѣчающимъ его важности вниманіемъ, преданностью интересамъ мѣстнаго населенія и сознаніемъ отвѣтственности. Первоначально былъ собранъ матеріалъ и необходимыя свѣдѣнія, болѣе или менѣе осязательно и конкретно рисующія экономическую состоятельность крестьянскихъ обществъ—количество населенія, землевладѣнія, пашни, скота и пр. По разработкѣ и сводкѣ этихъ данныхъ они послужили руководящимъ основаніемъ при опре-

дѣленіи жизненнымъ путемъ—опросомъ на сходахъ самихъ крестьянъ—различныхъ разрядовъ или группъ селеній по волостямъ, по степени ихъ земельной обезпеченности. При этомъ предполагалось всѣ селенія, въ отношеніи различныхъ нормъ пониженія, разбить на 3 группы, но на самомъ дѣлѣ подробныя и добросовѣстныя показанія о качественныхъ особенностяхъ надѣла и разнообразіи мѣстныхъ условій установили гораздо большее число группъ, доходившихъ до 6".

„Пишущему настоящій докладъ, — говоритъ г. Буткевичъ, — пришлось принять участіе въ указанной работѣ земства и имъ никогда не забудутся проявленныя въ настоящемъ дѣлѣ чуткость крестьянъ къ оказанной имъ правительственной помощи, ихъ отзывчивость къ интересамъ міра и справедливости, коими они проникались для содѣйствія наиболѣе правильному распредѣленію этой помощи и коими они руководились въ добросовѣстныхъ и правильныхъ показаніяхъ самыхъ детальныхъ оттѣнковъ въ различіи надѣловъ... Произведенное по полученнымъ такимъ путемъ даннымъ пониженіе не вызвало ни одной жалобы".

Совершенно въ иномъ видѣ представляется ходъ дѣла теперь. И при этомъ неуспѣшность примѣненія узаконеній 1896 и 1899 гг. въ самой значительной мѣрѣ нужно отнести на счетъ самыхъ порядковъ, этими узаконеніями устанавливаемыхъ.

Въ самомъ законѣ — замѣчаетъ предсѣдатель *Елецкаго* у. комитета Орловской губ. А. А. Стаховичъ въ подробномъ докладѣ своемъ, посвященномъ выкупнымъ платежамъ—имѣются данныя, препятствовавшія осуществленію его главныхъ цѣлей.

„Это—во первыхъ, самый способъ податнаго облегченія—пересрочка, т. е. продленіе выкупной операціи и при томъ въ большинствѣ случаевъ (при примѣненіи отсрочки долга) продленіе на неопредѣленный срокъ; во вторыхъ—поставленіе примѣненія закона въ зависимость отъ желаній обществъ и въ третьихъ, эластичность примѣненія закона, весьма разумная и справедливая сама по себѣ, но несбыточная по условіямъ ея реализаціи... Пересрочки и отсрочки выкупного долга не могли вызвать всеобщихъ симпатій въ крестьянскомъ населеніи. Даже при сознаніи необходимости такого продленія выкупной операціи крестьяне предпочитаютъ остаться при нынѣшнихъ непомѣрныхъ окладахъ, надѣясь на то, что недоимки, ежегодно возрастающія, будутъ или прощены по манифестамъ или сложены по безнадежности, и вообще расчитываютъ на всякіе другіе пути къ облегченію выкупной задолженности. Слѣдствіемъ такого настроенія крестьянъ и являются, вѣроятно, отказы обществъ отъ примѣненія законовъ 1896 и 1899 гг.". Иногда, впрочемъ, въ такихъ отказахъ „повинны и внѣшнія вліянія. Это предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что отказы отъ ходатайствъ чаще всего являются общими для цѣлой волости или даже земскаго участка. По одной волости Елецкаго у.—указываетъ г. Стаховичъ — имѣются *гектографированные* приговоры съ отказомъ обществъ отъ возбужденія ходатайствъ".

Что касается той эластичности пониженія окладовъ, достичь которой стремится законъ, то, говоритъ г. Стаховичъ,

„если бы даже возможно было строго сообразовать пониженіе съ данными объ экономическомъ положеніи обществъ, добытыми обслѣдованіями, — самыя обслѣдованія эти далеко не всегда даютъ истинную картину экономическихъ и платежныхъ силъ населенія. Правда, программа обслѣдованія, предложенная министерствомъ финансовъ, достаточно широка и почти исчерпываетъ всѣ стороны хозяйственнаго быта крестьянъ, но сколько нибудь добросовѣстно заполнить ея вопросы и сдѣлать изъ отвѣтовъ правильные выводы представляется такимъ серьезнымъ трудомъ, который, какъ и слѣдовало ожидать, явился непосильнымъ для лицъ, производившихъ экономическое обслѣдованіе“ [1]).

„Достаточно было просмотрѣть такія обслѣдованія Елецкаго у.—читаемъ мы въ докладѣ—чтобы усомниться въ ихъ практическомъ значеніи. За исключеніемъ двухъ-трехъ волостей, которыя обслѣдованы были податною инспекціею, по остальнымъ волостямъ отвѣты на вопросы программы поражаютъ своей стереотипностью, которой никакъ нельзя предположить въ дѣйствительныхъ хозяйственныхъ условіяхъ различныхъ селеній. По одному земскому участку имѣются даже *печатные отвѣты* съ оставленіемъ мѣстъ для нѣкоторыхъ цифръ“.

Повидимому, и само министерство финансовъ усомнилось въ возможности обосновать свои заключенія на такомъ шаткомъ матеріалѣ и приняло за объективный показатель хозяйственно-платежнаго состоянія сельскихъ обществъ среднее годичное поступленіе выкупныхъ платежей за послѣднія 9 лѣтъ. Но и при этомъ упрощенномъ пріемѣ,—какъ показываютъ приведенныя въ докладѣ г. Стаховича цифры—нормы пониженія, сдѣланныя для различныхъ селеній, все таки являются случайными и несоотвѣтствующими тѣмъ признакамъ, на какихъ, повидимому, они основывались. Объясняется это тѣмъ, что губернское присутствіе и казенная палата, на обязанности которыхъ лежало составленіе расчетныхъ вѣдомостей для новаго оклада, дѣлали это тоже совсѣмъ механически, по принятымъ шаблонамъ, пользуясь наиболѣе легкими и простыми пріемами расчисленія. Отъ этого и примѣненіе результатовъ „обслѣдованій“ оказалось столь же стереотипнымъ и шаблоннымъ, какъ и ихъ выполненіе. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Стаховичъ, идея согласованія пониженія съ экономическимъ положеніемъ обществъ терпѣла окончательное пораженіе въ канцелярскихъ расчетахъ“.

Въ Елецкомъ у. изъ 528 обществъ получили облегченіе выкупныхъ платежей (къ половинѣ 1892 г.) 343. Въ общемъ для всѣхъ ихъ пониженіе составило 102,905 р., т. е. 34,3% оклада. Пониженіемъ болѣе чѣмъ въ 50% оклада воспользовалось при этомъ 46 обществъ и пониженіемъ отъ 46 до 50% — 84 общества. Съ

[1]) Инструкція къ закону 1899 г. поручаетъ производство такого обслѣдованія земскому начальнику, податному инспектору или лицамъ, командируемымъ губернаторомъ.

другой стороны, для 82 селеній оклады понижены только на 10% и для 93—на 15 %. Между прочимъ, такія незначительныя скидки получили *всѣ* селенія, не возбуждавшія ходатайствъ о пересрочкѣ платежей, каково бы ни было ихъ экономическое положеніе. Какъ мы уже упоминали, цифры доклада показываютъ, что и для остальной части селеній индивидуализація льготъ находится въ слабомъ соотвѣтствіи съ ихъ платежною способностью, какими бы признаками для опредѣленія этой способности ни руководствоваться. На основаніи всѣхъ сгруппированныхъ въ его докладѣ данныхъ г. Стаховичъ находитъ, поэтому, что отъ такой индивидуализаціи было бы правильнѣе совсѣмъ отказаться.

„*Необходимо*—говоритъ онъ—*законодательное установленіе общей и при томъ значительной нормы пониженія годоваго оклада выкупныхъ платежей*, безъ продленія срока выкупа и съ полнымъ сложеніемъ накопившейся по сей день недоимки. Нѣкоторое колебаніе этой нормы вверхъ и внизъ (послѣднее въ очень тѣсныхъ предѣлахъ) могло бы быть допущено въ зависимости отъ общаго экономическаго состоянія крестьянскихъ обществъ. Послѣдняя мѣра, однако, была бы желательна лишь въ томъ случаѣ, если бы экономическое обслѣдованіе было передано въ руки земства; но, принимая во вниманіе отрицательное отношеніе къ земской статистикѣ, нужно довольствоваться общимъ однообразнымъ пониженіемъ оклада выкупныхъ платежей... Само собою разумѣется, что такую мѣру слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ крестьянскимъ обществамъ и безъ всякихъ о томъ ходатайствъ съ ихъ стороны“.

Къ аналогичнымъ выводамъ приходитъ и другой спеціальный докладъ о выкупныхъ платежахъ, заключающій въ себѣ цифровыя данныя о результатахъ операціи по пересрочкѣ выкупныхъ платежей, представленный *Каширскому* уѣздному комитету Тульской губерніи.

Всѣ селенія Каширскаго уѣзда въ докладѣ этомъ дѣлятся по отношенію къ выкупнымъ платежамъ на четыре категоріи:

„1) Селенія, пожелавшія воспользоваться пересрочкою; такія селенія (124) въ настоящее время платятъ приблизительно половинный окладъ податей, но съ удлиненіемъ срока выкупа. 2) Селенія, отказавшіяся отъ пересрочки, но въ которыхъ обслѣдованія по закону 31 мая 1899 г. были сдѣланы и ходатайство о льготѣ возбуждено помимо желанія крестьянъ; такимъ селеніямъ (ихъ 13) предоставлена льгота, состоящая въ уменьшеніи выкупныхъ платежей, приблизительно на 10%, безъ увеличенія срока выкупа. 3) Селенія, гдѣ обслѣдованія по закону 31 мая 1899 г. должны были быть произведены, но до сихъ поръ по различнымъ причинамъ не произведены; эти селенія (ихъ около 100) уплачиваютъ выкупные платежи безъ измѣненія, не смотря на то, что по внѣшнимъ уже признакамъ считаются заслуживающими льготы и, наконецъ, 4) селенія, постоянно исправно уплачивающія платежи и потому въ льготѣ какъ бы не нуждающіяся; такихъ селеній весьма немного“.

Такимъ образомъ различнымъ селеніямъ уѣзда приходится нести далеко не одинаковую тяжесть налогового бремени. Чтобы уравнять эту тяжесть съ ихъ платежными силами, самымъ естественнымъ путемъ—говоритъ докладъ — было бы производство хозяйственнаго обслѣдованія всѣхъ селеній уѣзда и назначеніе затѣмъ каждому селенію оклада платежа, соотвѣтствующаго его положенію.

„Но здѣсь мы сталкиваемся съ техническими затрудненіями: гдѣ найдутся у насъ органы настолько компетентные и безпристрастные, которымъ можно было бы поручить подобныя изслѣдованія? Опытъ производства этихъ изслѣдованій чрезъ лицъ мѣстной администраціи привелъ къ результатамъ, едвали утѣшительнымъ. Естественно взоры наши обращаются на земство, какъ единственный органъ, который могъ бы помочь въ этомъ дѣлѣ, но земская статистика въ настоящее время переживаетъ тяжелый кризисъ и неизвѣстно, когда онъ разрѣшится... Въ виду этихъ затрудненій не проще ли было бы скинуть часть выкупного долга всѣмъ селеніямъ безъ исключенія, безъ производства спеціальныхъ обслѣдованій".

Эта мѣра представлялась бы, по мнѣнію докладчика, раздѣленному и уѣзднымъ комитетомъ, самою удобопримѣнимою. Огромнымъ ея достоинствомъ оказывается уже то, что она можетъ быть очень быстро проведена въ жизнь и облегчить положеніе обремененнаго непосильными платежами крестьянскаго населенія.

За немедленное сплошное и значительное пониженіе выкупныхъ платежей, безъ продленія при этомъ выкупного срока, высказывается и еще цѣлый рядъ комитетовъ. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ указывается при этомъ и желательный размѣръ такого пониженія—обыкновенно не менѣе 50% (Лохвицкій, Яренскій, Юхновскій, Каширскій, Тамбовскій, Сызранскій и др.) Очень многіе комитеты идутъ еще далѣе и считаютъ необходимымъ не пониженіе, а совершенное *уничтоженіе* выкупныхъ платежей и сложеніе всѣхъ наросшихъ на нихъ недоимокъ.

Необходимость этихъ мѣръ обосновывается въ сужденіяхъ комитетовъ не только обременительностью выкупныхъ платежей — признанною и правительствомъ — но и требованіями справедливости.

Выкупные платежи представляютъ въ настоящее время не что иное, какъ налогъ, крайне тяжелый и крайне несправедливый, такъ какъ лежитъ онъ цѣликомъ на одномъ сословіи (Орловскій у. ком.). Сравнивать ихъ съ ипотечнымъ долгомъ совершенно неправильно; ипотечный долгъ есть результатъ добровольнаго соглашенія двухъ контрагентовъ, при выкупныхъ пла-

тежахъ никакого соглашенія не было. Затѣмъ въ данномъ случаѣ отсутствуютъ и другіе основные признаки ипотечнаго долга: имущественная обезпеченность долга и періодическое погашеніе первоначальнаго капитала. Выкупные платежи гарантируются не имуществомъ владѣльца, а его личною отвѣтственностью. Соотвѣтствіе между крестьянскими платежами и государственными займами, произведенными для выкупной операціи, совершенно исчезло уже благодаря конверсіямъ этихъ займовъ, превращенныхъ теперь въ непогашаемые, такъ что выкупные платежи затрачиваются теперь не на погашеніе выкупного долга спеціально, а на общегосударственныя нужды. Это просто бюджетная приходная статья прямого обложенія. И по способу взысканія, и по установившемуся на нихъ воззрѣнію плательщиковъ они ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ прямыхъ налоговъ. (Орловскій губ., Нолинскій, Вятск. губ.).

Но если даже и отрѣшиться отъ взгляда на выкупные платежи, какъ на налогъ, и разсматривать ихъ, какъ періодическія уплаты за поступающую въ полную собственность крестьянъ землю,—то и въ такомъ случаѣ полная *экономическая* несостоятельность операціи бросается въ глаза. Съ этой точки зрѣнія выкупные платежи представляютъ собою какъ бы отложеніе крестьянами своихъ сбереженій въ копилку и пріобрѣтеніе на эти сбереженія собственности. Это дѣлается еще нагляднѣе, если мы обратимся къ крестьянамъ бывшимъ государственнымъ. Если о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ можно сказать, что они выплачиваютъ долгъ, который сдѣлала казна, уплативъ за ихъ землю помѣщикамъ, то земли государственныхъ крестьянъ никогда не были оплачены казною; по закону 1886 г. бывшіе государственные крестьяне обложены выкупными платежами просто для того, чтобы они пріобрѣли въ собственность ту землю, которою и до тѣхъ поръ пользовались какъ государственною. Иначе сказать, государственные крестьяне упомянутымъ закономъ принуждены къ пріобрѣтенію земельной собственности, вынуждаются къ дѣланію сбереженій и къ откладыванію въ копилку. Но „мыслимо ли заставить людей насильно дѣлать сбереженія, откладывать въ копилку, когда они находятся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что зачастую имъ нечего ѣсть“. Прошло болѣе 40 лѣтъ со времени знаменательнаго дня 19 февраля 1861 г., народъ, не покладая рукъ, работаетъ все это время — и откладываетъ въ копилку. Въ сущности онъ уже долженъ бы сдѣлаться богачемъ, а онъ нищій, и малѣйшій капризъ природы порождаетъ среди него голодъ. „Не ясно ли, что существуетъ какая-то фальшивость

въ его положеніи и эта фальшивость заключается въ значительной степени въ выкупныхъ платежахъ" (Клинскій у. ком., Московской губ.).

Далѣе, и послѣ того, какъ выкупные платежи будутъ полностію уплачены, крестьяне все-таки не сдѣлаются полными и безконтрольными собственниками своей земли. „Уже теперь въ этомъ направленіи изданы новые законы, какъ, напр., законъ 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости надѣловъ, и, вѣроятно, послѣдуетъ еще цѣлый рядъ подобныхъ законовъ. Ради высшихъ государственныхъ задачъ, ради обезпеченія будущихъ крестьянскихъ поколѣній насущнымъ хлѣбомъ, государство вынуждено будетъ ограничивать права крестьянъ въ распоряженіи ихъ надѣльною землею. Но зачѣмъ же тогда надрывать силы населенія для пріобрѣтенія того, что никогда не будетъ его полною собственностью? Не лучше ли государству теперь же отказаться отъ оплаты крестьянами ихъ надѣльной земли и тѣмъ пріобрѣсть справедливое право регулировать пользованіе этою землею по своему усмотрѣнію" (тамъ же).

За справедливость совершеннаго сложенія или значительнаго уменьшенія выкупныхъ платежей говоритъ и то обстоятельство, что крестьянамъ пришлось уже переплатить за выкупаемую землю болѣе того, чѣмъ бы слѣдовало. Выкупные платежи не соотвѣтствовали дѣйствительной цѣнѣ земли во время освобожденія крестьянъ: выкупалась не только земля, но и души. Личность же крестьянина, если не фактически, то юридически, никогда собственно не принадлежала помѣщику. Не было такого закона, по которому крестьянинъ признавался бы частною собственностью, могущею быть предметомъ продажи и покупки. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, принадлежащей помѣщику; при продажѣ земли переходили къ другому помѣщику и крестьяне, но законъ запрещалъ продавать крестьянъ безъ земли. И если потомъ, въ самыя тяжелыя времена крѣпостнаго права, стали продаваться и души на выводъ, то это дѣлалось въ обходъ закона и установилось незамѣтно, въ силу обычая. Съ этимъ пришлось считаться и законодателю при освобожденіи крестьянъ: пришлось уплатить помѣщикамъ и за крестьянскій надѣлъ, и за освобожденіе самихъ крестьянъ (Лохвицкій у. ком., Полтавской губ.). Оцѣнки земель при выкупѣ приняты были, благодаря этому, крайне высокія. Такъ, напр., въ Рузскомъ у. Московской губ. при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости стоимость земли равнялась въ среднемъ 8—10 руб., а выкупная цѣна за десятину была назначена 37 р., т. е. вчетверо болѣе. Такимъ обра-

зомъ, въ теченіе 40 лѣтъ крестьяне уже уплатили стоимость земель со всѣми причитающимися съ нихъ процентами. Такія же указанія дѣлаются и многими другими комитетами (губерній: Тверской, Нижегородской, Вятской, Уфимской).

Помимо высокой оцѣнки, переплаты по выкупнымъ платежамъ обусловливались и высокимъ процентомъ по выкупной ссудѣ, не соотвѣтствующимъ платежамъ казны по ея займамъ на нужды выкупной операціи. Уже тѣ полпроцента, на которые по первоначальному плану операціи казна брала съ крестьянъ больше, чѣмъ сама платила, дали возможность образованія въ первое же двадцатилѣтіе выкупной операціи очень крупнаго запаснаго капитала, на счетъ котораго въ значительной мѣрѣ выполнено было пониженіе выкупныхъ платежей въ 1881 году. Съ тѣхъ поръ разница между платежами крестьянъ и казенными платежами по займамъ сдѣлалась еще гораздо значительнѣе. Процентъ роста по государственнымъ обязательствамъ былъ нѣсколько разъ уменьшаемъ и съ 6 понизился до 4. Есть поэтому основаніе полагать, что валюта выкупного долга въ настоящее время уже погашена (Орловской губ., Елецкій у. ком.). Во всякомъ случаѣ отмѣна выкупныхъ платежей, являлась бы теперь—по крайней мѣрѣ для большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ,—въ сущности, не сложеніемъ долга, а лишь уменьшеніемъ процентовъ по этому долгу. Убѣдиться въ этомъ не трудно при помощи простого расчета. Къ 1 янв. 1883 г., какъ извѣстно, всѣ временно обязанные крестьяне были переведены на выкупъ. Весь выкупной долгъ долженъ былъ быть уплаченъ въ теченіе 49 лѣтъ; погашеніе установлено изъ 6% годовыхъ. Въ настоящее время съ 1 янв. 1883 г. прошло 20 лѣтъ, а слѣдовательно всѣ общества, поступившія въ этомъ году на выкупъ и безнедоимочно уплатившія окладъ по выкупнымъ платежамъ, за каждые 100 р. выкупнаго долга уже уплатили $6 \times 20 = 120$ р., т. е. погасили не только весь долгъ полностью, но и платили еще на него, по расчету на сложные проценты, 2% въ годъ. О тѣхъ обществахъ, которыя перешли на выкупъ ранѣе 1883 года, не стоитъ и говорить (Орловскій у. ком.).

Независимо отъ абсолютной высоты выкупныхъ платежей указывалось также на неравномѣрность той тяжести, которая налагается ими на сельскія общества, въ разное время приступившія къ выкупной операціи. На этомъ вопросѣ особенно подробно останавливается записка 18 земскихъ гласныхъ, представленная въ *Московскій* губернскій комитетъ.

Въ Московской губерніи—читаемъ мы въ этой запискѣ—ко времени воспослѣдованія закона объ обязательномъ выкупѣ

„временно обязанные крестьяне, т. е. еще не перешедшіе на выкупъ, составляли 10,7% общаго числа крестьянскаго населенія по ревизіи. Для нихъ, слѣдовательно, все то, что они уплачивали въ теченіе 20 лѣтъ со дня выхода на волю, не было выкупомъ. Платежъ же этотъ въ видѣ оброка помѣщику составлялъ по документальнымъ даннымъ съ 53,255 рев. душъ—426,582 р. За 20 лѣтъ, считая по 1881 г., они уплатили такимъ образомъ 8.531,640 р. или сообразно отведенному имъ количеству удобной земли (142,941 дес.) по 59 р. слишкомъ за десятину, т. е. хотя и въ теченіе 20 лѣтъ, но все же внесли за землю приблизительно вдвое противъ того, что стоила земля къ концу этого 20-лѣтія, и все таки, приступивъ къ выкупу, должны были 40 слишкомъ лѣтъ снова платить за землю, какъ будто бы они за нее до 1881 года ничего не платили. Между тѣмъ тѣ крестьянскія общества, которыя были переведены на выкупъ съ самой отмѣны крѣпостнаго права, не только съ каждымъ взносомъ выкупали уже землю, но и взносъ то этотъ являлся для нихъ четырьмя пятыми того, который дѣлали временно обязанные крестьяне. Затѣмъ, тѣ, которые вышли на выкупъ черезъ 10 лѣтъ, также внесли уже за землю сумму, равную стоимости ея, и тоже начали выкупъ сначала и т. д. Крестьяне же государственные, составляющіе 32% всего крестьянскаго населенія Московской губерніи, начали выкупъ еще позднѣе, съ 1886 г. Послѣдующія узаконенія, имѣвшія цѣлью облегченіе выкупныхъ платежей и допустившія пересрочку и разсрочку ихъ, внесли еще болѣе разнообразія въ положеніе отдѣльныхъ общинъ въ этомъ отношеніи. Тогда какъ для однѣхъ общинъ выкупъ земли уже закончился, для другихъ онъ наступитъ въ непродолжительномъ времени, для значительной части черезъ 30 лѣтъ, для многихъ еще позже. Очевидно, что это порождаетъ и грозитъ породить и въ будущемъ крайне неравномѣрное распредѣленіе податныхъ тягостей для общинъ стоящихъ, можетъ быть, въ одинаковыхъ условіяхъ для извлеченія дохода изъ земли, и должно ложиться тяжело на тѣхъ, которые еще будутъ продолжать выкупъ, сравнительно съ тѣми, которые уже покончили съ нимъ. Отражаться выгодно на положеніи сельскаго хозяйства это не можетъ и устранить это можно однимъ путемъ—одновременною и по возможности болѣе скорою отмѣною выкупныхъ платежей для *всѣхъ сельскихъ обществъ*, имѣя въ виду, что на современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ многихъ общинъ и по отмѣнѣ выкупа будетъ еще тяготѣть наслѣдіе прошлаго, въ видѣ большого истощенія ихъ податныхъ силъ къ настоящему времени, сравнительно съ тѣми которые вышли на выкупъ съ самаго начала и слѣдовательно несли въ предшествующемъ меньшую уплату за выкупаемую землю“.

Постановленія, высказывающіяся за необходимость широкихъ и общихъ льготъ по выкупнымъ платежамъ для крестьянскаго населенія, сдѣланы были въ 71 комитетѣ [1]) Изъ этого числа 30 комитетовъ высказались безусловно за полную отмѣну выкупныхъ платежей, 11 комитетовъ—за отмѣну или, въ случаѣ ея затруднительности, за значительное пониженіе и 30 комите-

[1]) 23 земскихъ губерній: Орловской, Курской, Тульской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Уральской, Вятской, Воронежской, Полтавской, Черниговской, Херсонской, Нижегородской, Костромской, Владимирской, Московской, Смоленской, Тверской, Новгородской, Псковской, Вологодской и 2 неземскихъ—Могилевской и Подольской.

товъ за пониженіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлось въ виду пониженіе *общее*, не стоящее въ зависимости отъ ходатайствъ сельскихъ обществъ или усмотрѣнія административныхъ учрежденій и не сопряженное съ продленіемъ срока выкупа. Та форма облегченія по выкупнымъ платежамъ, которая систематически проводилась въ узаконеніяхъ 90-хъ годовъ, не встрѣтила къ себѣ сочувствія ни въ одномъ комитетѣ, включившемъ вопросъ о выкупныхъ платежахъ въ свою программу. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою яркій образчикъ тѣхъ надуманныхъ въ канцеляріяхъ и проводимыхъ бюрократическими пріемами реформъ, которыя осуждены на полную безрезультатность и безжизненность, не смотря даже на благія намѣренія, ихъ диктовавшія. Несомнѣнно, къ числу такихъ реформъ должны быть отнесены и узаконенія 1896 и 1899 года. И отношеніе къ нимъ мѣстныхъ людей является очень поучительнымъ.

Размѣры нашей работы позволяютъ намъ намѣтить только самые главные, основные пункты сужденій комитетовъ по вопросамъ государственнаго хозяйства; поэтому мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе пожеланій, высказанныхъ нѣкоторыми комитетами относительно частичныхъ льготъ по выкупнымъ платежамъ для отдѣльныхъ категорій плательщиковъ или по разнымъ спеціальнымъ случаямъ,—какъ напр., для крестьянъ малоземельныхъ, для обществъ, лишившихся питейнаго дохода со введеніемъ монополіи, для крестьянъ разселяющихся и т. д.,—а равно и сужденій комитетовъ по нѣкоторымъ другимъ сторонамъ выкупной операціи. Въ заключеніе обзора мы считаемъ необходимымъ упомянуть только о постановленіяхъ тѣхъ, весьма не многихъ, комитетовъ, которыя идутъ вполнѣ въ разрѣзъ съ отмѣченнымъ выше господствующимъ среди мѣстныхъ людей отношеніемъ къ вопросу о выкупныхъ платежахъ. Такихъ постановленій мы нашли четыре: двухъ губернскихъ и двухъ уѣздныхъ комитетовъ. Валковскій уѣздный комитетъ Харьковской губерніи призналъ нежелательнымъ, какъ общую мѣру, разсрочку выкупныхъ платежей; за нежелательность сложенія платежей высказались Рязанскій уѣздный и Уральскій губернскій комитеты (не сдѣлавъ при этомъ постановленія и о ихъ пониженіи). Наконецъ, Пермскій губернскій комитетъ, послѣ оживленныхъ преній, незначительнымъ большинствомъ головъ принялъ резолюцію о нежелательности *какого бы то ни было* уменьшенія выкупнаго долга, какъ основнаго, такъ и недоимокъ.

III.

Выкупные платежи, при всей своей грубо ощутительной тягости, не составляютъ, однако, главной массы того податнаго бремени, которое несетъ на себѣ сельское населеніе. Какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ выше примѣрныхъ расчетовъ, это мѣсто принадлежитъ налогамъ *косвеннымъ*, въ обѣихъ ихъ главныхъ формахъ: *акцизовъ* съ предметовъ широко распространеннаго потребленія (спиртныхъ напитковъ, сахара, табаку, керосина и зажигательныхъ спичекъ) и *таможенныхъ пошлинъ*, поражающихъ тоже частію предметы непосредственнаго массоваго потребленія (напр. чай, являющійся главною доходною статьею таможенныхъ поступленій), частію же орудія и матеріалы для отечественнаго производства, ввозимые изъ за границы. Въ концѣ концовъ и эта послѣдняя часть налога перекладывается тоже на массоваго потребителя, въ видѣ прибавки къ цѣнѣ продуктовъ производимыхъ изъ обложенныхъ матеріаловъ или при помощи обложенныхъ орудій. По заключенной росписи 1901 года общая сумма всѣхъ косвенныхъ налоговъ (акцизовъ и таможенныхъ сборовъ) простиралась до 686,6 милл. р.; это составляло въ среднемъ 5 р. 14 к. на каждую душу обоего пола и всякаго возраста, по расчету на все населеніе Европейской и Азіатской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи, имѣющей свой особый бюджетъ). [1]) Но суммою однихъ только поступленій въ казну не исчерпывается тяжесть, налагаемая на населеніе косвенными налогами. Таможенныя пошлины покровительственнаго характера, налагаемыя съ цѣлью оградить отечественную промышленность отъ конкурренціи болѣе дешеваго иностраннаго производства, искусственно поднимаютъ цѣны на внутреннемъ рынкѣ и заставляютъ потребителя переплачивать значительныя суммы въ пользу отечественной пропромышенности. Нерѣдко эти переплаты во много разъ превосходятъ въ общей суммѣ своей налогъ, поступающій въ казну. Когда та-

---

[1]) Въ формѣ *прямыхъ* налоговъ (подати, налоги поземельные и съ недвижимыхъ имуществъ, госуд. квартирный налогъ, сборъ съ торговли и промысловъ и съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ) взято было съ населенія въ томъ же году 130,9 м., т. е. 98 к. въ среднемъ на душу; пошлины всѣхъ наименованій дали 94,6 м. р. и выкупные платежи около 90 милл. Такимъ образомъ изъ общей суммы всѣхъ поступленій налогового характера (1.002 милл. р.) 68,5%, приходилось на косвенные налоги, 13%—на налоги прямые, 9,5%—на пошлины и 9% на выкупные платежи.

моженныя пошлины настолько высоки, что изъ покровительственныхъ дѣлаются запретительными и вовсе прекращаютъ доступъ въ страну обложенныхъ товаровъ,—таможенный налогъ уплачивается населеніемъ исключительно промышленникамъ (въ формѣ увеличенной покупной цѣны продуктовъ защищеннаго производства), не давая ничего государственному казначейству. Въ нашемъ таможенномъ тарифѣ не мало статей, имѣющихъ именно такое значеніе и жертвы, которыя требуются имъ отъ населенія, независимо отъ взносовъ собственно въ пользу фиска, достигаютъ, несомнѣнно весьма значительныхъ размѣровъ. Въ общемъ нашъ таможенный тарифъ характеризуется высокими ставками и въ той своей части, которая имѣетъ покровительственное значеніе и въ той, которая преслѣдуетъ цѣли исключительно или преимущественно фискальныя.

За послѣднія десятилѣтія центръ тяжести всей нашей налоговой политики рѣшительно переносится на косвенное обложеніе. Система таможеннаго покровительства обрабатывающей промышленности, принявшая твердо опредѣленныя формы съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заставляла постоянно повышать тарифныя ставки на продукты конкуррирующихъ съ отечественными отраслей промышленности, все болѣе и болѣе увеличивая такимъ образомъ косвенное обложеніе населенія въ пользу покровительствуемой промышленности. Кульминаціоннаго своего пункта эта повышающаяся прогрессія таможеннаго обложенія достигла въ общемъ таможенномъ тарифѣ 1891 г. Въ то же время росли и требованія фиска, точно также покрывавшіяся главнымъ образомъ расширеніемъ области косвеннаго обложенія, путемъ привлеченія къ нему новыхъ объектовъ или повышенія налоговыхъ ставокъ (въ формѣ акцизовъ и фискальныхъ таможенныхъ пошлинъ) на предметы уже обложенные. Косвенные налоги растутъ за этотъ періодъ и абсолютно, и относительно, получая все большее и большее значеніе въ общей системѣ налоговъ. Въ первый годъ двадцатилѣтія, закончившагося 1901 годомъ—1882-й,—всѣхъ прямыхъ налоговъ поступило въ государственное казначейство 135,7 милл. р., а косвенныхъ—373,7 м. р. т. е. въ 2,74 раза болѣе. Чрезъ двадцать лѣтъ, въ 1901 году, итогъ поступленій отъ прямого обложенія не только не возросъ, но даже нѣсколько понизился—до 130,9 милл. р.; въ то же время косвенные налоги выросли до 686, 6 м. р., т. е. на 83,2% сравнительно съ 1892 годомъ; отношеніе между итогами прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ 1901 году выражалось уже какъ 1 : 5,24.

Въ работахъ мѣстныхъ комитетовъ вопросамъ косвеннаго обложенія удѣлено было самое серьезное вниманіе. Почти ни

одинъ комитетъ, включившій финансовые вопросы въ программу своихъ сужденій, не обошелъ вопроса о значеніи для сельскаго населенія и сельскаго хозяйства той преобладающей роли, которая принадлежитъ косвеннымъ налогамъ въ системѣ нашего обложенія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ отношеніе комитетовъ къ косвеннымъ налогамъ совершенно отрицательное. Центръ тяжести налоговой системы долженъ помѣщаться, по ихъ воззрѣнію, не въ сборахъ съ предметовъ общаго необходимаго потребленія, ложащихся на недостаточныя народныя массы, а въ прямомъ подоходномъ обложеніи, соразмѣряемомъ съ достаткомъ плательщиковъ. Въ данномъ случаѣ мѣстные люди, работавшіе въ комитетахъ, становятся на ту же точку зрѣнія, какою руководились 30 лѣтъ тому назадъ земскія собранія въ своихъ заявленіяхъ по вопросу о преобразованіи подушной подати. Какъ извѣстно, цѣлымъ рядомъ земствъ выдвинутъ былъ тогда проектъ введенія общаго *подоходнаго налога*, который долженъ былъ замѣнить подушную подать, лежавшую на однихъ „податныхъ сословіяхъ“. Проектъ этотъ не получилъ осуществленія и до нынѣ, хотя не разъ былъ предметомъ обсужденія въ правительственныхъ сферахъ. Подушная подать была отмѣнена, но—взамѣнъ ея прибавлена лишняя копѣйка питейнаго акциза. Такимъ образомъ, наибольшая часть отмѣненнаго налога взята была опять съ того же класса плательщиковъ, только въ другой формѣ. Послѣ того начало подоходности получило лишь нѣкоторое, слабое и частичное, примѣненіе въ преобразованіи промысловаго налога, въ общемъ же развитіе налоговой системы рѣшительно направлено было, какъ мы уже говорили, въ сторону усиленія косвеннаго обложенія. Комитетами вновь выдвинуты впередъ земскіе проекты,—вновь поднять вопросъ о перенесеніи налоговой тягости съ *труда* на *доходъ*, съ недостаточныхъ крестьянскихъ массъ на болѣе состоятельные классы населенія. Для достиженія этой цѣли совершенно необходимо значительное уменьшеніе косвенныхъ налоговъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ эти налоги тяжело давятъ на земледѣльческое населеніе страны; сельскій житель встрѣчается на каждомъ шагу съ требованіями фиска.

„Не хочешь спать зимой по 17 часовъ—говоритъ въ своей запискѣ членъ *Волоколамскаго* уѣзднаго комитета Московской губерніи А. А. Зубрилинъ—а работать при огнѣ—

плати акцизъ на спички и керосинъ; хочешь покурить—плати акцизъ за спички и табакъ; хочешь выпить рюмку водки—плати въ 15 разъ дороже дѣйстви-

тельной ея стоимости, а если водку желаешь замѣнить чаемъ, плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ—плати таможенную пошлину на желѣзо и т. д. и т. д. Вообще, куда не повернись сельскій обыватель, вездѣ онъ чувствуетъ, что съ него берутъ, берутъ и берутъ...".

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ тяжести того или иного налога—читаемъ мы въ журналѣ *Бѣлевскаго* у. комитета Тульской губерніи—является несоотвѣтствіе его съ платежными средствами отдѣльныхъ группъ плательщиковъ. Несоотвѣтствіе это становится гибельнымъ для хозяйства цѣлой страны, если податное бремя перенесено на менѣе достаточную и болѣе многочисленную группу населенія этой страны.

„Именно такую роль играютъ у насъ косвенные налоги и таможенныя покровительственныя пошлины на предметы массоваго потребленія, какъ то акцизъ на сахаръ, табакъ, нефть, спички, обложеніе спирта, покровительственныя пошлины на желѣзо; чугунъ и издѣлія изъ нихъ, а также уголь — ведущія къ удороженію почти всѣхъ предметовъ мануфактурнаго и заводскаго производствъ, сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, кровельнаго желѣза, перевозочныхъ средствъ и пр. Объекты такого потребленія, за исключеніемъ развѣ сахара и предметовъ роскоши, обложенныхъ таможенною пошлиной, являются необходимыми для всего населенія страны, чѣмъ и обусловливается ихъ привлекательность для фиска: наши косвенные налоги и таможенные сборы по росписи на 1902 г. въ общей сложности составляли болѣе половины обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Вся тяжесть этого бремени, а также въ зависимости отъ покровительственныхъ пошлинъ и соотвѣтственная переплата на предметы отечественнаго производства ложатся на неимущіе классы...".

Общая система налоговаго обложенія и нѣкоторые налоги и пошлины въ особенности—говоритъ *Кіевскій* уѣздный сельскохозяйственный комитетъ—падаютъ тяжелымъ бременемъ на массу земледѣльческаго населенія и не соотвѣтствуютъ ея платежнымъ средствамъ. Изъ двухъ видовъ налоговъ, налоги прямые для населенія Кіевскаго уѣзда нельзя считать обременительными,

„но весьма тягостны налоги косвенные. Въ общей сложности налоги: питейный, табачный, сахарный, керосиновый и таможенныя пошлины столь велики, что они не могутъ не вызвать значительнаго вздорожанія жизни; въ частности нѣкоторые изъ этихъ налоговъ крайне неравномѣрно обременяютъ массу земледѣльческаго населенія, а другіе препятствуютъ и надлежащему развитію нѣкоторыхъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства".

Жалобы на крайнюю обременительность косвенныхъ налоговъ для сельскаго населенія идутъ и изъ далекихъ окраинъ страны.

Вопросъ объ обложеніи крестьянъ въ Сибири прямыми налогами—читаемъ мы въ журналахъ *Кузнецкаго* уѣзднаго комитета Томской губерніи—не имѣетъ такого остраго характера какъ во внутренней, помѣщичьей Россіи, такъ какъ они не несутъ тяжести выкупныхъ платежей.

„Но вопросъ о податномъ обложеніи совершенно измѣнится, если всмотрѣться въ ту опутывающую жизнь крестьянина сѣть косвенныхъ налоговъ, которая заставляетъ его приплачивать чуть не на всѣхъ предметахъ, необходимыхъ въ его хозяйствѣ или вошедшихъ въ его крестьянскій обиходъ; земледѣльческія орудія и машины, желѣзо и издѣлія изъ него, керосинъ, сахаръ, чай, вино, табакъ и спички не ускользнули отъ косвеннаго обложенія и доплата на этихъ предметахъ несомнѣнно ведетъ къ обезсиленію крестьянскаго хозяйства и лишаетъ его необходимыхъ оборотныхъ средствъ для расширенія этого хозяйства. Такимъ образомъ пониженіе косвенныхъ налоговъ и совершенное освобожденіе отъ нихъ предметовъ первой необходимости являются мѣрами въ высшей степени желательными съ цѣлію поднятія доходности крестьянскаго двора“.

Тѣ доводы, которые приводятся обыкновенно въ защиту предпочтенія, отдаваемаго въ правящихъ сферахъ системѣ косвеннаго обложенія сравнительно съ прямымъ, представляются мѣстнымъ дѣятелямъ совершенно неубѣдительными. „Въ Петербургѣ, во многихъ учрежденіяхъ—читаемъ мы въ запискѣ Н. Н. Ковалевскаго *Харьковскому* губернскому комитету—

прочно укрѣпилось мнѣніе, что косвенные налоги не могутъ ложиться тяжелымъ бременемъ на населеніе, такъ какъ „отъ воли самого обывателя зависитъ платить такой налогъ или нѣтъ“. Стоитъ обывателю отказаться отъ потребленія обложеннаго косвеннымъ налогомъ продукта и тогда никто уже не заставитъ его платить этотъ налогъ. Этотъ взглядъ весьма опредѣленно высказалъ г. министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ его докладѣ о государственной росписи на 1896 г., когда министръ говоритъ, что „косвенные налоги и пошлины уплачиваются лишь по такимъ поводамъ, которые находятся въ существенной зависимости отъ степени народнаго благосостоянія. Съ этимъ взглядомъ, конечно, нельзя было бы не согласиться, если бы косвенными налогами обложены были только предметы роскоши, а не продукты первѣйшей необходимости. Несомнѣнно, что увеличеніе доходовъ отъ пошлинъ на шампанское, на тонкіе гастрономическіе товары, на дорогія шелковыя матеріи и кружева можетъ быть разсматриваемо какъ показатель увеличивающагося благосостоянія тѣхъ классовъ, которые эти предметы покупаютъ; но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы спички и керосинъ, чай и сахаръ и даже табакъ и водка—не говоря о желѣзѣ и сельскохозяйственныхъ машинахъ,—потреблялись тоже „по такимъ поводамъ, которые находятся въ зависимости отъ степени благосостоянія“. Какъ ни низко стоитъ уровень потребностей нашего сельскаго обывателя, но нельзя отрицать, что у него уже есть потребность въ спичкахъ, керосинѣ, изрѣдка въ сахарѣ и чаѣ, въ видѣ лакомства, и въ водкѣ при семейныхъ праздникахъ,—и если эти потребности онъ можетъ удовлетворить только по

нѣкоторымъ „поводамъ“, а не при нормальномъ состояніи его сельскохозяйственнаго обихода, то такое существованіе уже всѣми почитается за нищенское“.

„Вотъ почему—продолжаетъ г. Ковалевскій—ошибочно считать правильное поступленіе косвенныхъ доходовъ, взимаемыхъ главнымъ образомъ съ предметовъ первѣйшей необходимости, за признакъ возростающаго народнаго благосостоянія; въ лучшемъ случаѣ это могло бы служить лишь показателемъ того, что народное оскудѣніе не достигло еще той степени обнищанія, при которой населеніе должно было бы отказаться отъ того, чтобы вечеромъ засвѣтить лампу, выкурить привычную трубку табаку, изрѣдка побаловаться чаемъ или по случаю свадьбы, крестинъ или похоронъ угостить гостей водкой“.

Аналогичныя соображенія находимъ мы и въ трудахъ многихъ другихъ комитетовъ. Косвенные налоги—читаемъ мы, напр., въ цитированной уже выше запискѣ предсѣдателя *Тихвинскаго* уѣзднаго комитета Новгородской губерніи—взимаются у насъ съ предметовъ массоваго потребленія т. е. первой необходимости,—иначе они и не давали бы государственному казначейству такихъ громадныхъ рессурсовъ,—но размѣръ потребленія обложенныхъ совсѣмъ не пропорціоналенъ экономическому достатку плательщика. Хозяйство съ достаткомъ въ 10 тысячъ рублей не потребляетъ керосина, спичекъ, водки или иныхъ подобныхъ продуктовъ болѣе, чѣмъ хозяйство со сторублевымъ доходомъ. Напротивъ, въ жизни наблюдается—напр., по отношенію къ потребленію алкоголя—совершенно обратное. Странно слышать при этомъ увѣренія, что косвенные налоги оплачиваются населеніемъ, обладающимъ наибольшею покупною способностью и распредѣляются слѣдовательно въ соотвѣтствіи съ платежными средствами плательщиковъ. Другой доводъ обычно приводимый въ защиту косвеннаго обложенія, это указаніе на *упругость* косвенныхъ налоговъ, уплата которыхъ производится по мѣрѣ потребленія обложенныхъ продуктовъ, небольшими взносами и въ такое время, когда плательщикъ имѣетъ средства для покупки этихъ предметовъ, а слѣдовательно и для уплаты налога. Но и этотъ доводъ оказывается несостоятельнымъ если принять во вниманіе:

„во 1-хъ, что такая разсрочка въ уплатѣ налога предоставляется за значительную прибавку къ налогу, ибо акцизъ и таможенныя пошлины вносятся за потребителя сполна въ казну при выпускѣ всего товара заводчиками и торговцами, при чемъ послѣдніе на весь внесенный капиталъ, пока онъ находится въ оборотѣ, взимаютъ съ потребителя и плательщика надлежащій процентъ, а во 2-хъ, что такая разсрочка является принудительной, ибо она связана съ предметами необходимости, а въ такомъ случаѣ совпаденіе моментовъ уплаты налога и пріобрѣтенія нужнаго продукта, какъ и всякое совпаденіе платежей, является уже не облегченіемъ для плательщика, а обремененіемъ“.

Нельзя не замѣтить еще, говорится далѣе въ той же запискѣ, что

„увеличеніе государственныхъ доходовъ отъ косвеннаго обложенія не можетъ служить доказательствомъ увеличенія народнаго благосостоянія. Съ одной стороны, количество потребляемыхъ продуктовъ возрастаетъ въ силу распространенія этихъ продуктовъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи и слояхъ населенія, гдѣ еще не вытѣснены продукты домашняго натуральнаго хозяйства, и возрастаніе такимъ образомъ идетъ экстенсивно, а не увеличивается интенсивно"; съ другой стороны и усиленіе потребленія покупныхъ предметовъ „не всегда совпадаетъ съ увеличеніемъ благосостоянія. Такъ, хотя и наблюдается въ настоящее время сильное потребленіе въ средѣ чая, но зато исчезъ почти совсѣмъ квасъ; горячія щи стали предметомъ роскоши и самъ народъ себя называетъ „водянымъ"—ослабѣвшимъ отъ употребленія главнымъ образомъ тепленькой чайной водицы".

Вообще отношеніе большинства комитетовъ (останавливавшихся на обсужденіи вопросовъ государственнаго хозяйства) къ системѣ косвеннаго обложенія можетъ быть резюмировано вкратцѣ такъ словами записки 18 земскихъ членовъ *Московскаго* губернскаго комитета:

„Косвенные налоги, какъ и покровительственныя таможенныя пошлины, обременяютъ сельскаго хозяина, какъ потребителя и какъ производителя, ставятъ его въ невыгодныя условія конкурренціи, отвлекаютъ отъ земледѣлія капиталы, обогащаютъ немногихъ и, задерживая народное потребленіе и развитіе внутренняго рынка, тѣмъ самымъ вредятъ и промышленности. Освобожденіе отъ косвенныхъ налоговъ предметовъ массоваго народнаго потребленія и переходъ къ недоходной системѣ обложенія могли бы въ значительной степени устранить указанныя неблагопріятныя явленія".

Помимо общихъ соображеній о косвенномъ обложеніи и его вліяніи на сельское хозяйство, въ трудахъ комитетовъ мы находимъ и подробныя указанія, относящіяся къ главнѣйшимъ косвеннымъ налогамъ по отдѣльности.

Самымъ крупнымъ изъ этихъ налоговъ является несомнѣнно налогъ *питейный*. Доходы съ питей—одинъ изъ краеугольныхъ камней нашего бюджета. Въ 1901 г. въ общей совокупности они приносили казнѣ 489 м. р. (312,6 м. р, акцизовъ и 166,4 м. р. валового дохода отъ казенной монопольной продажи вина). На первомъ мѣстѣ среди этой группы доходовъ стоитъ акцизъ со спирта и вина—старый боевой конь нашего финансоваго хозяйства: съ давнихъ поръ повышеніе этого акциза являлось обычнымъ средствомъ пополненія дыръ въ государственномъ бюджетѣ. Эта повышательная практика не исчезла и по наступленіи тучныхъ финансовыхъ годовъ: послѣдняя, 11-я копейка акциза на градусъ спирта прибавлена была въ 1900 году (при введеніи акцизной системы акцизъ установленъ былъ въ 4 коп. съ градуса—съ тѣхъ поръ

обложеніе возросло втрое). Въ 1901 году акциза со спирта и вина собрано было всего 291,5 м. р.; на 1 душу населенія въ среднемъ это давало 2 р. 18 к.; десять лѣтъ тому назадъ (въ 1892 г.) эта средняя составляла 2 р. 5 коп.; среднее потребленіе спирта *понизилось* за тотъ же періодъ съ 20,2 до 19,7 градуса на каждую душу.

Указаніе на огромную тягость питейнаго налога для крестьянскаго населенія, на которое онъ ложится главною своею массою, мы встрѣчаемъ въ трудахъ цѣлаго ряда мѣстныхъ комитетовъ. „Въ 1901 году—говоритъ *Кіевскій* уѣздный комитетъ

въ Кіевскомъ уѣздѣ, не считая города Кіева, изъ 118 казенныхъ лавокъ было продано вина на сумму 1.480, 071 р., которые почти цѣликомъ падаютъ на крестьянское населеніе. Сравнивая этотъ расходъ съ другими налогами и сопоставляя для сравненія съ площадью надѣльной земли, оказывается, что населеніе Кіевскаго уѣзда уплачивало казенныхъ налоговъ и мірскихъ сборовъ въ 1900 г. 414 т. р., что составляетъ на 1 десят. надѣльныхъ земель 2 р. 64 к., а питейнаго расхода на ту же десятину причитается 9 р. 40 к. На наличную душу крестьянскаго населенія въ Кіевскомъ у. выпито 0,3 ведра, а на рабочую душу въ возрастѣ 18—60 лѣтъ—1,6 ведра, что, при цѣнѣ водки въ 7 р. 72 к. составитъ 12 р. 35 к. Эти приблизительные подсчеты свидѣтельствуютъ о тяжести питейнаго налога даже при весьма умѣренномъ потребленіи вина. Пока питейный налогъ будетъ столь высокъ, какъ нынѣ, онъ будетъ служить мощнымъ насосомъ, высасывающимъ платежныя средства населенія. Нельзя не указать при этомъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и у отдѣльныхъ лицъ наблюдается злоупотребленіе спиртными напитками, но пьянство не составляетъ выдающагося порока мѣстнаго малорусскаго населенія".

Употребленіе водки, читаемъ мы далѣе въ томъ же журналѣ комитета, вызывается отчасти не изслѣдованными пока физіологическими причинами, отчасти историческими привычками и бытовыми условіями,

„но оно является факторомъ непобѣдимымъ и, какъ таковой, не можетъ служить поводомъ для чрезмѣрнаго отягощенія массы населенія налогами". Пока — говоритъ комитетъ — расходъ на водку (главную часть котораго, составляетъ акцизъ) не сократится, до тѣхъ поръ трудно ожидать какихъ либо сбереженій въ крестьянскомъ населеніи.

Въ 1899 г. средній расходъ на вино, по офиціальнымъ даннымъ министерства финансовъ, составлялъ по различнымъ губерніямъ отъ 2 р. 77 к. до 7 р. 82 к. на душу населенія, за исключеніемъ, конечно, всѣхъ не пьющихъ группъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ деревенская семья покупаетъ вина на 26-30-39 р., тогда какъ, напр., прокормленіе каждаго ея члена обходится въ годъ около 35 руб., одежда 40 руб., всѣ повинности 15 р., прокормъ лошади 85 р., ремонтъ построекъ и земледѣльческихъ орудій приблизительно 20 р. и т. д. [1]).

---

[1]) Цитируемъ по офиціальному „Своду трудовъ мѣстныхъ комитетовъ 49 губ. Евр. Россіи", см. выпускъ „Косвенные налоги", стр. 168 и сл. Замѣтимъ

Казенная винная монополія не уменьшила тяжести питейныхъ налоговъ для населенія; напротивъ того, съ введеніемъ монополіи тяжесть эта еще возрасла. Первымъ результатомъ монополіи было повышеніе продажной цѣны вина и безъ того очень значительной.

Продажная цѣна казенныхъ питей опредѣляется законодательнымъ порядкомъ въ широкихъ предѣлахъ отъ 6 р. 40 к. до 9 р. за ведро; точный же размѣръ устанавливается по распоряженію министра финансовъ. Такое полномочіе даетъ въ сущности право вводить по своему усмотрѣнію, административнымъ порядкомъ, новый налогъ. Нынѣшняя стоимость вина опредѣлена въ 7 р. 60 к. за ведро. Слѣдовательно, по сравненію съ прежней, достигавшей въ послѣднее время до 5—6 р. съ небольшимъ, питейный сборъ, хотя и слитый съ цѣною продукта, увеличенъ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. Принимая наименьшую разницу въ 1 р. 50 к., получимъ, что переплата на общее количество выпиваемыхъ ежегодно 60 милл. ведеръ вина составляетъ 90 милл. руб. [1]). Какое значеніе имѣетъ такая переплата, можно видѣть ближе хотя бы изъ такого примѣра. Въ Харьковской губ. въ 1900 г. было потреблено 1.516, 114 вед. 40° водки. Слѣдовательно населеніе одной этой губерніи приплачиваетъ со введеніемъ монополіи на удовлетвореніе своей потребности въ водкѣ 2.250,000 р. Эта сумма гораздо больше общаго итога губернскаго и уѣзднаго сбора, на счетъ котораго покрываются земствами всѣ культурныя потребности губерніи: народное образованіе, общественное призрѣніе, медицина, ветеринарія, дороги и пр. и пр. Въ 1895 г. этотъ итогъ составлялъ 1.810,821 р., при чемъ сумма собственно земельнаго земскаго сбора, губернскаго и уѣзднаго, равна была 1.198,149 р. и это обложеніе признано было тяжелымъ, слѣдствіемъ чего явился законъ о предѣльности земскаго обложенія. (*Харьковскій*

кстати, что пользованіе этимъ сводомъ требуетъ извѣстной осторожности, въ особенности въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ излагаются мнѣнія, высказанныя въ комитетахъ. При усвоенной въ „Сводѣ“ системѣ безличныхъ ссылокъ здѣсь часто бываетъ трудно, безъ справокъ съ подлинникомъ, отличить то, что высказывалось мѣстными людьми, отъ заявленій правительственныхъ чиновниковъ соотвѣтственныхъ вѣдомствъ, принимавшихъ участіе въ комитетахъ. По крайней мѣрѣ въ томъ выпускѣ, о которомъ мы сейчасъ говоримъ („Косвенные налоги“), и тѣ, и другія мнѣнія цитируются подрядъ, безъ какихъ либо поясняющихъ указаній, хотя едва ли можно отрицать, что удѣльный вѣсъ сужденій, такъ сказать, „вѣдомственныхъ“, высказываемыхъ ex officio, совершенно отличенъ отъ заявленій по тому или иному вопросу мѣстныхъ жителей, не связанныхъ служебными отношеніями.

[1]) Ibidem, 169.

губ. комитетъ). Такимъ образомъ, удовлетвореніе неистребимой потребности вызываетъ огромныя излишнія траты, что чувствительно отражается на скудныхъ вообще денежныхъ средствахъ населенія. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что казенная продажа вина—одинъ изъ худшихъ видовъ косвеннаго обложенія. Акцизъ или, по нынѣшней терминологіи, питейный налогъ, занимаетъ по своей тяжести безспорно первое мѣсто въ ряду другихъ податей („Сводъ“ 169). И бремя этого налога лежитъ, въ наибольшей своей части, на крестьянскихъ массахъ.

Но экономическія послѣдствія питейной реформы для крестьянскаго населенія не ограничиваются одной только переплатою отъ повышенія цѣны казеннаго вина. Въ прежнее время свободной торговли сельскія общества имѣли крупную арендную плату отъ частныхъ лицъ за разрѣшеніе продажи крѣпкихъ напитковъ въ чертѣ ихъ осѣдлости. Со введеніемъ монополіи крестьяне не получили отъ казны вознагражденія за утраченные ими доходы, тогда какъ привилегіи многихъ другихъ владѣльцевъ были выкуплены казною. Такое нарушеніе интересовъ бѣднѣйшей части населенія явилось для нея новымъ налогомъ и при томъ налогомъ самымъ несправедливымъ, такъ какъ въ дѣйствительности питейный доходъ, получавшійся сельскимъ населеніемъ, цѣликомъ уходилъ на нужды народнаго образованія, на покупку пожарныхъ машинъ, починку дорогъ, осушку болотъ и на другія общеполезныя мѣропріятія. Суммы, собираемыя съ арендаторовъ заведеній, торговавшихъ крѣпкими напитками, во многихъ губерніяхъ достигали 400—500 тыс. руб., а для отдѣльныхъ сельскихъ обществъ это составляло въ годъ нѣсколько сотъ, до тысячи и болѣе рублей („Сводъ“, 171). Изъятіе столь значительныхъ средствъ не могло не отозваться весьма чувствительнымъ образомъ на крестьянскихъ достаткахъ.

Введеніе винной монополіи мотивировалось, какъ извѣстно, не одними финансовыми соображеніями. Ея задачею ставилась и борьба „съ вредными сторонами питейнаго дѣла, въ интересахъ поддержанія доброй нравственности, предупрежденія экономическаго упадка населенія и охраны народнаго здравія“. Но, если, какъ мы видѣли, экономическія послѣдствія реформы для сельскаго населенія, въ видѣ созданія для него еще новой налоговой тягости, представляются безспорными, то далеко нельзя сказать того же объ ожидавшемся „нравственномъ“ ея воздѣйствіи. Результаты монополіи въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ сомнительны. По большинству отзывовъ, сдѣланныхъ въ комитетахъ, едва-ли можно утверждать, чтобы со введеніемъ монополіи пьян-

ство уменьшилось. Правильнымъ скорѣе будетъ обратный выводъ; если же мѣстами потребленіе вина и сократилось, то болѣе всего это слѣдуетъ объяснить обѣдненіемъ народа (*Орловскій* губ. комитетъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій торговли, потребленіе вина приняло мѣстами еще болѣе нежелательныя и неприглядныя, чѣмъ прежде, формы. Главная цѣль казенной монополіи—пріученіе къ домашнему потребленію вина путемъ сокращенія числа питейныхъ заведеній—привела въ дѣйствительности къ публичному уличному пьянству и разгулу (*Малмыжскій* у. комитетъ Вятской губ.). Вмѣстѣ съ тѣмъ развилась и тайная, безпатентная продажа вина, принявшая мѣстами очень широкіе размѣры. „Благодаря почти открытой безпатентной торговлѣ водкой—пишетъ одинъ сельскій священникъ *Суджанскому* у. комитету Курской губ.—пьянство, если не увеличилось съ введеніемъ казенной монополіи, то стало назойливѣе бросаться въ глаза трезвому человѣку.

Торговцы водкой въ прежнихъ кабакахъ находились все таки подъ контролемъ и исполняли иногда правила, касающіяся ихъ. Такъ, напримѣръ, въ ночное время выпить могъ не всякій. Теперь частные торговцы во всякое время дня и ночи торгуютъ безпрепятственнно, и торгуютъ какъ за наличный счетъ, такъ и въ долгъ, по знакомству. Въ прежнее время пьяная компанія группировалась около кабаковъ, и желающій избѣгнуть встрѣчи съ пьяной ватагой достигалъ своей цѣли. Теперь же напившихся въ секретныхъ кабакахъ сами торговцы, чтобы скрыть свою преступную торговлю, провожаютъ отъ себя подальше и пьяные, по присущему имъ стремленію показать себя, «какъ раки»—по народному выраженію, вылазятъ на болѣе видное мѣсто... Прекращеніе торговли въ казенныхъ винныхъ лавкахъ въ извѣстные часы дня положительно не прекращаетъ пьянство, и постороннему наблюдателю совершенно нельзя понять—открыты винныя лавки или нѣтъ? Разница только въ томъ, что пьяницамъ въ это время пьянство стоитъ дороже, а слѣдовательно и разорительнѣе, такъ какъ они за каждое ведро переплачиваютъ 2 р. 40 к. Въ прежнее время жена легко могла отыскать своего мужа-пьяницу въ кабакѣ и притащить его домой, а теперь это почти невозможно, такъ какъ секретные кабаки считаются у насъ цѣлыми десятками".

Подобныя заявленія находимъ мы и въ трудахъ другихъ комитетовъ.

Въ *Новгородскомъ* губернскомъ комитетѣ, при обсужденіи вопроса о винной монополіи, благопріятныя стороны этого учрежденія усиленно подчеркивались представителемъ акцизнаго вѣдомства,

„по мнѣнію же другихъ членовъ совѣщанія, введеніе монополіи для населенія не принесло никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Пьянство, повидимому, нисколько не уменьшилось; вмѣсто трактировъ и кабаковъ вино распивается на улицахъ и на улицахъ происходятъ тѣ безобразія, которыя раньше происходили въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, съ меньшимъ соблазномъ

и не на глазахъ у публики. Хотя въ селеніяхъ число мѣстъ офиціальной продажи вина стало меньше, но за то умножились тайные шинки, которые можно найти почти въ каждой деревнѣ".

Нѣкоторые изъ членовъ комитета находили вообще, что

„не дѣло министерства финансовъ вести винную торговлю, гораздо цѣлесообразнѣе передать это дѣло частнымъ людямъ, за которыми можетъ быть учрежденъ соотвѣтственный надзоръ или же, какъ высказывались нѣкоторые члены, слѣдуетъ винную торговлю передать обществамъ, введя готтенборгскую систему продажи вина".

Тѣ мѣры, которыя принимаются въ связи съ монополіей для отвлеченія народа отъ вина и для уменьшенія злоупотребленія спиртными напитками, представляются только слабыми палліативами, и совсѣмъ не достигаютъ цѣлей, ими преслѣдуемыхъ. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь попечительства о народной трезвости. Но дѣятельность этихъ учрежденій по результатамъ своимъ совсѣмъ ничтожна.

„Производящіяся теперь отчисленія на комитеты трезвости— читаемъ мы въ журналахъ *Кіевскаго* у. комитета—

крайне ничтожны, а самая дѣятельность комитетовъ случайна и не оказываетъ вліянія. Сельское населеніе Кіевской губерніи нуждается не въ отрезвленіи и не въ такихъ искусственныхъ учрежденіяхъ, какъ сельскія чайныя или случайныя увеселенія, а въ хорошихъ школахъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, во врачебной помощи, въ улучшеніи дорогъ и своего хозяйства. Случайно появившіяся на казенныя деньги чайныя, при отсутствіи школъ или при плохихъ, нищенски поставленныхъ школахъ грамоты, при отсутствіи въ селѣ даже постоялаго двора (вслѣдствіе закрытія корчемъ), гдѣ можно было бы прикрыться заѣзжему человѣку въ зимнее время и покормить лошадей, являются какими то экзотическими растеніями, вызывающими у населенія часто одно недоумѣніе".

Вредитъ развитію дѣятельности попечительствъ и ничтожность средствъ, на нихъ отпускаемыхъ, а присущій ихъ бюрократическому строю тяжелый формализмъ и тотъ стѣснительный полицейскій контроль, которымъ обставлено всякое просвѣтительное начинаніе и всякое разумное развлеченіе для народа. Отъ этого контроля не свободно даже сельское духовенство: администрація или вовсе не даетъ разрѣшеній, напр., на воскресныя бесѣды и чтенія, или обставляетъ ихъ полученіе различными хлопотами и формальностями. (*Кіевскій* у. ком.).

Но и помимо всего этого, развитію дѣятельности учрежденій, связанныхъ съ монополіей, въ направленіи дѣйствительнаго отрезвленія населенія, неизбѣжно ставятъ преграду тѣ *фискальныя* цѣли, которыя стоятъ на первомъ планѣ во всей операціи, и для которыхъ крупное сокращеніе потребленія вина является прямою угрозою. Система казенной продажи питей могла бы привести къ

благимъ результатамъ въ томъ случаѣ, если бы доходъ отъ этой операціи не составлялъ видной статьи государственнаго бюджета; въ Россіи же она еще разъ подтвердила несовмѣстимость одновременнаго преслѣдованія двухъ взаимно исключающихъ мотивовъ—увеличенія казенныхъ средствъ и уменьшенія народнаго пьянства (*Малмыжскій* уѣздный комитетъ Вятской губ.).

Яркою иллюстраціею указанной несовмѣстимости можетъ служить и та двойственность, какая проявляется въ отношеніяхъ финансовыхъ органовъ къ различнымъ отраслямъ питейной торговли. Легкіе спиртные напитки, могущіе конкуррировать съ водкой, находятся положительно не въ фаворѣ. Такъ, со времени дѣйствія винной монополіи торговля пивомъ поставлена въ исключительно стѣснительныя условія; она сопряжена съ неимовѣрными формальностями чисто бюрократическаго характера и находится въ полной зависимости отъ благоусмотрѣнія чиновъ акцизнаго вѣдомства. Можно подумать даже, что министерство финансовъ находитъ неудобнымъ покровительствовать потребленію пива изъ опасенія понизить расходъ казеннаго вина. Требованія, предъявляемыя къ продавцамъ пива, настолько строги и многосторонни, что вполнѣ удовлетворить ихъ могутъ сравнительно немногіе кандидаты и примѣняются они—не въ примѣръ тому, что имѣетъ мѣсто по отношенію къ продавцамъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ—безъ всякихъ послабленій. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приказчики отказываются при первой возможности отъ своей должности.

„Въ Харьковскомъ уѣздѣ сплошь и рядомъ случается такъ, что въ продолженіе года въ одной пивной мѣняются продавцы 5—6 разъ, при чемъ всякій разъ для нихъ должны быть выбираемы приказчичьи свидѣтельства, оплачиваемыя сборомъ въ 6 р. 60 к. Этотъ экстраординарный налогъ, если еще оказывается посильнымъ для большихъ пивныхъ, то для малыхъ является настолько тяжелымъ бременемъ, что угрожаетъ самому ихъ существованію“. Открытіе пивныхъ затрудняется еще и особенно обременительными нормами кубической вмѣстимости торговаго помѣщенія. Это требованіе соблюдается даже при продажѣ пива исключительно на выносъ, что увеличиваетъ, конечно, накладные расходы, подымаетъ цѣну напитка и сокращаетъ его потребленіе. Не малыми затрудненіями обставлено и полученіе разрѣшенія на открытіе пивныхъ. Иногда трудно даже понять тѣ мотивы, которыми руководствуется усмотрѣніе акцизныхъ чиновъ въ этомъ случаѣ. Такъ, напр., въ Харьковскомъ уѣздѣ продажа пива предоставлена почти исключительно только пив-

нымъ заводчикамъ съ устраненіемъ всякихъ другихъ лицъ. На весь „уѣздъ имѣется лишь одно единственное лицо этой послѣдней категоріи, которому удалось добиться права открыть пивную".

Та широкая дискреціонная власть, которою пользуются акцизные чины во всѣхъ вопросахъ, касающихся выдѣлки и торговли крѣпкими напитками, ведетъ къ тому, что въ административной практикѣ отмѣченное выше неблагосклонное отношеніе акцизныхъ заправилъ къ легкимъ напиткамъ проявляется еще рѣзче. Придирчивость и произволъ акцизныхъ чиновниковъ создаетъ массу затрудненій и для торговцевъ пивомъ, и для пивныхъ заводчиковъ.

„Чего только стоитъ этимъ послѣднимъ — читаемъ мы въ журналѣ *Харьковскаго* у. комитета—хотя бы одна возня съ чиновниками, живущими при заводѣ. Заводчики, какъ извѣстно, обязаны предоставлять въ распоряженіе этихъ чиновниковъ квартиры. Требованія закона въ этомъ отношеніи довольно скромны и не такъ-то строги. Но гг. чиновники значительно въ этомъ отношеніи строже всякаго закона... Для маленькихъ заводовъ поэтому такіе квартиранты тяжелая обуза. Въ Харьковскомъ уѣздѣ, напр., одинъ небольшой пивоваренный заводъ, существовавшій довольно продолжительное время, прекратилъ свое производство изъ за того только, что владѣлецъ его никакъ не могъ примириться съ необходимостью ухаживать за акцизнымъ чиновникомъ, поселившимся при его заводѣ. Онъ предпочелъ отказаться отъ завода, лишь бы избавиться отъ чиновника".

Въ результатѣ всѣхъ такихъ условій получается что-то въ родѣ систематическаго „отваживанія населенія отъ пищеваго, слегка лишь спиртнаго напитка, какимъ является пиво, въ пользу опьяняющей водки. Подобнаго рода питейная политика находится въ полномъ противорѣчіи съ широко прокламируемыми въ свое время цѣлями питейной монополіи, заключавшимися главнымъ образомъ въ сокращеніи пьянства" (*Харьковскій* у. комитетъ).

Не смотря, однако, на отрицательное отношеніе къ монополіи, проявляющееся въ большинствѣ сужденій о ней мѣстныхъ комитетовъ и на указанія комитетовъ о крайней тягостности для населенія питейнаго налога—опредѣленныя заключенія въ смыслѣ необходимости коренныхъ измѣненій въ размѣрахъ и способахъ взиманія этого налога встрѣчаются только въ единичныхъ случаяхъ. Повидимому, комитеты останавливались при этомъ предъ соображеніемъ о громадномъ фискальномъ значеніи питейныхъ

сборовъ, которое дѣлаетъ совершенно утопичными всякіе проекты разлученія государства съ этимъ основнымъ источникомъ дохода. Не посягая поэтому на отмѣну или уменьшеніе питейнаго налога, они ограничивали по большей части свои пожеланія обращеніемъ извѣстной доли получаемаго этимъ путемъ дохода *на народное образованіе* и *на другія общественныя нужды*. Постановленія въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ въ журналахъ 45 комитетовъ 24 губ. Европейской Россіи. Два комитета (Горбатовскій, Нижегородской губ. и Мелитопольскій, Таврической) предполагали такое отчисленіе въ размѣрѣ всей чистой прибыли монопольной операціи—за вычетомъ акциза и (Горб. у.) суммъ, слѣдующихъ въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ отъ монополіи городскими и сельскими обществами; въ другихъ случаяхъ проектировалось отчислять отъ 10 к. съ ведра вина (Ряжскій у. к., Рязанской губ.) до 1 р. (Люцинскій и Рѣжицкій, Витебской губ.), чаще 40—50 коп. съ рубля. Въ большинствѣ комитетскихъ постановленій опредѣленной нормы отчисленій не указывается. Почти во всѣхъ случаяхъ отчисленія эти проектируются для воспособленія дѣлу народнаго образованія; иногда впрочемъ намѣчаются и другія цѣли; такъ, Грайворонскій комитетъ Курской губ. предлагаетъ обращать ихъ на образованіе основныхъ капиталовъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій, а Карачевскій (Орловской губерніи)—*на содержаніе полиціи* (!).

Какъ ни безспорна крайняя настоятельность расширенія бюджета народной школы и дѣла народнаго просвѣщенія вообще,—все-таки нельзя не видѣть крупнаго внутренняго противорѣчія въ самой идеѣ усиленія этого бюджета на счетъ налога, настолько тяжелаго и разорительнаго и по существу, и по способу своего взиманія, какимъ является у насъ питейный доходъ. Еще рѣзче это противорѣчіе проявляется въ постановленіяхъ тѣхъ комитетовъ, которые предположили еще и дальнѣйшее *повышеніе* питейнаго налога путемъ обложенія казеннаго вина *дополнительнымъ сборомъ*, отъ 40 коп. до 1 р., на мѣстныя нужды и въ частности на дѣло народнаго образованія. Такихъ комитетовъ насчитывается 18 въ 11 губерніяхъ [1]).

---

[1]) Именно: Глазовскій и Сарапульскій Вятской губ., Казанскій губернскій и Спасскій Казанской губ., Каневскій Кіевской, Галичскій Костромской, Курскій губ., Дмитріевскій и Обоянскій Курской губерніи, Оренбургскій губернскій, Зѣньковскій, Кременчугскій, Прилукскій и Хорольскій Полтавской губ., Ардатовскій Симбирской, Лебединскій Харьковской, Одесскій Херсонской, и Сосницкій Черниговской губ.

34 комитета (22 губерній) высказались за возмѣщеніе сельскимъ обществамъ потерь ихъ отъ прекращенія свободной торговли крѣпкими напитками. Затѣмъ мы имѣемъ рядъ заключеній комитетовъ о разныхъ частныхъ сторонахъ питейной монополіи и акцизной системы и о нуждахъ сельскохозяйственнаго винокуренія, но предѣлы нашей работы не позволяютъ намъ вступать здѣсь въ ихъ разсмотрѣніе.

За питейнымъ налогомъ, вторымъ по размѣрамъ поступленій является акцизъ съ *сахара*. Въ 1901 году онъ далъ государственному казначейству 71,3 милл. рублей. Десять лѣтъ назадъ въ 1892 году акциза съ сахара поступило въ казну только 27,5 м. руб., возрастаніе за десятилѣтній періодъ составляло 159,2%. Это возрастаніе вызвано было, однако, не столько расширеніемъ потребленія сахара, сколько усиленіемъ его обложенія. До 1892 г. норма акциза составляла 1 р., въ концѣ этого года она повышена была до 1 р. 40 к., а въ слѣдующемъ году акцизъ назначенъ уже въ 1 р. 75 съ пуда. По расчету на 1 душу населенія въ 1892 г. падало въ среднемъ 23,4 коп. сахарнаго акциза, въ 1901 г. эта средняя составляла уже 53,4 коп., т. е. на 128% болѣе. Среднее душевое потребленіе сахара возросло за тотъ же періодъ на 52%,—съ 7,9 до 12,1 фунта въ годъ на человѣка [1]).

Высокая норма акциза, почти равная, а по другимъ расчетамъ даже превышающая заводскую стоимость этого продукта (исчисляемую въ размѣрѣ отъ 1 р. 62 к. [2]) до 2 р. [3]) за пудъ) ведетъ къ высокой продажной цѣнѣ сахара и неизбѣжно задерживаетъ развитіе потребленія сахара, крайне ничтожнаго у насъ по сравненію съ странами культурнаго Запада.

Но цѣны на сахаръ на русскомъ внутреннемъ рынкѣ держатся на высокомъ уровнѣ не однимъ только акцизомъ. Сахарная промышленность является и объектомъ усиленнаго правительственнаго покровительства. Высокій таможенный тарифъ на ввозъ сахара изъ за границы вполнѣ защищаетъ ее отъ конкурренціи чужестранной. Сверхъ того цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій направленъ былъ систематически на то, чтобы сдер-

---

[1]) См. М. Кашкаровъ. Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія (1892—1901 г.г.) Спб. 1903 г., т. I, 146, 155,

[2]) Цифра принятая въ расчетахъ нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

[3]) Цифра офиц. „Свода трудовъ мѣстныхъ комитетовъ“, см. „Косвенные налоги“, 78 стр., прим.

жать и внутреннюю конкурренцію отечественныхъ производителей другъ съ другомъ и воспрепятствовать чрезмѣрному пониженію цѣнъ на мѣстномъ рынкѣ. Эти мѣропріятія выражались сначала въ усиленномъ поощреніи вывоза сахара за границу (возвратомъ акциза и выдачей особыхъ премій на каждый пудъ вывезеннаго сахара—въ настоящее время отмѣненныхъ); затѣмъ въ 1895 г. введена общая правительственная нормировка сахарнаго производства, путемъ которой эта отрасль промышленности поставлена была въ совершенно исключительныя условія [1]).

Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, усиливаемымъ еще взаимнымъ соглашеніемъ сахарозаводчиковъ другъ съ другомъ (сахарный синдикатъ образовался еще ранѣе правительственной нормировки), сахарная промышленность обезпечиваетъ значительные барыши сахарозаводчикамъ и доставляетъ извѣстный довольно крупный доходъ фиску,—но за все это расплачивается, само собою разумѣется, потребитель, осужденный переплачивать на цѣнѣ сахара.

Интересы этого потребителя и выдвинуты были впередъ многими комитетами при обсужденіи вопроса о сахарномъ производствѣ и сахарномъ акцизѣ.

„Благодаря высокому акцизу на сахаръ и особой сложной регламентаціи, истинныя достоинства которой понятны только небольшой группѣ сахарозаводчиковъ—читаемъ мы въ цитированномъ выше докладѣ Н. Н. Ковалевскаго *Харьковскому* губернскому комитету—

сахарное дѣло у насъ урегулировано такъ, чтобы сдѣлать этотъ продуктъ возможно болѣе дорогимъ для русскаго потребителя и продавать его за безцѣнокъ потребителю изъ иностранцевъ. Въ то время какъ въ Англіи цѣна нерафинированнаго сахара стояла около 1 руб. 50 коп., а рафинадъ до 2 руб. 10 коп., у насъ на Кіевскомъ рынкѣ сахарный песокъ доходитъ до 5 руб. за пудъ, въ другихъ же городахъ и того дороже. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, когда въ Англіи среднее годичное потребленіе 80 фунт. сахара на человѣка, у насъ большинство крестьянскихъ

[1]) По закону 20 ноября 1895 г., введенному первоначально въ видѣ временной мѣры, на три періода сахароваренія, но затѣмъ продленному на неопредѣленный срокъ,—на каждую кампанію сахароваренія устанавливается, постановленіемъ комитета министровъ, количество сахара, потребное для внутренняго рынка, которое по опредѣленнымъ правиламъ разверстывается между заводами. Сахаръ, выпускаемый сверхъ этого количества, оплачивается двойнымъ акцизомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на каждую кампанію опредѣляется и предѣльная продажная цѣна сахара. Если рыночная цѣна поднимается выше этого предѣла,—министру финансовъ предоставляется разрѣшить выпускъ на рынокъ, безъ оплаты двойнымъ акцизомъ, добавочнаго количества сахара изъ такъ называемаго „неприкосновеннаго запаса“, который долженъ быть образованъ при каждомъ заводѣ. Сахаръ, вывозимый за границу, освобождается вовсе отъ оплаты акцизомъ.

семей едва ли потребляетъ его болѣе 2 фунт. въ годъ. Нельзя не признать что сахарный акцизъ и дѣйствующая теперь сахарная политика весьма тяжело отражаются на бѣднѣйшей части русскаго населенія, лишая его возможности пользоваться такимъ пріятнымъ и полезнымъ питательнымъ веществомъ, какъ сахаръ, и искусственно направляя этотъ продуктъ, столь необходимый для народнаго питанія, въ Англію для откорма англійской свиньи [2])".

„Дѣйствующая теперь сахарная политика—говорится далѣе въ томъ же докладѣ—вредна не только только тѣмъ, что, утроивая цѣну сахара, дѣлаетъ его недоступнымъ для потребленія,—она вредна еще потому, что обусловливаетъ застой этой промышленности, исключая всякій интересъ у фабриканта къ усовершенствованію и удешевленію производства. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, фабриканту стремиться вводить техническія усовершенствованія, повышающія выводы сахара и тѣмъ удешевляющія его производство, если онъ и безъ того часть сахара долженъ вывезти за границу, по убыточной для себя цѣнѣ? При такихъ условіяхъ повышеніе техники производства вмѣсто барыша можетъ дать заводчикамъ убытокъ на новыхъ приплатахъ за сахаръ, подлежащій вывозу за границу".

Аналогичные выводы находимъ мы и въ трудахъ другихъ комитетовъ. Такъ, напр., *Кіевскій* уѣздный комитетъ, въ сводѣ своихъ постановленій „считаетъ долгомъ указать на крайнюю высоту сахарнаго налога, стѣсняющую развитіе свекло-сахарнаго производства".

„Культура сахарной свекловицы—разсуждаетъ комитетъ—является существеннымъ пособіемъ другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства и въ особенности она полезна массѣ крестьянскаго населенія, такъ какъ доставляетъ ему крупные сельскохозяйственные заработки на мѣстѣ и въ удобное время, остающееся свободнымъ отъ другихъ полевыхъ работъ. Посему желательно самое широкое развитіе свекло-сахарнаго производства во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ почвенныя и климатическія условія допускаютъ культуру свекловицы. Но нынѣшній акцизъ въ 1 р. 75 к. съ пуда и такъ назыв. нормировка сахарнаго производства препятствуютъ сахару сдѣлаться предметомъ массоваго потребленія. Потребленіе сахара и чая твердо укрѣпилось въ городскомъ населеніи, а для сельскаго населенія оно является пока болѣе или менѣе случайною роскошью. Значительное пониженіе сахарнаго акциза и удешевленіе сахара принесло бы большую пользу сельскому хозяйству, улучшило бы народное питаніе и не нанесло бы ущерба государственному назначейству. Для распространенія сахара въ массахъ населенія требуются не какія-либо искусственныя мѣры, такъ какъ продуктъ этотъ хорошо извѣстенъ и охотно

---

[2]) До послѣдняго времени сахарозаводчики стремились направить за границу всѣ „излишки" произведеннаго сахара, которые могли давить на цѣны внутренняго рынка. Такой вывозъ для заводчиковъ, присоединившихся къ синдикату, былъ даже обязателенъ. Точно также, какъ мы видѣли выше, къ поощренію его направлена и правительственная политика по отношенію къ сахарному производству. На заграничныхъ рынкахъ русскій сахаръ продавался даже ниже издержекъ производства, а происходящіе отсюда убытки раскладывались въ цѣнѣ сахара на русскаго потребителя. Послѣ Брюссельской конвенціи эта политика должна встрѣтить сильныя затрудненія.

потребляется, а необходимо его удешевленіе, ибо нынѣшнія цѣны дѣлаютъ сахаръ недоступнымъ для скромнаго крестьянскаго бюджета".

Издавна установившееся привилегированное положеніе сахарной промышленности въ Россіи—говоритъ въ докладѣ своемъ финансово-экономическая коммиссія *Лохвицкаго* у. комитета Полтавской губ.,—влечетъ за собою монополизацію дѣла въ рукахъ незначительной группы капиталистовъ, которые, съ разрѣшенія и при участіи правительства, регулируютъ какъ производство, такъ и сбытъ сахара.

„Такое положеніе дѣла ограничиваетъ естественный ростъ промышленности, съ которой естественнымъ образомъ связаны интересы сельскаго хозяйства (посѣвъ корнеплода, потребленіе отброса жомъ, потребность въ значительномъ количествѣ рабочихъ и подводъ и пр.)".

Благодаря устраненію естественной конкурренціи производителей, цѣны на сахаръ искусственно удерживаются на высотѣ, не соотвѣтствующей издержкамъ производства.

„Это обстоятельство, вмѣстѣ съ акцизомъ, создаетъ такую цѣну сахара на русскомъ рынкѣ, которая оказывается непосильной для большинства населенія Россіи: въ то время какъ за границей русскій сахаръ продается дешевле, въ Россіи, въ особенности въ виду слабыхъ покупательныхъ силъ населенія, сахаръ является до сихъ поръ предметомъ роскоши, предметомъ, не имѣющимъ того распространенія, которое было бы желательно по соображеніямъ гигіеническимъ, экономическимъ и даже этическимъ.

Сахаръ признается врачами весьма существеннымъ пищевымъ средствомъ для нормальной жизни организма человѣка, независимо отъ значенія его вкусовыхъ достоинствъ. Затѣмъ, нельзя отрицать также экономическаго значенія мѣропріятій, санкціонированныхъ финансовымъ нѣдомствомъ, по распространенію чайныхъ, въ цѣляхъ пріученія населенія къ потребленію чая, взамѣнъ водки, которая признается не только вредною для здоровья, но и нежелательной въ томъ отношеніи, что нерѣдко даже умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ концѣ концовъ создаетъ страсть къ пьянству, разорительно отзывающуюся на бюджетѣ крестьянина, мастерствѣ и т. д. Этическая сторона также связана съ вопросомъ о замѣнѣ водки чаемъ и, по всей вѣроятности, не требуетъ поясненія".

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній комиссія предлагала уѣздному комитету, независимо отъ пожеланія пониженія акциза на сахаръ (до половины его теперешней величины) высказаться „со всею откровенностью по вопросу о томъ, насколько невыгодно, несправедливо и даже жестоко покровительство небольшой группѣ капиталистовъ, интересамъ которой приносятся въ жертву интересы и нужды всего населенія Россіи".

На необходимости удешевленія сахара и облегченія возможности его болѣе широкаго распространенія въ народныхъ массахъ настаиваютъ единогласно всѣ комитеты, касавшіеся этого вопроса въ своихъ сужденіяхъ. Что касается способовъ такого удешевле-

нія, то всего чаще указывается на *сложеніе* или *пониженіе акциза* на сахаръ. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ опредѣленныя постановленія 49 комитетовъ 19 губерній Европейской Россіи, лежащихъ какъ въ районѣ распространенія сахарнаго производства, такъ и внѣ его. При этомъ 7 комитетовъ высказываются за общее сложеніе акциза, [1]) 5—за сложеніе или значительное пониженіе [2]) и 37 комитетовъ за пониженіе акциза.

Вопросы, связанные съ нормировкою сахарнаго производства, точно также привлекли къ себѣ вниманіе многихъ комитетовъ. Въ большинствѣ случаевъ сужденія, высказывавшіяся по этому поводу въ комитетахъ, совпадали съ изложенными въ выше приведенныхъ выдержкахъ изъ журналовъ нѣсколькихъ комитетовъ. Встрѣчаются, однако, заявленія, идущія въ другомъ направленіи. Такъ напр., при обсужденіи предложенія объ отмѣнѣ нормировки въ *Липовецкомъ* у. комитетѣ (Полтавской губ.) подчеркивалось между прочимъ значеніе нормировки, во всѣхъ ея видахъ, не только для заводчиковъ, но и для сельскихъ хозяевъ. Въ настоящее время съ судьбой сахарныхъ заводовъ связаны жизненные интересы сельскаго населенія окружающей мѣстности. Внезапное уничтоженіе правительственной нормировки свеклосахарнаго производства безъ сомнѣнія повело бы къ гибели многихъ заводовъ, что самымъ пагубнымъ образомъ отразилось бы на интересахъ населенія, имѣющаго, благодаря сахарнымъ заводамъ, значительный и постоянный заработокъ. Если даже сахарная нормировка и зло—говорится въ докладѣ по сахарному вопросу члена Липовецкаго комитета г. Рева—то „въ мѣстной хозяйственной жизни оно пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы промышленный переворотъ въ совершенно либеральномъ направленіи не отозвался глубокимъ потрясеніемъ мѣстной сельско-хозяйственной жизни“.

Мы встрѣчаемся здѣсь, такимъ образомъ, съ обычнымъ послѣдствіемъ всякаго искусственнаго покровительства. Около него наматывается постепенно такой клубокъ взаимно связанныхъ интересовъ, что ликвидація ихъ не можетъ произойти совершенно безболѣзненно и требуетъ обыкновенно извѣстной постепенности въ своемъ осуществленіи.

Большинство комитетовъ, пришло, однако, къ заключенію, что ликвидація сахарной нормировки все таки представляется

---

[1]) Нолинскій, Арзамасскій, Орловскій у., Весьегонскій, Уфимскій губ., Белебеевскій, Стародубскій.

[2]) Льговскій, Харьковскій губ. и Харьковскій у., Лебедянскій, Глуховскій.

необходимою. Постановленія въ этомъ смыслѣ сдѣланы были 25 комитетами (14 губерній). Кромѣ того два уѣздныхъ комитета (Орловскій Вятской губ. и Гродненскій Черниговской) высказали пожеланія объ упраздненіи синдиката сахаразаводчиковъ.

Даже и упомянутыя выше соображенія Липовецкаго комитета о связи сахарной нормировки съ интересами мѣстнаго населенія вызвали со стороны комитета не принципіальное заключеніе о необходимости поддержки такой нормировки, а только пожеланіе, „чтобы на пути стремленія къ уменьшенію цѣнъ сахара на внутреннихъ рынкахъ, въ цѣляхъ увеличенія его потребленія, не были забыты интересы нынѣ существующихъ старыхъ заводовъ, которые не могутъ значительно понизить стоимость производства, часто вслѣдствіе причинъ, отъ нихъ не зависящихъ (высокая рента земли, дороговизна рабочихъ рукъ, топлива)".

Наконецъ 3 комитета [1]) высказались за пониженіе таможенныхъ пошлинъ на сахаръ и 6 комитетовъ [2]) за полное уничтоженіе этихъ пошлинъ.

Параллельно съ вопросомъ объ удешевленіи для потребителей сахара нѣкоторыми комитетами былъ поднятъ вопросъ и о пониженія обложенія *чая*.

Чай составляетъ предметъ ввоза и обложеніе его производится въ формѣ таможенной пошлины. Эта пошлина имѣетъ чисто фискальное значеніе, такъ какъ внутреннее производство чая до сихъ поръ еще крайне незначительно и при обложеніи чая преслѣдовались главнымъ образомъ цѣли приращенія казеннаго дохода, а не покровительства отечественному производству. Фискальное значеніе пошлины съ ввозимаго чая очень значительно: по размѣрамъ поступленія это первая статья таможеннаго тарифа; въ 1901 г. съ ввоза чая собрано 57,4 м. р.; что составляетъ 26% всѣхъ таможенныхъ сборовъ. Пошлиною обложены при этомъ всѣ сорты чая, какъ болѣе высокіе (такъ наз. байховый чай), такъ и дешевые, составляющіе предметъ народнаго потребленія (особенно въ Сибири и восточной полосѣ Россіи). Въ среднемъ на каждый фунтъ ввозимаго чая всѣхъ сортовъ уплачено въ 1902 г. таможенныхъ пошлинъ около 40 коп. Насколько выше

---

[1]) Вельскій (Вологодской губ.), Горбатовскій (Нижегородской) и Балашовскій (Саратовской).

[2]) Елабужскій—Вятской губ., Рузскій Московской, Боровичскій—Новгородскій, Весьегонскій—Тверской, Уфимскій губернскій и Белебеевскій Уфимской губ.

таможенное обложеніе въ Россіи сравнительно съ другими странами, гдѣ распространено потребленіе чая, можно видѣть изъ такихъ цифръ: въ 1897 г. таможенная пошлина съ фунта *чернаго* чая (т. е. болѣе высокаго, кирпичный чай потребляется только въ Россіи) составляла: въ Россіи—79 коп., въ Англіи—17 коп., въ Голландіи—17 к., въ Соединенные Штаты чай ввозится безплатно; при этомъ въ то время, какъ въ Англіи съ 1862 г. по 1897 г. пошлина была *понижена* съ 40 до 17 коп., т. е. почти на 60%, у насъ она возрасла за этотъ промежутокъ времени *вдвое* (съ 40 к. до 79 к.). Параллельно съ этимъ и потребленіе чая у насъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ названныхъ странахъ; въ 1897 г. по среднему расчету на 1 душу оно составляло въ Англіи 6,7 фунта, въ Голландіи 1,5 ф., въ Соединенныхъ Штатахъ 1,4 и въ Россіи всего 0,9 фунта.

Выдвигая впередъ вопросъ объ уменьшеніи обложенія предметовъ общаго потребленія, сельскохозяйственные комитеты не могли не обратить вниманія и на чай. Опредѣленныя постановленія о необходимости понизить таможенныя пошлины на чай мы находимъ въ журналахъ 12 комитетовъ (9 губерній), а одинъ комитетъ (Боровичскій, Новгородской губ.) высказался за полное сложеніе этихъ пошлинъ.

Къ числу предметовъ народнаго потребленія, обложенныхъ акцизомъ, относятся также *нефтяныя осветительныя масла и зажигательныя спички*. Оба эти налога впервые установлены въ 1888 г. въ цѣляхъ сведенія баланса росписи того года. Съ тѣхъ поръ давно уже бюджетное равновѣсіе не только установилось прочно, но даже въ результатѣ заключенія росписей образуются каждогодно огромные свободные остатки, но тѣмъ не менѣе два указанные, несомнѣнно отягощающіе народныя массы, налога сохраняются до настоящаго времени; обложеніе нефтяныхъ продуктовъ было еще значительно повышено въ 1897 г. (съ 30 до 50 коп. за пудъ тяжелыхъ и съ 40 до 60 коп. за пудъ легкихъ маслъ). Спичечный акцизъ назначенъ былъ первоначально въ $^1/_4$ коп. съ коробки въ 75 штукъ; въ 1902 г. эта норма была увеличена до $^1/_2$ к. для спичекъ фосфорныхъ. Всего въ 1901 г. получено было казною съ нефтяныхъ освѣтительныхъ маслъ 28,6 м. р. и съ зажигательныхъ спичекъ 7,7 м. р. На каждую душу населенія падало нефтяного налога 21,4 коп. и спичечнаго 5,9 коп. въ годъ.

Несмотря на невысокія, повидимому, среднія цифры, обложеніе предметовъ необходимаго потребленія, какъ керосинъ и спички, не легко для малосостоятельной массы крестьянства.

Въ сѣверной полосѣ Россіи — читаемъ мы въ журналѣ *Орловскаго* у. комитета Вятской губ.—съ начала осени, когда еще сельскохозяйственныя работы не окончены, сумерки наступаютъ рано и приходится зажигать лампу съ пяти и даже трехъ часовъ дня. По утрамъ точно также всѣ домашнія занятія производятся при огнѣ. Хотя фунтъ керосина и обходится въ нѣкоторыхъ селеніяхъ немного болѣе 4 коп., но обычные доходы крестьянъ, не занимающихся кустарными промыслами, настолько малы, что не покрываютъ и такого расхода на освѣщеніе, а потому во многихъ мѣстахъ еще до настоящаго времени жгутъ лучину или изъ экономіи ложатся спать и встаютъ не во время.

Такія же жалобы идутъ и съ юга Россіи. И здѣсь отмѣчается недостатокъ средствъ на покупку дорого стоющаго „газа“ (керосина) и невозможность вслѣдствіе этого въ зимнее время посидѣть подольше и что либо сработать для своего зимняго обихода (*Екатеринославская* губ. [1]).—Акцизъ въ 60 к. на пудъ значительно удорожаетъ керосинъ; если даже принять во вниманіе крестьянское потребленіе только въ 4 пуда въ годъ, то и при этомъ добавочный расходъ, вслѣдствіе акциза, составитъ свыше 2 рублей; для крестьянской массы это большая цифра (*Лохвицкій* у. комитетъ [2]).

За необходимость мѣръ къ удешевленію керосина высказа-

---

[1]) Цитируемъ по офиціальному „Своду Трудовъ“, см. „Косвенные налоги“, стр. 100.

[2]) Владимірскимъ губернскимъ земствомъ (уже послѣ работъ комитетовъ) собраны были любопытныя данныя о потребленіи керосина среди крестьянскаго населенія губерніи; эти данныя краснорѣчиво свидѣтельствуютъ какое значеніе для крестьянства имѣло бы удешевленіе керосина. Потребленіе керосина въ Владимірской губ. растетъ съ каждымъ годомъ, но все таки оно еще крайне скудно въ деревнѣ. Въ среднемъ крестьянская семья расходуетъ въ годъ 2,35 пуд. керосина, что даетъ на душу 10,8 фунта въ годъ. Богатый дворъ потребляетъ керосина болѣе своего бѣднаго сосѣда въ три раза; средній дворъ противъ бѣднаго—почти въ два раза. Въ среднезажиточныхъ семьяхъ на освѣтительные расходы уходитъ 1,04% всего бюджета, въ семьяхъ выше средняго—только 0,75%, а ниже средняго 1,25%. Большого расхода на эту статью бюджета, чѣмъ теперь, крестьянинъ сдѣлать не можетъ. Насколько недостаточно удовлетворяется потребность въ освѣщеніи, въ особенности зимой и осенью, въ долгіе вечера, понятно само собою. „Обойдя нѣсколько домовъ для опроса по предложеннымъ мнѣ вопросамъ—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ статистическаго бюро владимірскаго земства, сельскій учитель,—я въ рѣдкихъ домахъ находилъ пятилинейную лампу, а въ большинствѣ случаевъ коптилки безъ стекла. На мои вопросы: „Есть ли у васъ лучше этихъ лампы?“ мнѣ всѣ

лись 26 комитетовъ 18 губерній. При этомъ 12 комитетовъ [1]) находило необходимымъ полное сложеніе акциза съ керосина; 11 комитетовъ—пониженіе акциза; наконецъ въ постановленіяхъ 3 комитетвъ говорится въ общей формѣ о необходимости обезпечить населенію полученіе освѣтительныхъ матеріаловъ за недорогую цѣну.

Не лишнее будетъ отмѣтить, однако, что при обсужденіи настоящаго вопроса выдвигались иногда и соображенія объ интересахъ одной части сельскихъ хозяевъ, которые могутъ столкнуться съ интересами потребителей керосина. Такъ въ *Лохвицкомъ* у. комитетѣ высказывалось нѣкоторыми изъ его членовъ опасеніе, какъ бы слишкомъ низкая цѣна керосина не явилась помѣхою къ распространенію *денатурованнаго спирта*; между тѣмъ появленіе на рынкѣ этого послѣдняго продукта въ интересахъ сельскохозяйственнаго винокуренія еще болѣе желательно, чѣмъ удешевленіе керосина. Въ этихъ видахъ лица, высказывавшія помянутое опасеніе, находили ходатайство объ отмѣнѣ акциза на керосинъ умѣстнымъ только въ томъ случаѣ, если не будетъ допущено употребленіе на техническія надобности безакцизнаго спирта; иначе нефть явится сильнымъ соперникомъ въ освѣщеніи и отопленіи и тогда всѣ выгоды останутся на сторонѣ нефтяниковъ. Большинство комитета не согласилось, однако, съ этими доводами и отклонило эту поправку, направленную, по справедливому замѣчанію одного изъ членовъ комитета, къ обложенію крестьянства данью въ пользу сельскохозяйственнаго винокуренія.

За уменьшеніе или сложеніе акциза съ зажигательныхъ спичекъ высказались 12 комитетовъ, изъ нихъ 7 за полное сложеніе [2]). При обсужденіи этого вопроса указывалось, что какъ

говорили утвердительно, но не зажигали ихъ по дороговизнѣ керосина, цѣна на который поднялась до 5—5½ коп. Я спрашивалъ ихъ: „Какъ же занимаются у васъ ученики со своими книгами?“ Мнѣ отвѣчали: „Для нихъ зажигаемъ на часъ или два лампу хорошую (т. е. въ 5“); а тамъ заставляемъ ихъ гасить и ложиться ранѣе спать“.—„Да вѣдь спать съ 6 часовъ и до 8-ми утра невозможно и надоѣстъ?“ Мнѣ говорили: „Что же дѣлать? Денегъ никакъ не хватаетъ: приходится себѣ отказывать во многомъ“.—„Ложатся рано, встаютъ поздно, спятъ во тьмѣ“—резюмируетъ свои наблюденія другой корреспондентъ и т. д. (цитуемъ по выдержкамъ, приведеннымъ въ „Экономической газетѣ“, 1904 г., № 15, стр. 250—51).

[1]) Елабужскій, Нолинскій, и Орловскій—Вятской губ., Нерехтскій—Костромской, Курскій и Обоянскій—Курской, Арзамаскій—Нижегородской, Устюженскій—Новгородской, Лохвицкій—Полтавской, Белебеевскій и губернскій—Уфимской и Стародубскій—Черниговской.

[2]) Елабужскій, Нолинскій—Вятской губ., Обоянскій—Курской, Арзамасскій—Нижегородской, Белебевскій и губернскій—Уфимской и Стародубскій—

ни малъ размѣръ даннаго акциза, онъ все таки въ извѣстной мѣрѣ увеличиваетъ общую сумму и безъ того обременительныхъ платежей сельскаго обывателя: для отдѣльнаго хозяина расходъ на уплату спичечнаго налога составляетъ приблизительно $^1/_{10}$ выкупныхъ платежей. Крестьянская семья для пріобрѣтенія матеріаловъ освѣщенія прядетъ холстъ по вечерамъ. Спички поглощаютъ недѣлю такого труда, приносящаго 7—8коп. заработка въ день. Акцизъ на спички установленъ недавно и притомъ въ самый критическій моментъ состоянія государственнаго хозяйства; съ тѣхъ поръ оно рѣзко измѣнилось къ лучшему, почему и дальнѣйшее удержаніе этого налога не находитъ себѣ оправданія, какъ и всякое обложеніе малоимущихъ потребителей (*Лохвицкій* у. комитетъ, *Тульскій* губернскій. [1])

Табачный акцизъ, не смотря на значительную цифру приносимаго имъ дохода (42,3 м. р. въ 1901 г.,—табачный доходъ по размѣрамъ поступленій стоитъ на 3-мъ мѣстѣ въ ряду косвенныхъ налоговъ, послѣ питейнаго и сахарнаго) привлекъ къ себѣ меньшее вниманіе мѣстныхъ комитетовъ, чѣмъ остальные акцизы. Замѣчанія по поводу этого налога сводились главнымъ образомъ къ тому вредному вліянію, которое оказывается акцизомъ на развитіе табаководства. Такое вліяніе зависитъ и отъ абсолютной тяжести налога, и отъ способовъ его взиманія. Высокій размѣръ акциза препятствуетъ развитію данной отрасли промышленности; для крестьянства это имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ въ мѣстахъ разведенія табака табаководство является въ большинствѣ крестьянскимъ занятіемъ. Страдаетъ мелкій производитель и отъ той монополизаціи въ немногихъ рукахъ скупки табаку съ крестьянскихъ плантацій, которая является естественнымъ послѣдствіемъ существующей акцизной системы. Крупные скупщики, уплачивающіе въ казну акцизъ за цѣлые районы, являются въ нихъ фактическими распорядителями цѣны продукта и имѣютъ такимъ образомъ возможность переложить акцизъ на производителя, являющагося слабѣйшею стороною въ сдѣлкѣ. На массовомъ потребителѣ отзывается тяжело главнымъ образомъ обложеніе дешевыхъ сортовъ табака—махорки—введенное въ 1878 г., а затѣмъ дважды повышенное (вдвое, съ 4 до 8 коп., въ 1887 г. и еще на 1 коп. въ 1900 г).

Черниговской. За уменьшеніе акциза высказались комитеты: Нерехтскій—Костромской губ., Серпуховскій—Московской, Балашовскій—Саратовской, Весьегонскій—Тверской и Кролевецкій—Черниговской.

[1]) Цитуемъ по офиціальному „Своду“ см. „Косвенные налоги“, стр. 104.

Большая часть постановленій, принятыхъ комитетами по отношенію къ табачному налогу, относилась къ разнымъ сторонамъ техники взиманія акциза, особенно вредно отражавшимся, по мнѣнію комитетовъ, на положеніи табаководства. Мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ постановленій, идущихъ главнымъ образомъ отъ комитетовъ табаководческаго района. Комитеты: Лохвицкій, Бугульминскій и Новоузенскій высказались также и за *уменьшеніе акциза* на табакъ, а Нолинскій комитетъ—за полное его *сложеніе*.

IV.

Какъ мы уже говорили выше, размѣры податнаго тягла, налагаемаго на населеніе дѣйствующею налоговою системою, не измѣряются однѣми тѣми жертвами, которыя государство требуетъ непосредственно для удовлетворенія своихъ собственныхъ, фискальныхъ нуждъ. Есть извѣстная группа налоговъ, одновременно съ уплатою которыхъ фиску плательщикъ вынужденъ платить еще бо́льшую дань въ пользу тѣхъ классовъ общества, ради интересовъ которыхъ эти налоги и устанавливаются. Такую роль играютъ *покровительственныя таможенныя пошлины*. Въ сущности, при всѣхъ видахъ косвеннаго обложенія, когда между фискомъ и плательщикомъ-потребителемъ становится извѣстный посредникъ (заводчикъ, торговецъ и т. п.), вносящій впередъ сумму слѣдующаго налога и разлагающій ее потомъ, въ формѣ прибавки къ цѣнѣ обложеннаго продукта, на настоящихъ плательщиковъ, потребителей, — эти послѣдніе всегда платятъ болѣе того, что получаетъ фискъ. Но эта переплата составляетъ только извѣстную прибавку къ налогу, которую техника обложенія стремится, хотя и не всегда успѣшно, свести къ возможному минимуму. При покровительственныхъ пошлинахъ, наоборотъ, самый казенный налогъ является только нѣкоторою неизбѣжною прибавкою къ тому, что уплачивается въ пользу покровительствуемыхъ отраслей промышленности; цѣлью налога служитъ не увеличеніе фискальныхъ поступленій, а поддержаніе на извѣстной высотѣ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ.

Облагая пошлиною дешевый товаръ иностраннаго производства, могущій конкуррировать съ отечественнымъ, государство или совсѣмъ устраняетъ его съ рынка или же лишаетъ его того преимущества, которое давала бы ему на этомъ рынкѣ болѣе низкая его стоимость. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ потребители вынуждены платить добавочную плату въ размѣрѣ пошлины, и

даже выше ея—за всѣ товары даннаго рода, обращающіеся на рынкѣ, какъ ввозные, такъ и отечественные; причемъ добавка къ цѣнѣ за эти послѣдніе идетъ не въ казну, а отечественнымъ продавцамъ и производителямъ. Такое обложеніе государствомъ одной части населенія въ пользу другой, большинства въ пользу меньшинства, носитъ въ самомъ себѣ извѣстное внутреннее противорѣчіе; но, если заинтересованныя группы располагаютъ значительнымъ вліяніемъ въ государственномъ механизмѣ, таможенное покровительство ихъ интересамъ можетъ принимать даже хроническій характеръ и отстаиваться какъ постоянная мѣра поддержки общественныхъ элементовъ, признаваемыхъ необходимыми для прочности и устойчивости существующаго строя. Таковъ обыкновенно аграрный протекціонизмъ въ періодъ господства или преобладающаго вліянія землевладѣльческихъ классовъ. Чаще однако, протекціонная система выдвигается какъ *временное* орудіе для охраны возникающихъ или развивающихся отраслей промышленности до тѣхъ поръ, пока онѣ окрѣпнутъ на столько, чтобы имѣть возможность собственными силами противостоять конкурренціи чужеземныхъ производствъ. Чрезъ стадію временнаго и частичнаго покровительства своей обрабатывающей промышленности проходитъ или прошла почти каждая культурная страна; но и продолжительность, и степень интенсивности такого покровительства въ разныхъ странахъ значительно разнятся между собою.

Нашъ таможенный тарифъ носитъ на себѣ въ настоящее время очень рѣзко выраженный покровительственный характеръ по отношенію къ обрабатывающей и, частью, добывающей (горной) промышленности. Многія крупныя отрасли этой промышленности пользуются таможенною охраною уже очень давно,—такъ что „временный“ характеръ нашего протекціонизма можетъ быть принятъ только въ очень условномъ смыслѣ—но интенсивность этой охраны испытала на себѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій очень крупныя измѣненія.

Во вторую половину прошлаго вѣка русская промышленная жизнь вступила подъ дѣйствіемъ запретительнаго тарифа 1850 г. Со второй половины 50-тыхъ годовъ началось нѣкоторое ослабленіе таможенной охраны, завершившееся умѣреннымъ, т. наз. „фритредерскимъ“ тарифомъ 1868 года. Вскорѣ, однако, повышательная тенденція таможеннаго обложенія опять возобновилась и пошла съ возрастающей силою, подъ двойнымъ воздѣйствіемъ и фискальныхъ, и покровительственныхъ соображеній. Въ 1877 г. установлена была уплата таможенныхъ пошлинъ золотомъ, при прежнемъ номинальномъ размѣрѣ ставокъ, такъ что всѣ ставки

повышены были на 40—50%; вслѣдъ затѣмъ огульное повышеніе практиковалось нѣсколько разъ, еще начиная съ 1881 г.; по нѣкоторымъ статьямъ, дающимъ крупныя поступленія, обложеніе повышено было на сотни процентовъ. Рядомъ шли и прибавки пошлинъ покровительственнаго характера, особенно съ половины 80-тыхъ годовъ, когда нашъ тарифъ опять принимаетъ опредѣленно протекціонистскую окраску. На первый планъ при этомъ выступаетъ охрана горнаго дѣла, металлическихъ производствъ, машиностроенія, — пользующихся за послѣднее двадцатилѣтіе особенно усиленнымъ государственнымъ покровительствомъ; рядомъ съ этимъ, таможенное покровительство въ той или другой мѣрѣ распространялось и на остальныя отрасли индустріи. Систематическимъ выраженіемъ протекціонистской политики явился, изданный въ министерство Вышнеградскаго, общій таможенный тарифъ 1891 года,—этотъ антиподъ „фритредерскаго“ тарифа эпохи реформъ (1868 г.).

Тарифъ 1891 года не былъ, однако, послѣднимъ словомъ покровительственной политики: составленный 12 лѣтъ позже „общій тарифъ“ 13 янв. 1903 проводитъ покровительство для нѣкоторыхъ отраслей промышленности еще дальше. Точно также послѣ 1891 года послѣдовалъ рядъ повышеній и по отношенію ко многимъ пошлинамъ фискальнаго значенія. Но, съ другой стороны, дѣйствіе высокаго общаго тарифа подверглось за послѣднее десятилѣтіе, такъ сказать, пространственному ограниченію. Путемъ спеціальныхъ торговыхъ договоровъ съ отдѣльными странами, начиная съ договора 1894 г. съ Германіей, торговый обмѣнъ съ этими странами изъятъ былъ отъ подчиненія общему тарифу, рядомъ съ которымъ возникли особые „конвенціонные тарифы“, съ пониженными ставками по нѣкоторымъ статьямъ. Въ общемъ, однако, несмотря на эти пониженія, наше таможенное обложеніе остается очень высокимъ и абсолютно, и относительно. Въ 1901 году таможенныя пошлины, поступившія въ казну, составляли 36,82% цѣнности всего ввоза. Если взять соотвѣтственныя цифры за разные періоды предшествовавшаго пятидесятилѣтія, то получимъ такой рядъ, иллюстрирующій общее движеніе нашего таможеннаго обложенія за это время [1]).

1851—56	28,25%
1857—68	19,38 „
1869—76	13,04 „

[1]) Заимствуемъ эти данныя изъ книги М. Кашкарова „Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія (1892—1901)“, т. I, 177.

1877— 80	15,84
1881— 84	17,66
1885— 91	27,41
1892—900	34,00

Для сельскаго хозяйства и для земледѣльческихъ классовъ населенія таможенное обложеніе создавало только крупныя тяготы, не давая взамѣнъ ничего, такъ какъ по характеру нашего международнаго обмѣна таможенное покровительство не могло коснуться земледѣльческихъ продуктовъ, составляющихъ главный предметъ вывоза. Ввозныя пошлины поражали при этомъ какъ предметы непосредственнаго потребленія земледѣльческихъ классовъ, такъ и нѣкоторые важные элементы потребленія *производственнаго*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенное значеніе имѣли пошлины на сельскохозяйственныя орудія и машины, а также на металлы—желѣзо, чугунъ, сталь—и издѣлія изъ нихъ и на землеудобрительные туки. Сельскохозяйственныя машины и орудія, ввозившіяся до того времени безплатно, обложены были въ 1885 г. высокою пошлиною въ 1 р. 5 к. съ пуда. Пошлины съ чугуна, желѣза и другихъ металловъ были въ тоже время сильно подняты. Послѣ перевода тарифныхъ ставокъ 1868 года на золото, чугунъ оплачивался при ввозѣ пошлиною въ $7^1/_2$ коп. съ пуда, желѣзо полосовое и сортовое $52^1/_2$ к., желѣзные рельсы 30 к., желѣзо листовое 75 к. По тарифу 1891 г. ставка на тѣ же предметы составила 45 к. (при привозѣ моремъ) и $52^1/_2$ (сухопутно) для чугуна, 90 к. для сортоваго желѣза и желѣзныхъ рельсовъ и 1 р. 50 к. для желѣза листоваго. По конвенціонному тарифу 1894 г. эти ставки подверглись нѣкоторому пониженію, но остались всетаки въ размѣрѣ 75 к. для пуда машинъ, 45 к.—чугуна, 75 к.—желѣза сортоваго и желѣзныхъ рельсъ и 1 р. $27^1/_2$—1 р. 50 к. для листоваго желѣза. Высокими пошлинами обложены были и ввозимыя изъ заграницы землеудобрительныя вещества (для суперфосфатовъ—одного изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ искусственныхъ удобреній—пошлина эта составляла 5 к. съ пуда). Только въ 1898 г. разрѣшенъ былъ безпошлинный ввозъ нѣкоторыхъ изъ этихъ веществъ, совсѣмъ не производимыхъ въ Россіи, а также и нѣкоторыхъ сложныхъ земледѣльческихъ машинъ.

Съ началомъ усиленнагопокровительства металлургіи и машиностроенія начинаютъ раздаваться и усиленныя жалобы сельскихъ хозяевъ, указывающія на тяжелыя послѣдствія протекціонизма для земледѣлія,—въ особенности послѣ того, какъ вслѣдъ за коротким періодомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ наступаетъ періодъ продолжительной депрессіи на хлѣбномъ рынкѣ. Такими же

жалобами переполнены и заявленія мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Въ цѣломъ рядѣ заявленій комитетовъ указывается и на общую обременительность таможеннаго покровительства для массы земледѣльческаго населенія, и на спеціальный вредъ для земледѣлія высокаго обложенія земледѣльческихъ машинъ, желѣза и удобрительныхъ туковъ.

Искусственное насажденіе промышленности путемъ таможеннаго покровительства налагаетъ огромныя жертвы на страну и прежде всего на земледѣльческіе ея классы. Жертвы эти, изъ временныхъ, какъ предполагалось первоначально, обращаются въ хроническія и грозятъ затянуться еще на десятки лѣтъ, а между тѣмъ результаты ихъ совсѣмъ не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ ожиданій.

„Основаніемъ нашей экономической политики послѣднихъ десятилѣтій—читаемъ мы въ докладѣ *Тульской* губ. земской управы мѣстному губернскому комитету—служитъ насажденіе, развитіе и поддержаніе въ Россіи фабрично-заводской промышленности.

„Вытекая изъ вполнѣ сознаннаго взгляда лицъ, стоящихъ во главѣ финансоваго управленія, эта политика основывается на убѣжденіи, что развившаяся промышленность создастъ новыя богатства страны, разовьетъ внутренніе рынки и сдѣлаетъ Россію самодовлѣющею, независимою отъ другихъ странъ экономическою единицею. Ради этихъ цѣлей приносились и приносятся въ жертву интересы многомилліоннаго земледѣльческаго населенія, которое должно было не только временно поступиться своими благами въ пользу промышленности, но и вынести ее на своихъ плечахъ до періода расцвѣта, чтобы впослѣдствіи раздѣлить вмѣстѣ съ нею общее благополучіе. Наступленіе этого благополучія представлялось вполнѣ достижимымъ и близкимъ. Но прошло уже болѣе 20 лѣтъ, какъ русское правительство вступило на путь положительнаго протекціонизма—страна совершенно истощена и обезсилена, а русская промышленность оказывается все еще неспособною конкуррировать съ иностранною и все такъ же нуждается въ помощи правительства. Можно было отстаивать тотъ или иной взглядъ на значеніе покровительственной политики 15—20 лѣтъ тому назадъ, но горькій опытъ долженъ, наконецъ, привести къ убѣжденію, что покровительство промышленности свелось въ дѣйствительности къ покровительству небольшой кучкѣ промышленниковъ и почти не отразилось на развитіи страны“.

Сторонники покровительственной системы,—говоритъ финансовая комиссія *Елецкаго* у. комитета,—указываютъ обыкновенно, что съ развитіемъ, подъ вліяніемъ покровительства, внутренняго производства, конкурренція вызоветъ пониженіе цѣнъ и получится свой дешевый товаръ. Отсюда формула: протекціонизмъ самъ себя упразднитъ. Однако, въ экономической жизни нашего отечества эти обѣщанія мало оправдываются.

„Въ 1898 г. оканчивался 12-ти-лѣтній срокъ, на который было установлено высокое обложеніе иностранныхъ сырыхъ металловъ: чугуна, желѣза и

стали. За годъ до этого, именно весной 1897 года, при министерствѣ финансовъ было созвано совѣщаніе по вопросу объ удешевленіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. Большинство сельскихъ хозяевъ заявило тогда, что ограничивать вопросъ этими рамками значило бы лишить возможности воспользоваться предполагаемымъ облегченіемъ до 80% сельскихъ хозяевъ крестьянъ; для нихъ орудія сельскохозяйственнаго производства ограничиваются желѣзомъ въ его сыромъ, торговомъ видѣ. Находя поэтому необходимымъ ослабленіе таможеннаго покровительства на металлъ въ сыромъ и полуобработанномъ видѣ, упомянутое большинство сельскихъ хозяевъ признало, однако, невозможнымъ, безъ нарушенія множества частныхъ интересовъ, рѣзкій переломъ въ таможенной системѣ и ходатайствовало о постепенномъ переходѣ къ политикѣ болѣе умѣренной".

Но и эти скромныя пожеланія не получили осуществленія. Металлургическая промышленность, по заявленіямъ ея представителей, не можетъ существовать безъ дальнѣйшей поддержки и опять интересы земледѣльческаго населенія были принесены въ жертву. Протекціонизмъ не упразднилъ самого себя и не освободилъ потребителей отъ зависимости отъ иностраннаго рынка, какъ это провозглашалось при введеніи высокаго обложенія желѣза; въ 1886 году, изъ всего потребляемаго въ Россіи желѣза внутреннее производство доставляло 82%, а иностранное 18%; въ 1895, послѣ 10 лѣтъ отношеніе это измѣнилось такъ, что на внутреннее производство приходилось уже только 67%, а на ввозъ изъ заграницы 33%. А еще чрезъ 6 лѣтъ, въ 1901 году, мы встрѣчаемся съ кризисомъ въ желѣзодѣлательномъ производствѣ, потребовавшимъ новыхъ крупныхъ пожертвованій со стороны государственнаго казначейства,—при полномъ въ то же время безсиліи покровительствуемой промышленности удовлетворить существующую на внутреннемъ рынкѣ потребность въ желѣзѣ для цѣлей народнаго потребленія и для сельскаго хозяйства въ частности. Все желѣзное дѣло было приспособлено почти исключительно къ удовлетворенію нуждъ желѣзныхъ дорогъ и потребностей военнаго и морского вѣдомства. Для сельскаго хозяйства и для земледѣльческаго населенія ростъ нашей металлургической промышленности ничего, кромѣ огромнаго отягощенія, не далъ.

Между тѣмъ, жертвы, которыя требуетъ отъ страны протекціонная политика, далеко не легки. Наше таможенное обложеніе вообще очень высоко. Несмотря на значительно усилившійся за послѣднія десятилѣтія въ Западной Европѣ протекціонизмъ, максимальныя для нея таможенныя ставки далеко не достигаютъ нашихъ. Нужно помнить при этомъ, что освобожденіе этихъ странъ отъ промышленной зависимости отъ Англіи

путемъ созданія самостоятельной національной промышленности происходило при несравненно низшихъ, чѣмъ нынѣшнія и совершенно ничтожныхъ по сравненію съ нашими таможенныхъ пошлинахъ. Главныя ставки русскаго тарифа непомѣрно высоки даже по сравненію съ Америкой. Такъ, напримѣръ, съ желѣза и стали у насъ взимается съ пуда 50 коп. золотомъ, въ Америкѣ 25; стальные и желѣзные рельсы обложены у насъ 50 к., а тамъ — 16,3 коп., чугунъ у насъ 30, а тамъ—8,3 коп. и т. д. (*Смоленскій* губернскій комитетъ). По расчетамъ спеціалистовъ, цитируемымъ нѣкоторыми комитетами, сумма переплатъ населенія на цѣнахъ обложенныхъ таможенными пошлинами товаровъ только по нѣсколькимъ предметамъ (хлопчатобумажнымъ, шерстянымъ, шелковымъ и льняннымъ тканямъ, каменному углю, чугуну, желѣзу, стали и издѣліямъ изъ этихъ металловъ) составляетъ около 300 милл. руб. Изъ этого числа только 70 милл. поступаютъ въ видѣ налога въ доходъ казны, остальные же 230 милл. идутъ въ пользу промышленниковъ и торговцевъ (*Весьегонскій* у. комитетъ Тверской губ.).

Какъ уже было упомянуто выше, на сельскомъ хозяйствѣ особенно тяжело отзываются высокія таможенныя пошлины на желѣзо, земледѣльческія машины и орудія и землеудобрительные туки. Спеціально по отношенію къ желѣзу потери населенія, вызываемыя таможеннымъ покровительствомъ, принимаются нѣкоторыми изслѣдователями круглою цифрою въ 100 милл. рублей въ годъ. Въ дѣйствительности — замѣчаетъ финансовая комиссія *Лохвицкаго* у. комитета—потеря эта

„гораздо больше, если принять во вниманіе не эту положительную сторону, т. е. не то, что мы переплачиваемъ, потребляя дорогое желѣзо, а сторону отрицательную, т. е. то, что теряетъ сельское хозяйство, потребляющее такъ мало желѣза и лишенное возможности потреблять его больше, такъ сказать досыта; плохая соха и плохой топоръ,—вотъ все желѣзное богатство крестьянина. Можно ли расчитывать при этомъ на доброкачественность и успѣшность постройки? Даже гвоздь въ крестьянскомъ обиходѣ составляетъ такую рѣдкость, точно наша деревня переживаетъ времена доисторическаго періода".

Недостатокъ желѣза въ крестьянскомъ хозяйствѣ доходитъ до крайности. По исчисленіямъ *Тихвинскаго* у. комитета дѣйствительное потребленіе желѣза едва ли удовлетворяетъ и десятую долю существующей въ немъ потребности. Благодаря высокой пошлинѣ на чугунъ и желѣзо—говоритъ редакціонная коммисія *Лохвицкаго* у комитета—

„наша малороссійская деревня не въ состояніи замѣнить свои соломенныя крыши желѣзными, а между тѣмъ это значительно сократило бы неисчислимые убытки отъ пожаровъ. Всякая постройка, требующая желѣза, весьма

затруднена для сельскаго жителя; вмѣсто гвоздей на воротахъ и т. п. по большей части употребляются деревянные болты. Оси въ телѣгахъ, даже въ крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, до сихъ поръ дѣлаются почти исключительно изъ дерева и т. д. Вообще потребленіе желѣза въ Россіи крайне незначительно. Для 1900 года на 1 жителя приходилось: въ Соединенныхъ Штатахъ 9,7 пуд., въ Англіи 8,1, въ Германіи 8,1, во Франціи 4,2 и въ Россіи 1,6 пуда. Но потребленіе желѣза въ сельскомъ хозяйствѣ выражается у насъ еще гораздо меньшей цифрой, такъ какъ весьма значительная и даже большая часть нашего желѣза, какъ извѣстно, идетъ на желѣзнодорожное строительство и прочія цѣли, а не на сельское хозяйство".

Аналогичныя съ приведенными указанія находимъ мы и въ цѣломъ рядѣ заявленій другихъ комитетовъ. Удешевленіе желѣза и чугуна выдвигается въ этихъ заявленіяхъ какъ одна изъ насущнѣйшихъ потребностей земледѣльческаго населенія; а такое удешевленіе не возможно при существующихъ таможенныхъ пошлинахъ на металлы. Въ большинствѣ случаевъ, однако, не смотря на всю тягость существующаго покровительства желѣзодѣлательной промышленности комитеты не настаиваютъ на немедленномъ и полномъ его устраненіи. Въ большей части комитетскихъ постановленій высказываются пожеланія только о *пониженіи* таможенныхъ пошлинъ съ металловъ, имѣющихъ примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, или о *постепенномъ* ихъ сложеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываются и размѣры желательнаго пониженія (такъ, напр., Лохвицкій комитетъ проектируетъ уменьшеніе пошлинъ съ чугуна, желѣза и стали до $^1/_3$ ихъ теперешней величины); чаще говорится только о необходимости такого пониженія вообще. Меньшинство комитетовъ,—довольно значительное,—настаиваетъ, какъ мы уже говорили, на немедленномъ полномъ освобожденіи отъ пошлинъ ввозимаго желѣза и чугуна.

Таможенное покровительство *сельско-хозяйственному машиностроенію* вызвало еще болѣе многочисленныя и категорическія возраженія со стороны комитетовъ, чѣмъ высокое обложеніе металловъ. Пошлины на земледѣльческія машины и орудія установлены, какъ извѣстно, только въ 1885 году и преслѣдуютъ цѣли исключительно покровительственныя; это видно уже изъ того, что пошлины со всѣхъ сложныхъ земледѣльческихъ машинъ, не производимыхъ въ Россіи, въ настоящее время (съ 1898 года) сняты и облагаются только тѣ машины и орудія, которыя могутъ конкуррировать съ производствомъ отечественныхъ мастерскихъ.

Существующіе размѣры пошлины, 75 к. съ пуда, тяжелы вообще и въ особенности по отношенію къ такимъ простымъ орудіямъ, въ какихъ нуждается крестьянское хозяйство. Обыкно-

венный крестьянскій плугъ вѣситъ около 6 пуд.; слѣдовательно пошлины за него приходится уплатить 4 р. 50 к. Это—говоритъ *Бунская* у. управа—10% стоимости средней крестьянской рабочей лошади. Такое обложеніе обременительно и для крупнаго хозяина, крестьянину же оно создаетъ неодолимое препятствіе для поднятія земледѣльческаго производства. А между тѣмъ распространеніе улучшенныхъ орудій составляетъ въ настоящее время самую насущную потребность крестьянскаго хозяйства. Выпаханныя крестьянскія земли при обработкѣ традиціонной сохой могутъ давать только скудные урожаи. Но при другихъ условіяхъ обработки эта „выпаханность“ не составляетъ препятствія неодолимаго. Выпаханнымъ является собственно только верхній пахатный слой, въ 2 или въ 1½ вершка, періодически, въ продолженіе ряда десятилѣтій взрыхляемый сохою. Если предпринять осторожное и постепенное углубленіе пахатнаго слоя, то явленія выпаханности въ большинствѣ случаевъ исчезнутъ, ибо въ распоряженіе пахотнаго слоя поступятъ минеральныя вещества, не бывшія дотолѣ въ обращеніи. Но нельзя ни минуты сомнѣваться въ томъ, что осторожное и постепенное углубленіе пахатнаго слоя немыслимо при помощи сохи и легко осуществимо при помощи *плуга*. (*Борисоглѣбскій* у. комитетъ Тамбовской губ). Значеніе улучшенныхъ орудій сознается хорошо крестьянскимъ населеніемъ; на распространеніе ихъ направлены энергическія усилія земства, но очень существеннымъ препятствіемъ на пути къ этому распространенію является вызванная таможеннымъ покровительствомъ дороговизна названныхъ орудій и машинъ.

Прибавка къ цѣнѣ машинъ, вслѣдствіе пошлины, доходящая до 25%, чувствительна и не для крестьянъ только,—съ этимъ приходится считаться и болѣе состоятельнымъ хозяевамъ, уплачивающимъ ежегодно милліонную дань небольшой группѣ машиностроителей. И не смотря на эту дань покровительствуемое машиностроеніе все-таки не въ силахъ удовлетворить ростущему спросу: большая часть этого спроса до сихъ поръ покрывается ввозомъ изъ заграницы. Такъ, въ 1900 г. привозъ изъ заграницы сельскохозяйственныхъ машинъ достигалъ 13,·9 м. р., а производство ихъ въ Россіи, въ томъ же году, выражалось болѣе низкой цифрой 10, 4 м. р. (*Ложвицкій* у. ком.).

Въ 1898 г. таможенное обложеніе сельскохозяйственныхъ машинъ было нѣсколько ослаблено. Но освобожденіе отъ пошлины или пониженіе ея распространено было только на часть машинъ, наиболѣе дорогихъ и совсѣмъ не употребляемыхъ въ

крестьянскомъ хозяйствѣ. Такъ, именно, разрѣшенъ былъ безпошлинный ввозъ нѣсколькихъ видовъ особо сложныхъ машинъ, не производимыхъ въ Россіи, и понижена съ 2 р. 10 к. до 75 к. пошлина на локомобили при сложныхъ молотилкахъ и паровыхъ плугахъ. Такимъ образомъ отъ этой льготы получили нѣкоторое облегченіе только менѣе другихъ нуждавшіяся въ немъ крупныя хозяйства.

Мѣстные комитеты, въ огромномъ числѣ, рѣшительно высказались за необходимость такихъ облегченій для общей массы всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Въ большинствѣ случаевъ при этомъ комитеты находили необходимымъ *полное сложеніе* пошлинъ съ земледѣльческихъ машинъ и орудій; рѣже пожеланія комитетовъ ограничивались *пониженіемъ* этихъ пошлинъ.

Что касается сельскохозяйственнаго машиностроенія, то въ видахъ его поддержки нѣкоторыми комитетами предлагалось разрѣшить для мастерскихъ с.-хозяйственныхъ орудій и машинъ безпошлинный ввозъ нужныхъ имъ матеріаловъ изъ заграницы. По расчетамъ министерства финансовъ,—говоритъ редакціонная комиссія *Лохвицкаго* у. комитета,—для производства одного пуда машинъ требуется, приблизительно, затрата 1½ пуд. чугуна.

„Чугунъ у насъ обложенъ пошлиной въ 45 коп. (въ существующей валютѣ) съ пуда. Такимъ образомъ, обложеніе сельскохозяйственныхъ машинъ лишь въ совершенно ничтожной мѣрѣ превосходитъ обложеніе чугуна. Если бы при снятіи пошлинъ на сельскохозяйственныя машины нашимъ отечественнымъ машиностроителямъ было предоставлено право безпошлиннаго полученія чугуна и желѣза, то условія конкурренціи отечественныхъ машинъ съ машинами иностраннаго происхожденія не подвергались бы сколько нибудь значительному измѣненію. Наши машиностроители столько же выиграютъ отъ безпошлиннаго полученія сырого матеріала производства, сколько потеряютъ отъ пониженія цѣны продукта. Но такъ какъ означенная мѣра должна вызвать увеличеніе спроса со стороны сельскихъ хозяевъ на орудія какъ иностраннаго, такъ и туземнаго происхожденія, то результаты ея должны быть благотворны и для нашего отечественнаго машиностроенія.“

Практическая осуществимость этой мѣры едва ли можетъ возбуждать сомнѣніе. Рекомендуемый порядокъ ввоза чугуна на нѣкоторые заводы не есть нѣчто новое и небывалое въ исторіи нашей таможенной системы. Напротивъ того, онъ уже имѣлъ мѣсто въ теченіе 20 лѣтъ съ 1861 по 1881 г.

„Все это время ввозъ въ Россію сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій былъ совершенно свободенъ отъ пошлинъ, и въ то же время заводы съ механическими двигателями, работавшіе названныя орудія и машины, имѣли право безпошлиннаго ввоза иностраннаго чугуна и желѣза. Число заводовъ съ 1861 по 1879 г. возросло съ 64 до 340 (данныхъ о размѣрахъ производства не имѣется). За 1876—79 г.г. русскіе заводы производили, въ среднемъ, сельскохозяйственныхъ машинъ болѣе чѣмъ на 3 милл. рубл. въ годъ, въ то время какъ иностранныхъ машинъ ввозилось въ то же время, въ среднемъ, на

2,4 милл. рубл. въ годъ. Такимъ образомъ, не смотря на безпошлинность провоза изъ за границы машинъ, иностранныя машины не только не вытѣсняли русскихъ машинъ съ русскаго рынка, но не могли завоевать и половины послѣдняго."

Теперь, при господствѣ указаннаго покровительства сельскохозяйственнаго машиностроенія, отношеніе между внутреннимъ производствомъ и ввозомъ изъ заграницы представляется гораздо менѣе благопріятнымъ.

На ряду съ улучшенными орудіями сельское хозяйство нуждается и въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ удобреній. И здѣсь покровительственныя таможенныя пошлины стоятъ поперекъ пути. Въ 1898 г., одновременно съ отмѣною пошлинъ на сельскохозяйственныя машины, не выдѣлываемыя въ Россіи, сняты были и пошлины съ нѣкоторыхъ, тоже не производимыхъ въ Россіи минеральныхъ удобреній (стассфуртскихъ солей, хлористаго калія, сѣрнокислаго кали, чилійской селитры, зернистаго углерода и мѣдно-мышьяковистыхъ солей), но обложеніе суперфосфатовъ (5 коп. золотомъ съ пуда) и другихъ распространенныхъ удобреній остается въ силѣ и понынѣ, затрудняя распространеніе ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. „Не смотря на обиліе фосфоритовъ въ Подольской губерніи,—говоритъ *Каменецкій* уѣздный комитетъ,—цѣны на удобрительные туки очень высоки здѣсь. Необходимо пониженіе ввозныхъ пошлинъ на сѣрную кислоту, употребляемую при фабрикаціи суперфосфатовъ". „Витебскіе хозяева,—читаемъ мы въ журналахъ *Дриссенскаго* у. комитета,—должны получать удобрительные туки изъ Таганрога или Маріуполя, слишкомъ за 2,000 верстъ, тогда какъ прусская граница находится всего въ 300 верстахъ, а въ Пруссіи, какъ извѣстно, употребленіе удобрительныхъ туковъ имѣетъ самое широкое распространеніе; очевидно, что провозъ желѣзною дорогою лишнихъ 1,500 верстъ составляетъ крайне тяжелый расходъ, чрезвычайно увеличивающій стоимость обработки земли". Пониженіе цѣнъ на искусственныя удобренія составляетъ, по мнѣнію *Варшавскаго* губернскаго комитета,—необходимое условіе для того, чтобы удобренія эти могли оплачиваться и примѣняться въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

„Правительство освободило отъ ввозной пошлины тѣ минеральные туки, которые у насъ не производятся, какъ то калійныя соли, чилійская селитра, Такъ какъ для хозяйства Варшавской и многихъ другихъ губерній весьма цѣннымъ и очень полезнымъ искусственнымъ удобреніемъ является *томасова мука* (фосфорно-кислое удобреніе, производимое лишь въ весьма ограниченныхъ количествахъ на двухъ заводахъ въ—Таганрогѣ и въ Маріуполѣ) и такъ какъ вслѣдствіе означенныхъ свойствъ здѣшнихъ желѣзныхъ рудъ нельзя расчи-

тывать на увеличеніе этого производства и всегда придется пользоваться привозимой изъ за границы томасовой мукой, то весьма желательно, чтобы это удобреніе (томасовый шлакъ) подобно калійнымъ солямъ было совершенно освобождено отъ пошлины. Что же касается *суперфосфата*, другого фосфорнаго удобренія, примѣняемаго у насъ въ довольно значительныхъ количествахъ, то желательно было бы, чтобы пошлина на суперфосфаты была значительно понижена. Это повлечетъ за собою болѣе широкое примѣненіе этого цѣннаго удобренія".

Аналогичное заявленіе сдѣлано было и еще многими комитетами не только западной полосы, гдѣ примѣненіе искусственныхъ удобреній распространено относительно болѣе — но и другихъ районовъ земской и не земской Россіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пожеланія комитетовъ имѣли въ виду пониженіе пошлинъ на искусственные туки и ихъ составныя части: чаще, однако, постановленія комитетовъ высказываются за необходимость полной *отмѣны* этихъ пошлинъ [1]).

Высказывая пожеланія объ отмѣнѣ или пониженіи выкупныхъ платежей и цѣлаго ряда косвенныхъ налоговъ [2]), комитеты не могли не встрѣтиться съ вопросомъ о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ могутъ быть возмѣщены неизбѣжныя потери фиска по крупнымъ статьямъ его доходнаго бюджета. Такой источникъ комитеты находили въ установленіи *общаго подоходнаго налога.*

Лучшимъ объектомъ обложенія (для покрытія дефицита,

---

[1]) Мы не имѣемъ сейчасъ въ своемъ распоряженіи данныхъ для полнаго подсчета числа ходатайствъ о разнаго рода облегченіяхъ по ввозу сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, металловъ и удобрительныхъ туковъ. Но несомнѣнно число комитетовъ высказавшихся въ этомъ направленіи очень велико. Въ данную минуту у насъ подъ руками имѣются постановленія 100 комитетовъ (34 губерній), въ которыхъ, между прочимъ, идетъ рѣчь о с. х. машинахъ, металлахъ или тукахъ. Изъ этихъ 100 комитетовъ объ облегченіи ввоза с. х. машинъ говорятъ 88; причемъ 39 постановленій требуютъ категорически сложенія пошлинъ, 14 — сложенія или пониженія и 35—ограничивается пожеланіемъ пониженія пошлинъ, въ томъ или иномъ размѣрѣ. Постановленій, касающихся пошлинъ на металлы, насчитывается 43; 13 говорятъ о необходимости сложенія этихъ пошлинъ, 7—сложенія или пониженія и 23 пониженія. Пошлинъ на землеудобрительные туки коснулись постановленія 37 комитетовъ; въ 25 случаяхъ при этомъ высказывается пожеланіе ихъ сложенія, въ 7—сложенія, или ихъ пониженія и только въ 5—комитеты ограничиваются пожеланіями пониженія пошлинъ.

[2]) Кромѣ того, въ трудахъ комитетовъ мы находимъ указанія и относительно желательности уменьшенія нѣкоторыхъ другихъ казенныхъ платежей. Такъ, 5 комитетовъ высказались за отмѣну и 2—за пониженіе государственнаго поземельнаго налога; затѣмъ очень многіе комитеты находили необходимыми частичныя льготы по отношенію къ уплатѣ пошлинъ (главнымъ образомъ крѣпостныхъ и гербовыхъ) по разнымъ спеціальнымъ случаямъ и т. д. Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ затронутыхъ въ

имѣющаго образоваться отъ предположенныхъ комитетами податныхъ реформъ)—говоритъ *Лохвицкій* уѣздный комитетъ—былъ бы чистый доходъ.

„Подоходный налогъ существуетъ въ Англіи, Пруссіи и многихъ другихъ государствахъ. Достоинства его общеизвѣстны: наибольшая относительная равномѣрность, значительная растяжимость и т. д.; въ Россіи онъ, несомнѣнно, захватилъ бы весьма многихъ весьма состоятельныхъ лицъ, платящихъ государству весьма мало. При этомъ желательно, чтобы подоходный налогъ былъ прогрессивнымъ и чтобы доходъ до извѣстной не высокой нормы, т. наз. Existenzminimum, былъ бы вовсе освобожденъ отъ него".

„Въ Пруссіи — читаемъ мы далѣе въ запискѣ редакціонной комиссіи *Лохвицкаго* комитета—съ ея всего 30-милліоннымъ населеніемъ и со сравнительно высокою нормою Existenzminimum'а (900 марокъ), освобождающей отъ налога 75% лицъ съ самостоятельнымъ доходомъ, этотъ налогъ давалъ въ 1892—93 г. 47 милл. марокъ при неособенно высокой нормѣ обложенія (отъ 0,66 до 4%); въ Англіи при еще болѣе высокой нормѣ Existenzminimum'а онъ даетъ еще гораздо больше. Конечно, средняя доходность русскаго обывателя ниже, чѣмъ таковая же у пруссака или англичанина, но народонаселеніе, превышающее народонаселеніе Пруссіи болѣе, чѣмъ въ 4 раза, можетъ дать абсолютную цифру дохода фиска отъ подоходнаго налога, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе значительную, чѣмъ та, которую получаетъ Пруссія. Что же касается трудности самого введенія налога, вслѣдствіе: во 1-хъ, необходимости значительной работы для первоначальной оцѣнки доходности лицъ, подлежащихъ подоходному обложенію, во 2-хъ, вслѣдствіе естественнаго сопротивленія при уплатѣ совершенно новаго налога, къ которому не привыкло еще населеніе то какъ она ни велика, преувеличивать ее не слѣдуетъ. Опытъ западно-европейскихъ странъ показываетъ, что справиться съ этою трудностью вполнѣ возможно, и она очень быстро окупится съ лихвой какъ въ матеріальномъ смыслѣ такъ и въ нравственномъ, создавъ справедливое и равномѣрное обложеніе".

Однородныя соображенія мы встрѣчаемъ и въ рядѣ другихъ комитетовъ. Прямое подоходное обложеніе, распространяющееся уравнительно на всѣ классы населенія и на всѣ виды доходовъ должно быть безусловно предпочтено теперешней системѣ, при которой бремя налоговъ лежитъ почти всецѣло на земледѣліи и притомъ всего тяжелѣе давитъ на наиболѣе недостаточныя группы сельскаго населенія. „Необходимо—говоритъ *Клинскій* уѣздный комитетъ Московской губерніи—установить систему налоговъ, основанную на распредѣленіи ихъ на всѣ классы населенія, сообразно ихъ доходовъ, съ перенесеніемъ центра тяжести нынѣ дѣйствующей системы косвенныхъ налоговъ на прямые. Такая система обложенія давно признана лучшею въ финансовой наукѣ. Введеніе подобнаго налога неоднократно подготовлялось нашимъ министерствомъ финансовъ и въ

указаныхъ постановленіяхъ комитетовъ вопросовъ. Но во всякомъ случаѣ, значеніе ихъ и для народнаго хозяйства, и для интересовъ фиска не такъ существенно, какъ значеніе косвенныхъ налоговъ и выкупныхъ платежей.

послѣдній разъ, при покойномъ министрѣ Бунге, едва не получило осуществленія". Самымъ кореннымъ улучшеніемъ сельскохозяйственной промышленности и „избавленіемъ ея отъ грядущихъ бѣдъ, которыя могутъ произойти отъ тяжелаго экономическаго кризиса, переживаемаго всѣмъ земледѣльческимъ и землевладѣльческимъ населеніемъ,—говорится въ запискѣ предсѣдателя *Нижегородской* у. земской управы А. А. Остафьева—должно быть введеніе во всей Россіи прогрессивнаго подоходнаго налога, для уравненія платежной способности населенія, чтобы всѣ классы одинаково и пропорціонально несли расходы по всѣмъ государственнымъ и общественнымъ нуждамъ и потребностямъ. Введеніе подоходнаго налога увеличитъ государственные доходы и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ возможность общественнымъ учрежденіямъ съ большей пользой и свободой производить необходимые и обязательные расходы на пользы и нужды населенія, не отягощая, какъ теперь, платежной способности крестьянскаго земледѣльческаго населенія и другихъ сословій". „Въ видахъ болѣе равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія обложенія между разными группами населенія — говорится въ постановленіяхъ *Весьегонскаго* у. комитета Тверской губ.—соразмѣрно съ ихъ платежными способностями необходимо ввести подоходный налогъ". Преніями въ комитетѣ установлено—читаемъ мы въ журналахъ *Пермскаго* уѣзднаго комитета—что „прогрессивное подоходное обложеніе является одной изъ благодѣтельныхъ мѣръ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, а потому и признано было необходимымъ ходатайствовать о введеніи системы прогрессивнаго подоходнаго налога". „Косвенные налоги говоритъ въ постановленіи своемъ *Новгородскій* губернскій комитетъ—какъ то: таможенныя пошлины и акцизы, касающіеся массового потребленія, весьма тяжело ложатся на населеніе; желательно, чтобы эти налоги или часть этихъ налоговъ была переведена на подоходный налогъ" и т. д.

Въ нѣкоторыхъ комитетахъ при сужденіяхъ о подоходномъ налогѣ особенно подчеркивалась необходимость привлеченія къ большему, чѣмъ теперь, участію въ несеніи налоговой тяжести обрабатывающей промышленности. Порой этотъ мотивъ выставлялся какъ главнѣйшее основаніе для введенія подоходнаго обложенія. „Въ интересахъ поднятія сельско-хозяйственной промышленности—читаемъ мы въ докладѣ *Рузскому* у. комитету Московской губ. предсѣдателя Рузской у. земской управы — „нужно перейти отъ системы косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости къ системѣ налоговъ прямыхъ, *перенеся центръ*

тяжести обложенія, въ видѣ подоходнаго налога, *съ промышленности сельскохозяйственной на промышленность обрабатывающую*,— на предпріятія и торговлю"; *Волоколамскій* уѣздный комитетъ признавалъ необходимымъ „уменьшеніе бремени государственныхъ налоговъ, падающихъ нынѣ на сельское хозяйство, путемъ *болѣе широкаго привлеченія къ отбыванію ихъ торгово-промышленныхъ предпріятій*, т. е. измѣненіе существующей финансово-экономической политики государства переходомъ отъ системы прямого и косвеннаго обложенія къ прогрессивно-подоходному налогу". *Юрьевскій* у. комитетъ Владимірской губ.—введеніе прогрессивно-подоходнаго налога мотивируетъ необходимостью перенесенія „налоговаго бремени (прямого и косвеннаго), лежащаго сейчасъ всецѣло на землѣ, на другіе объекты доходности"; настоящая система нашей внутренней политики, „направленная къ искусственному покровительству заводско-фабричной промышленности въ явный ущербъ сельскому хозяйству и сельско-хозяйственнымъ производствамъ", по мнѣнію комитета, представляетъ собою бичъ земледѣлія" [1]). Въ большинствѣ случаевъ, однако, на первый планъ въ заключеніяхъ комитетовъ о подоходномъ налогѣ выдвигается необходимость уравненія налоговой тягости не между различными *отраслями промышленности*, а между разными *группами плательщиковъ* и главнымъ образомъ облегченія податнаго бремени недостаточныхъ слоевъ населенія. Въ этихъ видахъ нѣсколькими комитетами опредѣленно указывается на необходимость установленія извѣстной низшей нормы дохода, подлежащаго налогу, съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ обложенія всѣхъ лицъ, доходы которыхъ не достигаютъ этой нормы.

Часть комитетовъ, высказавшихся за введеніе подоходнаго налога, находила при этомъ необходимымъ и установленіе *прогрессивности* обложенія, другіе — настаивали только на началѣ *подоходности*, не касаясь вовсе вопроса о томъ, долженъ ли быть проектируемый налогъ пропорціональнымъ или прогрессивнымъ [2]).

---

[1]) Нельзя не отмѣтить извѣстнаго внутренняго противорѣчія между этими заключеніями о необходимости перенесенія центра тяжести налоговой системы на обрабатывающую промышленность и утвержденіями объ искусственности существованія этой промышленности, поддерживаемой на бюджетныя средства. Трудно въ одно и то же время и существовать на счетъ государства и выносить на себѣ главную его тяжесть.

[2]) Дебаты по этому послѣднему вопросу имѣли мѣсто едва ли не въ одномъ только *Гайсинскомъ* комитетѣ Подольской губ.; причемъ, въ результатѣ ихъ, комитетъ высказался за пропорціональность обложенія.

Вообще заявленія комитетовъ относительно подоходнаго налога носятъ на себѣ очень общій, принципіальный характеръ; въ обсужденіе конкретныхъ подробностей установленія общаго подоходнаго налога комитеты не входили совсѣмъ, и всѣ отдѣльныя замѣчанія, касающіяся этихъ подробностей, имѣютъ поэтому совершенно случайный характеръ.

Вопросъ о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ могутъ быть покрыты потери фиска отъ уменьшенія или отмѣны разныхъ видовъ обложенія, на отяготительность которыхъ указываютъ комитеты—читаемъ мы въ журналѣ *Лохвицкаго* у. комитета—представляетъ огромную важность и сложность. Онъ долженъ поэтому трактоваться или очень подробно или въ самой общей формѣ. Комитетъ согласился съ мнѣніемъ докладчика по данному вопросу (М. И. Туганъ-Барановскаго), находившаго, что долженъ быть предпочтенъ второй путь; что слѣдуетъ лишь указать ту дверь, которая должна быть открыта.

„Правительство тоже разрабатывало этотъ вопросъ, по которому существуетъ уже цѣлая литература и были моменты, когда мы были недалеки отъ его практическаго рѣшенія; но затѣмъ онъ опять отодвигался вдаль. Несмотря на это,—замѣчаетъ г. Туганъ-Барановскій,—мы остаемся по прежнему съ закрытыми глазами на этотъ вопросъ и заранѣе извѣстно, что не были бы въ силахъ дать достаточныя разъясненія. Приходится поэтому брать его только въ сыромъ видѣ и рѣшать въ самой общей формѣ: желателенъ ли подоходный прогрессивный налогъ, который охватывалъ бы всякіе виды имущества, приносящаго доходъ, всякія профессіи, оплачиваемыя не ниже извѣстнаго уровня“.

Точно также, повидимому, ставился этотъ вопросъ и въ остальныхъ комитетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ шли еще дальше въ его обобщеніи и, какъ мы видѣли, говорили просто о *подоходномъ* налогѣ, не останавливаясь и на вопросѣ о прогрессивной или пропорціональной его формѣ.

Постановленія о желательности введенія общаго подоходнаго налога мы находимъ въ журналахъ 55 мѣстныхъ комитетовъ; причемъ 2 комитета (Гайсинскій Подольской губ. и Данковскій—Рязанской) высказались за *пропорціональный* подоходный налогъ; въ постановленіяхъ 21 комитета [1]) говорится просто о *подоходномъ* налогѣ, безъ опредѣленія пропорціональной или про-

[1]) Дриссенскаго (Витебск.), Никольскаго (Волог.), Костромскаго у. и Буйскаго (Костр.), Курскаго у., Коломенскаго, Рузскаго и Клинскаго (Моск.), Тихвинскаго и Череповецкаго (Новг.), Кобелякскаго (Полт.), Балашовскаго (Сарат.), Борисоглѣбскаго, Тамбовскаго у. и Темниковскаго (Тамб.), Весьегонскаго (Тверск.), Бѣлевскаго и Епифанскаго (Тульской), Стерлитамакскаго (Уфимск.), Тираспольскаго (Херс.) и Городнянскаго (Черниговк.).

грессивной его формы и 22 комитета [1]) высказываютъ пожеланія о введеніи налога *прогрессивно-поодходнаго*. Изъ числа этихъ послѣднихъ 22 комитетовъ 3—Малмыжскій, Самарскій уѣздный и Дорогобужскій [2])—считаютъ желательною формою обложенія *единый* прогрессивно-подоходный налогъ, замѣняющій всѣ остальные налоги; другіе 19—разсматриваютъ этотъ налогъ какъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ общей налоговой системы.

V.

Вліяніе государственнаго хозяйства на экономическую жизнь страны не исчерпывается, конечно, одною дѣятельностью налоговаго аппарата, направленнаго на постоянное перемѣщеніе извѣстной части производимыхъ народнымъ трудомъ цѣнностей въ государственныя кассы. Государство не только собираетъ средства, но и тратитъ ихъ. Деньги, полученныя путемъ налоговъ, только проходятъ чрезъ государственное казначейство и, за исключеніемъ той ихъ части, которая уплачивается заграничнымъ кредиторамъ казны—опять возвращаются населенію, въ формѣ государственныхъ расходовъ. Но возвращаются уже не тѣмъ лицамъ и не тѣмъ группамъ населенія, отъ которыхъ были взяты. Государство является въ данномъ случаѣ огромнымъ перераспредѣляющимъ механизмомъ, берущимъ отъ однихъ и передающимъ другимъ. При крупныхъ размѣрахъ государственнаго бюджета эта его перераспредѣляющая роль сама по себѣ, независимо отъ назначенія государственныхъ расходовъ, пріобрѣтаетъ большое значеніе въ общемъ процессѣ размѣщенія покупательныхъ силъ среди разныхъ группъ и классовъ населенія. Но государство вѣдь не просто раздаетъ свои деньги: оно оплачиваетъ ими тѣ или другія, реальныя или условныя, услуги или

---

[1]) Юрьевскій (Владим.), Грязовецкій (Волог.), Воронежскій у., Орловскій и Яранскій (Вятск.), Новомосковскій (Екатерин.), Костромской губ. и Ветлужскій (Костромск.), Нижегородскій у. и Семеновскій (Нижегор.), Новгородскій губ. и Боровичскій (Новгор.), Орловскій губ., Орловскій у. и Елецкій (Орловск.) Пермскій у. и Осинскій (Пермск.), Полтавскій у. и Лохвицкій (Полтавской), Ардатовскій (Симб.) и Шацкій (Тамб.).

[2]) Самарскій комитетъ считаетъ при этомъ необходимымъ участіе земства въ распредѣленіи налога, а Дорогобужскій—въ распредѣленіи и взиманіи.

цѣнности, имъ пріобрѣтаемыя. Затрачивая бюджетныя средства, государство проводитъ въ движеніе извѣстную массу труда— большую или меньшую, въ зависимости отъ размѣровъ бюджета. Для хозяйства страны имѣетъ существенную важность, на что именно направленъ этотъ трудъ. Онъ можетъ быть растраченъ совершенно непроизводительно на удовлетвореніе разныхъ искусственно выросшихъ потребностей, не имѣющихъ ничего общаго съ народнымъ благосостояніемъ и, наоборотъ, результатомъ его можетъ быть созданіе нематеріальныхъ или матеріальныхъ цѣнностей огромнаго значенія для всей народной жизни Направленіемъ своего расходнаго бюджета государство можетъ ослабить и нейтрализовать тяжесть своей налоговой системы и можетъ, наоборотъ, значительно ее усугубить. При извѣстныхъ условіяхъ именно въ расходной сторонѣ бюджета помѣщается центръ тяжести всей финансовой проблемы. Когда экономически слабая страна должна поддерживать переросшее ея силы государство, бремя государственнаго бюджета по необходимости лежитъ на плечахъ народной массы; налоговая система не можетъ быть построена раціонально. И только тѣмъ, что государство *даетъ* массѣ населенія, можетъ быть до извѣстной степени уравновѣшено хищническое, по существу, направленіе его фискальнаго хозяйства.

Наконецъ, чѣмъ болѣе растетъ и развивается государственный механизмъ, чѣмъ тѣснѣе переплетается его дѣятельность съ разными развѣтвленіями народно-хозяйственной жизни страны, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ еще одна, такъ сказать, формальная сторона общей финансовой проблемы,—вопросы финансоваго управленія въ широкомъ смыслѣ. Источники, изъ которыхъ черпаетъ свои средства фискъ, во всякомъ случаѣ не безграничны; та часть народнаго труда, которая путемъ государственнаго хозяйства обращается на удовлетвореніе потребностей государства, отвлекается отъ другого назначенія. Въ результатѣ этого отвлеченія нѣкоторыя потребности народнаго хозяйства остаются неудовлетворенными или удовлетворяются въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ это имѣло бы мѣсто, если бы фискъ не выдвигалъ своихъ требованій. При естественной склонности каждой потребности къ непрерывному расширенію и развитію легко можетъ случиться, что требованія фиска, не встрѣчая какихъ либо сдерживающихъ вліяній, будутъ расти несоразмѣрно съ ростомъ источниковъ для ихъ удовлетвореній и равновѣсіе между интересами государства и народнаго хозяйства будетъ рѣзко нарушено. Необходимъ, значитъ, извѣстный регулирующій аппа-

ратъ, который поддерживалъ бы это равновѣсіе и устранялъ могущія разрушить его коллизіи. Такія коллизіи возможны не только въ случаѣ чрезмѣрнаго разростанія собственно государственныхъ требованій. Онѣ могутъ имѣть своимъ источникомъ и одностороннее направленіе распредѣлительныхъ функцій государственнаго бюджета: воздѣйствіемъ государственнаго механизма равновѣсіе можетъ быть нарушено не только между интересами фиска и интересами народнаго хозяйства, но и между интересами различныхъ хозяйственныхъ группъ населенія. Государство можетъ давить на хозяйственную жизнь страны какъ непомѣрностью своего податнаго тягла, такъ и одностороннею, прямою или косвенною, поддержкою однѣхъ группъ хозяйственныхъ интересовъ въ ущербъ и за счетъ другихъ. И чѣмъ сложнѣе хозяйственная жизнь, тѣмъ большее значеніе можетъ пріобрѣсть эта соціально-политическая сторона воздѣйствія государства на ходъ ея развитія. Все это вмѣстѣ придаетъ капитальную важность вопросу о такой организаціи финансоваго управленія, которая гарантировала бы согласное съ интересами народнаго хозяйства направленіе финансовой дѣятельности государства. Въ критическія эпохи, когда государственная и общественная жизнь страны переходитъ изъ одной фазы развитія въ другую, эта задача пріобрѣтаетъ особо настоятельный характеръ.

Мѣстные комитеты остановились съ большею относительно подробностью только на одной сторонѣ финансовой проблемы—на вопросахъ налоговой системы. Выше мы старались передать существенныя черты заключеній, высказанныхъ въ комитетахъ по этимъ вопросамъ. Сужденія, затрогивающія другіе вопросы государственнаго хозяйства, встрѣчаются въ меньшемъ числѣ комитетовъ и заключенія комитетовъ отличаются здѣсь меньшей конкретностью и законченностью, чѣмъ въ вопросахъ обложенія. Это, впрочемъ, вполнѣ понятно. Кругъ предметовъ, обсужденіе которыхъ было доступно комитетамъ, не долженъ былъ выступать за ту черту, гдѣ начинается область вопросовъ „общегосударственныхъ“. Между тѣмъ въ вопросахъ бюджетныхъ, въ сужденіяхъ о томъ употребленіи, которое дается государствомъ народнымъ средствамъ и народному труду, приводимому въ движеніе механизмомъ государственнаго хозяйства и еще болѣе при анализѣ организаціонныхъ вопросовъ государственно-хозяйственной жизни,—политика такъ тѣсно переплетается со экономикой, что во многихъ случаяхъ очень мудрено не перейти заповѣдной черты. Отъ этого мы и встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ такъ

много недоговореннаго и такъ многое остается и совсѣмъ незатронутымъ.

Въ сущности, помимо вопросовъ обложенія, только одна группа вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ финансовому хозяйству государства, получила болѣе или менѣе опредѣленное освѣщеніе въ работахъ комитетовъ. Это именно вопросы объ отношеніи государства къ обрабатывающей промышленности и къ земледѣлію. Объ одностороннемъ покровительствѣ государства обрабатывающей промышленности въ ущербъ сельскому хозяйству говорятъ очень многіе комитеты. Въ этомъ покровительствѣ, въ стремленіи искусственно насадить и поддержать на государственныя средства крупную фабрично-заводскую промышленность комитеты склонны видѣть основную черту, главный нервъ всей финансово-экономической политики послѣдняго времени и если не главную то одну изъ самыхъ существенныхъ причинъ того кризиса, который переживается въ настоящее время деревнею. „Изъ многихъ противорѣчій, которыми такъ богатъ современный намъ капиталистическій строй, съ особенною рѣзкостью и въ особенности у насъ—читаемъ мы въ трудахъ *Тихвинскаго* у. комитета—выдается значительная разница между интересами той части населенія, которая живетъ доходами отъ сельскаго хозяйства и торгово-промышленныхъ классовъ, иначе говоря, между интересами города и деревни“. И вотъ одна изъ этихъ группъ антагонистическихъ интересовъ получаетъ могущественную поддержку со стороны самой крупной хозяйственной силы страны—государства, „вся финансовая политика котораго направлена на искусственное насажденіе и поддержаніе обрабатывающей фабрично-заводской промышленности“ (*Борисоглѣбскій* у. комитетъ). Естественнымъ послѣдствіемъ этого должно было явиться „колосальное нарушеніе равновѣсія“ между обѣими главными отраслями народнаго хозяйства—земледѣліемъ и обрабатывающею промышленностью (*Гжатскій* у. комитетъ) и то угнетенное положеніе деревни, которое мы видимъ теперь.

Въ крупныхъ частяхъ общая схема „распредѣлительной“ функціи государственнаго бюджета, направленной на поддержаніе обрабатывающей промышленности на счетъ земледѣлія, рисуется, на основаніи сужденій комитетовъ, затронувшихъ этотъ вопросъ, въ такомъ видѣ.

Государственное хозяйство есть громадный насосъ, ежегодно стягивающій въ государственную кассу львиную долю результатовъ годового народнаго труда. Изъ этихъ средствъ только очень малая доля возвращается государствомъ прямымъ платель-

щикамъ; они тратятся въ наибольшей части не тамъ, гдѣ были собраны, и на потребности не тѣхъ группъ населенія, отъ которыхъ были взяты. Главнымъ плательщикомъ въ государственную казну являются земледѣльческіе классы, главнымъ объектомъ государственнаго попеченія, на нужды котораго затрачивается въ той или иной формѣ значительная часть бюджетныхъ поступленій—служитъ крупная индустрія; территоріально—земледѣльческій центръ обезкровливается государствомъ, которое извлекаетъ изъ него деньги—налогами и путемъ частнаго хозяйства казны—и только очень незначительную часть ихъ тратятъ на мѣстѣ; наоборотъ, на окраинахъ государство тратитъ болѣе, чѣмъ получаетъ. Такимъ образомъ при помощи государства окраины богатѣютъ на счетъ центра и торгово-промышленные классы на счетъ земледѣльческихъ. Эти послѣдніе являются обдѣленными во всѣхъ отношеніяхъ: покупательныя ихъ силы ослабляются налоговымъ бременемъ абсолютно и государственнымъ покровительствомъ антагоностическихъ имъ хозяйственныхъ группъ относительно; рядомъ съ этимъ, на интересахъ сельскаго хозяйства отзываются вредно и по существу своему тѣ покровительственныя мѣры, которыя принимаетъ государство для поддержки, за его счетъ, обработывающей промышленности.

Отдѣльныя части намѣченной общей схемы въ трудахъ различныхъ комитетовъ развиваются въ такомъ видѣ.

Главнымъ орудіемъ въ процессѣ стягиванія народныхъ средствъ въ государственную кассу служитъ система налоговъ. Мы уже знакомы съ основными ея чертами, какъ онѣ обрисовываются въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Центръ тяжести этой системы составляютъ *косвенные налоги* на предметы необходимаго потребленія. Несутъ ихъ главнымъ образомъ народныя массы и на первомъ планѣ—крестьянство, какъ преобладающая по численности группа населенія страны. Скудный крестьянскій доходъ является основнымъ источникомъ средствъ, стекающихся въ государственное казначейство. Какимъ бременемъ ложится государственное тягло на массы крестьянскаго населенія, можно судить уже по тѣмъ цифровымъ расчетамъ, которые приведены были выше. Оно поглощаетъ, въ видѣ налоговъ разнаго рода, значительную долю всего крайне невысокаго дохода отъ земледѣльческаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ покровительственныя пошлины на желѣзо и земледѣльческія орудія ставятъ преграду развитію этого производства и повышенію дохода, имъ приносимаго.

Крайнее напряженіе платежныхъ средствъ населенія выра-

жается накопленіемъ крупныхъ недоимокъ, слабымъ развитіемъ потребленія и т. д. Но это не останавливаетъ требованій фиска; они идутъ даже далѣе тѣхъ предѣловъ, которые необходимы для удовлетворенія текущихъ потребностей государства. Какъ извѣстно, за цѣлый рядъ лѣтъ доходный бюджетъ государства значительно превышаетъ расходный. Государственное казначейство *накапливаетъ* средства; оно требуетъ отъ страны тяжелыхъ жертвъ ради этого накопленія, ради образованія „свободной наличности", усиливающей могущество фиска и ослабляющей и безъ того истощенныя платежами силы страны. (*Симбирская* губ. упр., *Тихвинскій* у. ком.).

Но въ рукахъ государства помимо налога есть и другое орудіе для концентраціи народныхъ доходовъ. Этимъ орудіемъ является государственная *монополизація* нѣкоторыхъ отраслей хозяйства, развитіе частнаго хозяйства казны. Въ послѣднее время эта система государственныхъ монополій, на ряду съ системой косвеннаго обложенія, является однимъ изъ основныхъ столповъ финансовой политики. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ монополіи *винная*, приносящая крупный доходъ казнѣ,—доходъ, опять таки оплачиваемый главнымъ образомъ массою земледѣльческаго населенія. Еще болѣе крупнымъ по размѣрамъ своихъ оборотовъ хозяйственнымъ предпріятіемъ являются *желѣзныя дороги,* сооружаемыя и эксплуатируемыя государствомъ. Въ окончательномъ счетѣ желѣзнодорожное хозяйство до сихъ поръ составляетъ болѣе предметъ расхода, нежели источникъ приращенія государственныхъ средствъ, но во всякомъ случаѣ, благодаря оборотамъ этого хозяйства, чрезъ государственныя кассы проходятъ громадныя суммы въ видѣ разнаго рода поступленій, связанныхъ съ передвиженіемъ массы товаровъ и пассажировъ, перевозимыхъ казенными желѣзными дорогами. Кромѣ питейной монополіи и желѣзнодорожной сѣти существуетъ и еще цѣлый рядъ другихъ казенныхъ предпріятій, регалій и монополій. Въ общей суммѣ они даютъ значительную долю бюджетныхъ поступленій и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекаютъ изъ народной среды громадныя оборотныя средства, сосредоточивая ихъ въ правительственныхъ кассахъ (*Смоленскій* губ. комитетъ).

Наконецъ, роль спеціальнаго насоса, выкачивающаго изъ народнаго обращенія даже и мелкія сбереженія и опять таки сосредоточивающаго ихъ въ рукахъ государства, несомнѣнно принадлежитъ *государственной сберегательной кассѣ*. Какъ извѣстно, въ задачи этой кассы не входитъ развитіе на счетъ мѣстныхъ вкладовъ кредитныхъ операцій на мѣстахъ же. Ея

политика „направлена на собираніе всѣхъ самыхъ мелкихъ суммъ, прежде свободно обращавшихся среди населенія, въ административный центръ". Здѣсь они идутъ главнымъ образомъ на покупку процентныхъ бумагъ, выпускаемыхъ государствомъ или частными коммерческими предпріятіями, и, вообще на нужды, ничего общаго не имѣющія съ интересами тѣхъ группъ мѣстнаго населенія, изъ вкладовъ которыхъ составляются капиталы сберегательныхъ кассъ (*Борисоглѣбскій* у., *Симбирскій* губ. ком.).

Наибольшая часть притекающихъ этими каналами въ распоряженіе государства денегъ идетъ отъ сельскаго населенія, отъ заработковъ земледѣльческаго труда. Но обратное теченіе, изъ государственной кассы въ народъ, направляется другими каналами. Деревнѣ достаются только скудныя крохи. На нужды земледѣлія тратится ничтожная часть государственнаго бюджета. Совершенно въ иномъ положеніи находится другая отрасль народнаго хозяйства—промышленность обработывающая. Всѣ „производительныя" затраты государственнаго бюджета на предметы, выходящіе изъ круга непосредственныхъ потребностей самого государства, направлены прямо или косвенно на поддержку этой промышленности. Ея укрѣпленіе и развитіе является центральнымъ пунктомъ всѣхъ заботъ государства въ сферѣ его экономической политики.

Формы государственнаго покровительства крупной индустріи крайне разнообразны. Главнѣйшею между ними является таможенное покровительство. Мы уже видѣли, что путемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ государство налагаетъ на широкіе круги населенія дань въ пользу крупной промышленности. Но помимо этого, поддержка государства выражается и прямыми затратами ея бюджетныхъ суммъ для воспособленія промышленныхъ предпріятій системою казенныхъ заказовъ, нерѣдко на крайне убыточныхъ для государственнаго казначейства условіяхъ, услугами государственнаго кредита для снабженія промышленности оборотными средствами, реализаціи ихъ капиталовъ, поддержки падающихъ бумагъ (эту функцію между прочимъ выполняютъ капиталы сберегательной кассы) и т. д. Наконецъ, главнымъ образомъ въ видахъ развитія промышленности ведется и желѣзнодорожное хозяйство казны. Паровой транспортъ вообще является могущественнымъ орудіемъ для развитія крупнаго производства и для перестройки экономическихъ отношеній по капиталистическому типу. Во второмъ періодѣ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства сооруженіе желѣзныхъ

дорогъ было особенно тѣсно связано съ протекціонною таможенною политикою. Главнымъ объектомъ государственнаго покровительства въ этомъ періодѣ является, какъ извѣстно, желѣзодѣлательная и частью добывающая (каменно-угольная) промышленность. За отсутствіемъ естественныхъ внутреннихъ рынковъ для форсируемаго производства этихъ привилегированныхъ отраслей промышленности государство оказалось вынужденнымъ создать для него искусственный рынокъ сбыта. Такимъ рынкомъ и являются желѣзныя дороги. Казенными заказами для строительныхъ надобностей и оборудованія желѣзныхъ дорогъ поддерживается искусственно искусственно же выросшая металлургическая промышленность заводскаго юга Россіи.

Помимо этой своей функціи желѣзнодорожное строительство преслѣдовало и другую задачу, тоже находящуюся въ связи съ протекціонною политикою — именно поддержаніе активнаго торговаго баланса. Эта задача диктовалась интересами денежной реформы, являвшейся, рядомъ съ насажденіемъ собственной обработывающей промышленности, центральнымъ пунктомъ экономической политики послѣдняго періода. Чтобы удержать въ странѣ золото, необходимъ благопріятный расчетный балансъ; достигнуть его для Россіи возможно только при помощи активнаго баланса внѣшней торговли, путемъ превышенія вывоза надъ ввозомъ товаровъ. Единственнымъ предметомъ русскаго вывоза служитъ сырье и на первомъ планѣ хлѣбъ. Орудіемъ усиленія хлѣбнаго вывоза и должны были служить желѣзныя дороги, соединяющія слабо населенныя окраины съ портами и другими пунктами экспорта. Форсированный хлѣбный вывозъ долженъ былъ и оплатить дорогой вслѣдствіе высокаго обложенія ввозимыхъ заграничныхъ товаровъ импортъ, и заполнить недочеты расчетнаго баланса, обусловленныя громадною внѣшнею задолженностью государства, которая и сама, въ свою очередь, въ значительной мѣрѣ вызвана была желѣзнодорожнымъ строительствомъ и накопленіемъ металлическаго запаса для осуществленія денежной реформы. Получался нѣкоторый заколдованный кругъ, отдѣльныя части котораго взаимно обусловливали другъ друга.

Для земледѣлія вся эта цѣпь мѣропріятій, покровительствующихъ промышленному развитію, создавала двойную тяготу. Мы уже видѣли выше, какъ тяжело отзываются на интересахъ сельскаго хозяйства высокія покровительственныя пошлины, поражающія и личное, и производственное потребленіе земледѣльческихъ классовъ населенія. Но таможенный протекціонизмъ

не только увеличиваетъ расходы сельскаго хозяйства, а въ тоже время уменьшаетъ и его приходы.

Въ международномъ обмѣнѣ вывозъ и ввозъ находятся во взаимной зависимости одинъ отъ другого, искусственное сокращеніе нашего ввоза не могло не повліять и на пониженіе вывоза. Затѣмъ, обложеніе пошлинами заграничныхъ предметовъ фабричнаго производства вызвало наложеніе пошлинъ на нашъ хлѣбъ, что повело къ пониженію цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ. Еще въ большей степени повліяло на такое пониженіе усиленное привлеченіе на рынки сбыта хлѣба изъ далекихъ окраинныхъ районовъ. Ради такого привлеченія введены дифференціальные тарифы, нейтрализующіе разницу въ разстояніяхъ для цѣны сбываемаго хлѣба, строились желѣзныя дороги, спеціально предназначенныя для цѣлей экспорта и т. д. Такія мѣры вызвали усиленную распашку земель въ Юго-Восточной Россіи и Сибири, спѣшно переходившихъ отъ скотоводства къ земледѣлію, и создали, такъ сказать, внутреннюю Америку, уронившую хлѣбныя цѣны. Независимо сего, на пониженіе цѣнъ не могло не оказать вліянія и массовое выбрасываніе хлѣба на внѣшній рынокъ. „За восемь лѣтъ, съ 1884 по 1893 годъ — читаемъ мы въ докладѣ финансовой коммисіи *Елецкаго* уѣзднаго комитета,

„Россія вывезла 2.985.500,000 пуд. хлѣба на сумму 2.445.400,000 рублей, въ среднемъ за пудъ по 81,8 коп. Въ слѣдующее восьмилѣтіе—съ 1893 по 1901 годъ—вывезено отъ насъ 3.929.800,000 пудовъ хлѣба на сумму 2.678.900,000 руб., а въ среднемъ по 65,6 коп. за пудъ. Такимъ образомъ за послѣднее восьмилѣтіе, когда нашъ вывозъ, дойдя до максимальнаго размѣра, сталъ падать, мы въ погонѣ за деньгами вывезли болѣе на 944,3 милл. пуд., почти на милліардъ, денегъ же выручили лишь на 233,5 мил. рубл. болѣе, т. е. вывозъ увеличенъ на 31,6%, а выручка за него денегъ увеличилась лишь на 9,5%".

Все это было нужно для того, что держать нашъ торговый балансъ на необходимомъ уровнѣ, но для сельскаго хозяйства и для общаго благосостоянія земледѣльческихъ классовъ форсированіе хлѣбнаго экспорта даетъ только одинъ проигрышъ. „Увеличеніе предложенія нашего хлѣба на европейскихъ рынкахъ неуклонно влечетъ за собою его удешевленіе, а распашка огромныхъ лежавшихъ прежде подъ пастбищами участковъ, ставшая возможной, благодаря дифференціальнымъ тарифамъ, убиваетъ земледѣліе центральнаго района, для котораго оно составляетъ единственную основу благосостоянія". Нельзя, наконецъ, не принять при этомъ во вниманіе, что форсированный вывозъ захватываетъ не излишки только продукта, а и то, что необходимо для самой страны. „Хлѣбный экспортъ—замѣчаетъ Елецкій

комитетъ—могъ бы быть явленіемъ положительнымъ съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, если бы вывозился и вообще продавался дѣйствительно избытокъ хлѣба. На дѣлѣ не такъ: то, что крестьянинъ вывозитъ на базаръ, оторвано имъ отъ собственнаго питанія и отъ питанія лошади съ единственной цѣлью—уплатить подати"... Переполненіе хлѣбнаго рынка и хлѣбныя залежи на желѣзныхъ дорогахъ свидѣтельствуютъ поэтому „не о богатствѣ страны, а о ея крайней бѣдности и истощенности".

Такимъ образомъ ни усиленное желѣзно-дорожное строительство, отразившееся на земледѣльческомъ хозяйствѣ почти исключительно громаднымъ увеличеніемъ хлѣбнаго вывоза, со всѣми его послѣдствіями, ни денежная реформа, еще болѣе затянувшая этотъ узелъ [1]), никакъ не могутъ разсматриваться какъ мѣропріятія, проведенныя въ интересахъ земледѣльческихъ классовъ. А между тѣмъ именно отъ этихъ классовъ осуществленіе этихъ мѣръ потребовало наиболѣе тяжелыхъ жертвъ. То чрезвычайное напряженіе платежныхъ силъ населенія, которое характеризуетъ бюджетную политику послѣдняго времени, вызвано было въ очень большой степени именно накопленіемъ золотого фонда и крупными желѣзно дорожными расходами. Какъ извѣстно при этомъ, желѣзныя дороги строятся теперь не на средства, полученныя путемъ займовъ, а въ значительной мѣрѣ на счетъ обыкновеннаго бюджета: на нужды желѣзно-дорожнаго строительства обращается главная доля бюджетныхъ остатковъ. Ради нихъ и накопляется та „свободная наличность", для образованія которой съ населе-

[1]) Мы старались воспроизвести здѣсь основную нить сужденій о направленіи финансовой политики, раздѣляемыхъ большинствомъ высказавшихся по этому предмету комитетовъ. Поэтому мы опускаемъ изложеніе замѣчаній о денежной реформѣ, дававшихся въ нѣкоторыхъ комитетахъ отдѣльными ихъ членами. По валютному вопросу вообще въ мѣстныхъ комитетахъ не сложилось опредѣленнаго господствующаго теченія. Въ Смоленскомъ губ. комитетѣ, напр., гдѣ этотъ вопросъ подвергнутъ былъ наиболѣе подробному обсужденію, въ результатѣ обсужденія сформулировано было 3 различныхъ заключенія, между которыми раздѣлились голоса членовъ комитета. Въ общемъ, однако, можно замѣтить, что скептическое отношеніе къ реформѣ встрѣчается чаще, нежели ея защита. Опредѣленныя *постановленія* по валютному вопросу состоялись въ немногихъ комитетахъ, причемъ только 1 комитетъ (Себежскій, Витебской губ.) высказался опредѣленно за переходъ къ серебряной валютѣ; 9 комитетовъ признавали желательнымъ пересмотръ вопроса о финансовой валютѣ и вообще денежной системы (Перекопскій у. комитетъ находитъ при этомъ необходимымъ чтобы пересмотръ этотъ произведенъ былъ въ комиссіи изъ компетентныхъ, лицъ при участіи выборныхъ представителей отъ сельскихъ хозяевъ); 6 комитетовъ, не затрогивая существа валютнаго вопроса, желали только замѣны рубля болѣе мелкой денежной единицей.

нія берется налогами гораздо болѣе того, сколько нужно государству для покрытія его текущихъ потребностей. А всю тяжесть налогового тягла выносятъ на себѣ почти исключительно земля и скудные заработки земледѣльческаго населенія.

Наконецъ, нѣкоторыми комитетами отмѣчается и еще одна сторона господствующей экономической политики, отягчающая земледѣльческую Россію. Территоріальное распредѣленіе государственныхъ затратъ далеко не совпадаетъ съ распредѣленіемъ поступленій въ государственную кассу. Это несовпаденіе создаетъ исключительныя выгоды однѣмъ мѣстностямъ и налагаетъ исключительныя тяготы на другія. Наиболѣе страдательная роль выпадаетъ при этомъ опять таки на долю земледѣльческаго центра. Систематически, изъ года въ годъ, съ населенія центральныхъ губерній берется налогами гораздо болѣе того, сколько тратится государствомъ въ тѣхъ же губерніяхъ. Расчетный балансъ центральнаго района, по оборотамъ государственнаго хозяйства, всегда пассивный—платежи превышаютъ полученія. Государство такимъ образомъ систематически вытягиваетъ изъ этого района денежныя средства, получаемыя населеніемъ отъ земледѣльческаго труда.

Такое обезкровленіе земледѣльческаго центра является существеннымъ результатомъ общаго направленія экономической политики государства. „Въ теченіе многихъ лѣтъ—говоритъ *Лубенскій* у. комитетъ Полтавской губ.—податное бремя неуклонно возрастаетъ внѣ зависимости отъ текущихъ потребностей государства

Налоги, взимаемые по преимуществу путемъ косвенныхъ обложеній, главною своею тяжестью ложатся на этотъ именно (центральный) густонаселенный районъ. Между тѣмъ собранныя такимъ образомъ деньги расходуются на постройку желѣзныхъ дорогъ и военныя надобности на окраинахъ и на насажденіе промышленности въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи. Такая система содѣйствуетъ оживленію окраинъ и промышленныхъ губерній, но въ то же время является причиной непрерывно пассивнаго баланса коренныхъ земледѣльческихъ районовъ и ихъ современнаго оскудѣнія. За послѣднія только пять лѣтъ [1]) бюджетные излишки достигли одного милліарда, а такъ какъ на окраинахъ государство тратитъ несравненно болѣе, чѣмъ получаетъ, то этотъ милліардъ, вмѣстѣ съ 900 милл. уплаченными за тотъ же періодъ въ видѣ процентовъ по заграничнымъ займамъ, слѣдуетъ считать собраннымъ съ населенія центра“.

Примѣрный балансъ приходовъ и расходовъ казны по одной изъ губерній черноземной полосы находимъ мы въ трудахъ *Воронежскаго* у. комитета. Въ 1901 году—говоритъ докладъ комиссіи этого комитета:

---

[1]) Работы Лубенскаго комитета относятся ко второй половинѣ 1902 г.

„ожидалось къ поступленію по (Воронежской) губерніи 18½ мил.р., а поступило въ дѣйствительности 17.533,617 р. и въ томъ числѣ 11 милл. р. по одному управленію неокладныхъ сборовъ, т. е. главнымъ образомъ обложенія на водку, сахаръ и табакъ. Между тѣмъ расходы изъ государственнаго казначейства по губерніи: по военному министерству, т. е. на войска, содержимые въ предѣлахъ губерніи, на учрежденія разныхъ министерствъ и на содержаніе ихъ личнаго состава равнялись только 7.374,373 р. или 42% взимаемыхъ въ губерніи налоговъ. Но и эта цифра въ сущности выше дѣйствительной, обычной. Дѣло въ томъ, что по одному министерству финансовъ израсходовано въ 1901 году 3.958,137 руб. или 53,7% всего расхода; но такъ какъ въ 1901 году вводилась винная монополія и производились эстраординарные расходы по сооруженію зданій и оборудованію дѣла, то, за выключеніемъ этихъ временныхъ расходовъ, дѣйствительные расходы по губерніи выразятся всего въ 25 или 27% получаемыхъ по губерніи платежей".

Въ совершенно иныхъ условіяхъ находятся окраинныя мѣстности. Здѣсь полученія отъ казны больше, чѣмъ платежи ей. На окраинахъ государства, какъ западныхъ, такъ за послѣднее время и крайнихъ восточныхъ [1]),—читаемъ мы въ запискѣ старицкаго землевладѣльца К. Ф. Головина, поданной въ *Тверской* губ. комитетъ [2]), расходы казны достигаютъ наибольшихъ размѣровъ.

„Сосредоточеніе въ этихъ мѣстностяхъ большинства вооруженныхъ силъ имперіи, громадныя затраты по сооруженію въ нихъ крѣпостей и стратегическихъ дорогъ, наконецъ, многочисленность имѣющагося въ нихъ состава правительственныхъ чиновниковъ, оплачиваемыхъ къ тому же лучше, нежели въ центрѣ имперіи, все это приводитъ къ тому, что на каждый рубль, внесенный въ государственное казначейство населеніемъ окраинъ, казна возвращаетъ въ его среду не только весь этотъ рубль, но еще и нѣкоторую, въ иныхъ мѣстностяхъ довольно значительную, прибавку. И эта прибавка выплачивается за счетъ налоговъ, внесенныхъ населеніемъ созидательнаго ядра государства, которому возвращается тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе истрачивается на окраинахъ. Словомъ, изъ года въ годъ окраины, при содѣйствіи государственнаго казначейства, высасываютъ богатства центра,—страна наша, можно сказать, превращается въ воронку: благосостояніе отдѣльныхъ ея частей тѣмъ ниже, чѣмъ дальше онѣ отъ периферіи, чѣмъ ближе къ центру".

Въ цитированной запискѣ г. старицкаго землевладѣльца мы встрѣчаемся съ крайнимъ выраженіемъ, такъ сказать, исключительно „географической" точки зрѣнія въ разсматрива-

---

[1]) Цитируемая записка приложена къ журналу Тверскаго комитета 26 янв. 1903 г.

[2]) Записка эта, по объясненію ея автора, явилась результатомъ совѣщаній сельскихъ хозяевъ нѣсколькихъ губерній, собиравшихся въ Петербургѣ, чтобы „подвергнуть предварительному совмѣстному обсужденію основныя причины современнаго бѣдственнаго положенія нашего сельскаго хозяйства и намѣтить тѣ коренныя мѣры, осуществленіе которыхъ представляется наиболѣе настоятельнымъ для упроченія земледѣлія, этого основнаго устоя нашего народнаго хозяйства".

момъ вопросѣ. Для этой точки зрѣнія весь центръ тяжести даннаго вопроса помѣщается въ томъ, *гдѣ* именно тратятся собираемыя государствомъ средства. *На что* они тратятся—это для „обогащенія“ мѣстностей, на которыя льется денежный дождь изъ государственной кассы, имѣетъ мало значенія. При существованіи надлежащаго „соотвѣтствія между помѣстными государственными расходами и доходами“ даже и общая тяжесть обложенія не можетъ имѣть особо устрашающаго характера. „Обѣднѣніе населенія,—говоритъ г. Головинъ,—происходитъ не столько отъ абсолютнаго увеличенія налоговъ, сколько отъ неправильнаго расходованія поступленій изъ нихъ. Сколь бы ни были значительны налоги, взимаемые съ населенія, но если они затѣмъ полностью расходуются на мѣстахъ ихъ взиманія, то такой пропускъ чрезъ государственное казначейство народныхъ средствъ ведетъ лишь (!) къ перераспредѣленію богатствъ между различными слоями населенія“. На „богатствѣ каждой данной мѣстности“ это отражается лишь въ слабой степени. Не всѣ комитеты, однако, склонны видѣть удовлетворительное разрѣшеніе задачи въ достиженіи соотвѣтствія между помѣстными доходами и расходами—безразлично къ самому характеру и назначенію этихъ расходовъ. „Обогащать“ ту или иную мѣстность могутъ только такія затраты, которыя идутъ на удовлетвореніе ея производительныхъ *потребностей*; далеко не всякіе расходы изъ государственной кассы могутъ имѣть такое значеніе, гдѣ бы они ни производились, — въ предѣлахъ данной мѣстности или внѣ ея. Опустошающее вліяніе фиска на хозяйство земледѣльческихъ мѣстностей и состоитъ именно въ томъ, что собираемыя съ населенія этихъ мѣстностей средства только въ очень незначительной долѣ оставляются на мѣстахъ на *удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей*. И только въ увеличеніи этой доли, а не томъ или иномъ территоріальномъ распредѣленіи государственныхъ тратъ вообще можно найти выходъ изъ указаннаго ненормальнаго положенія. Въ этой своей постановкѣ вопросъ идетъ въ сущности объ установленіи правильнаго соотношенія между *мѣстнымъ* и *общегосударственнымъ* хозяйствомъ. Въ настоящее время это соотвѣтствіе рѣзко нарушается въ ущербъ интересамъ мѣстнымъ. „Государство поглощаетъ почти всѣ доходы населенія и возвращаетъ ему въ видѣ производительныхъ расходовъ весьма незначительную часть того, что оно съ него получило“. На мѣстныя нужды, „удовлетворять которыя призваны земскія учрежденія, остается самая ничтожная доля, на которую еще возложены закономъ и нѣкоторые обязательные общегосударственные рас-

ходы" (*Краснинскій* у. комитетъ Смоленской губ.). Узелъ вопроса лежитъ, такимъ образомъ, въ противоположности между чрезмѣрными требованіями государственнаго центра, съ одной стороны, и интересами мѣстнаго хозяйства—съ другой, а не въ неравномѣрности территоріальнаго распредѣленія государственныхъ тратъ между различными мѣстностями, полное устраненіе которой и по существу является недостижимой. Впрочемъ, какъ мы уже упоминали, и „территоріальная" точка зрѣнія находила не мало защитниковъ среди мѣстныхъ людей, работавшихъ въ комитетахъ; искусственное питаніе „окраинъ" на счетъ „центра" подчеркивается довольно многими комитетами, какъ такая же ненормальная черта современной финансовой политики, какъ и „искусственное насажденіе крупной индустріи" за счетъ истощенія земледѣльческихъ классовъ населенія страны.

Положительнымъ тезисомъ, вытекающимъ изъ всего ряда приведенныхъ разсужденій, является общій выводъ о необходимости перемѣщенія центра тяжести экономической политики государства съ обрабатывающей промышленности на земледѣліе. Основному промыслу страны—земледѣлію и нуждамъ основнаго ядра ея населенія—земледѣльческихъ классовъ—должно быть отведено въ программѣ государственныхъ мѣропріятій то первенствующее и опредѣляющее направленіе этихъ мѣропріятій мѣсто, которое принадлежитъ имъ по праву. Государственныя средства должны быть обращены „главнымъ образомъ на поднятіе производительности деревни и развитіе основнаго промысла земледѣлія и связанныхъ съ нимъ отраслей народнаго труда". (*Тихвинскій* у. комитетъ). Необходимо „прекращеніе искусственной выгонки фабрично-заводской промышленности и торговыхъ предпріятій, не имѣющихъ для себя почвы за малымъ развитіемъ и обнищаніемъ внутренняго рынка и за невозможностью бороться на внѣшнемъ рынкѣ съ несравненно болѣе высокой технически и самостоятельной экономически заграничной промышленностью и направленіе финансовой политики государства на удовлетвореніе и надлежащую постановку коренной русской промышленности—сельскохозяйственной, составляющей основное, исключительное занятіе подавляющаго большинства русскаго народа" (*Борисоглѣбскій* у. комитетъ, записка В. Измайлова).

Такова, въ крупныхъ чертахъ, основная схема сужденій мѣстныхъ комитетовъ въ области общихъ вопросовъ финансовой политики. Нельзя отказать ей въ извѣстной стройности, точно также какъ нельзя не признать, что многія отдѣльныя ея звенья под-

черкиваютъ дѣйствительно больныя мѣста нашей хозяйственной дѣйствительности. И эксцессы протекціонизма, все болѣе и болѣе расширяющагося и пріобрѣтающаго характеръ хроническій, противорѣчащій самому его основному смыслу; и одностороннее развитіе желѣзнодорожнаго строительства, внѣ всякой перспективы съ хозяйственными нуждами и средствами страны,—вызываемое покровительствомъ и само его поддерживающее— и наконецъ, безудержное государственное „собирательство“ народныхъ средствъ—все это создаетъ дѣйствительно заколдованный кругъ, и указанія на эти отрицательное стороны господствующей системы, встрѣчающіяся въ заявленіяхъ мѣстныхъ комитетовъ, имѣютъ несомнѣнно очень важное и серьезное значеніе. Но нельзя однако не замѣтить и кое какихъ существенныхъ недочетовъ и въ отрицательной, критической, и въ положительной части схемы. Начнемъ съ послѣдней.

Заключительнымъ выводомъ всего построенія является, какъ мы видѣли, общее положеніе о первенствующемъ значеніи, которое должно принадлежать въ финансовой политикѣ государства „интересамъ земледѣлія“ и нуждамъ „земледѣльческихъ классовъ“. Но представляетъ ли изъ себя что либо достаточно опредѣленное эта общая формула? Вѣдь ея содержаніе можетъ быть развернуто въ рядъ конкретныхъ положеній весьма различнаго и даже взаимно противоположнаго характера. И противоположеніе интересовъ „города“ интересамъ „деревни“ въ ея цѣломъ, интересовъ земледѣлія интересамъ обрабатывающей промышленности, мало можетъ помочь въ этомъ случаѣ. Въ сущности, „интересы земледѣлія“ — скорѣе метафорическій терминъ чѣмъ реальное понятіе: развитіе и расширеніе производства (а ничего другого нельзя конечно подразумѣвать, говоря объ интересахъ какой нибудь отрасли промышленности) имѣетъ смыслъ и значеніе не само по себѣ, а въ зависимости отъ интересовъ и потребностей тѣхъ группъ населенія, которымъ оно служитъ. Только о людскихъ интересахъ мы и имѣемъ законное право говорить при точномъ употребленіи терминовъ. И всегда, когда выдвигаются впередъ интересы *общественныхъ функцій*, подъ ними скрываются; интересы тѣхъ или иныхъ *общественныхъ группъ*, при антагонистичности же этихъ интересовъ, въ современномъ классовомъ обществѣ, такое подставленіе одной формулы вмѣсто другой всегда опасно и можетъ повести къ немалой сбивчивости въ дальнѣйшихъ выводахъ изъ общихъ положеній. Интересы „земледѣльческихъ классовъ“—понятіе гораздо болѣе конкретное и опредѣленное, нежели „интересы зе-

младѣлія", но и земледѣльческіе классы не представляютъ собою такого однороднаго цѣлаго, которое позволяло бы брать ихъ интересы всегда за одну общую скобку. Противоположности между интересами различныхъ элементовъ „деревни" могутъ быть гораздо рѣзче, чѣмъ между интересами „деревни" и „города". Корни самаго глубокаго противорѣчія, раскалывавшаго соціальный строй крѣпостной Россіи, еще такъ недавно ставшій для насъ прошлымъ, лежали *внутри* деревни. И далеко не всѣ еще слѣды этого прошлаго можно считать изглаженными изъ деревенской жизни. Но и въ настоящую эпоху „свободнаго труда" антагонизмъ между интересами покупателей и продавцовъ этого труда, собственниковъ и покупателей земли, къ которой этотъ трудъ прилагается, между „командующими" и опекаемыми классами деревни, далеко не покрывается противоположеніемъ общей совокупности всѣхъ этихъ интересовъ интересамъ „города", — которые, въ свою очередь, при ближайшемъ разсмотрѣніи, тоже оказываются далеко неоднородными дли различныхъ частей обозначаемаго этимъ собирательнымъ наименованіемъ цѣлаго. Поэтому, говоря о нуждахъ и интересахъ „деревни", также какъ и о нуждахъ и интересахъ „города", нельзя игнорировать разнородности ея составныхъ частей и необходимо отчетливо различать всегда, о какихъ именно слояхъ деревенскаго населенія идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь.

Требованіе такой отчетливости и расчлененности выводовъ является далеко не одною только теоретическою притязательностью. Напротивъ того, оно имѣетъ большое практическое значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить обычныя настроенія нашихъ „аграріевъ", въ которыхъ такъ часто разореніемъ крестьянъ отъ непомѣрнаго тягла, на нихъ лежащаго, аргументируется необходимость такихъ государственныхъ воспособленій „земледѣлію", въ которыхъ заинтересованы совсѣмъ другія группы „сельскаго населенія". Вѣдь и недавняя агитація въ пользу развитія мясного экстракта на счетъ налоговыхъ средствъ тоже отправлялась отъ угнетеннаго положенія земледѣльческаго населенія.

Къ сожалѣнію, и въ сужденіяхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, сгруппированныхъ выше, далеко не всегда имѣетъ мѣсто необходимая расчлененность построеній. Интересы „земледѣлія", интересы „земледѣльческаго населенія", „интересы земледѣльческихъ классовъ"—всѣ эти термины безразлично употребляются одинъ вмѣсто другого, причемъ интересы „земледѣльческихъ классовъ" обычно разумѣются какъ нѣчто однородное,

относящееся ко всей совокупности земледѣльческаго населенія. Отъ этого выводы, построенные на основаніи фактовъ, относящихся къ одной какой нибудь группѣ сельскаго населенія, переносятся безъ оговорокъ и на остальныя, какъ будто всѣ онѣ болѣютъ отъ однѣхъ и тѣхъ же невзгодъ и могутъ найти избавленіе отъ этихъ невзгодъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣрахъ помощи. Это полное тожество „аграрныхъ“ интересовъ иногда не молчаливо подразумѣвается только, но и спеціально подчеркивается. *Все* сельское хозяйство „и крупнаго, и средняго, и крестьянскаго землевладѣнія“ равно страдаетъ отъ однѣхъ и тѣхъ же общихъ причинъ—читаемъ мы въ запискѣ сычевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Н. А. Хомякова, поданной въ *Смоленскій* губернскій комитетъ. Всюду „то же угнетеніе отъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и желѣзно-дорожныхъ порядковъ, та же безвыходность отъ дешевизны продаваемаго и дороговизны всего покупаемаго, то же безденежье и та же обремененность долгами, та же угнетенность отъ разврата и неустройства деревни и отъ приниженности общественной дѣятельности на мѣстахъ, а съ этимъ то же бѣгство на отхожіе заработки съ тѣми же отъ него послѣдствіями“. Если держаться послѣдовательно этихъ взглядовъ, то придется допустить, что крупный помѣщикъ столько же страдаетъ отъ налогового бремени, лежащаго на мужикѣ, такъ и этотъ послѣдній, и также долженъ сокращать свое необходимое потребленіе отъ дороговизны предметовъ, обложенныхъ косвенными налогами; точно также, съ другой стороны, нужно будетъ признать, что какъ крупнаго хозяина, работающаго для мірового рынка, такъ и рядового крестьянина, отрывающаго отъ потребленія своей семьи нѣсколько десятковъ пудовъ хлѣба, чтобы, продавъ ихъ на ближайшемъ базарѣ, заплатить непосильную аренду этому крупному хозяину—одинаково затрогиваютъ и волнуютъ вопросы о дифференціальныхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, о разныхъ недочетахъ въ организаціи хлѣбнаго или мясного экспорта и т. п. При расчлененномъ анализѣ, считающемся съ различіями въ хозяйственныхъ условіяхъ разныхъ группъ земледѣльческаго населенія, такія неестественныя сочетанія совершенно несходныхъ между собою вещей едва-ли возможны; но огульныя построенія, оперирующія съ такими расплывчатыми терминами какъ нужды „земледѣльческихъ *классовъ*“, нужды „земли“, „интересы земледѣлія“ и т. п., открываютъ для нихъ полный просторъ. Въ этомъ заключается главная опасность такихъ построеній. Нужды одной группы легко перемѣшиваются съ нуждами цѣлаго, тяготы одного класса

выдвигаются въ качествѣ аргументовъ, доказывающихъ необходимость мѣропріятій, клонящихся на поддержѣ интересовъ совсѣмъ другихъ группъ и т. д. И въ концѣ концовъ все это можетъ удобно прикрывать и маскировать узко-классовыя точки зрѣнія. Этой опасности не избѣжали и сельско-хозяйственные комитеты. И въ ихъ выводахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ такія же смѣшенія, такое же отсутствіе перспективы и порой такую же подкладку всей этой путаницы. Приведемъ въ видѣ иллюстраціи къ этому два-три примѣра на выдержку изъ комитетскихъ сужденій объ общихъ вопросахъ финансовой политики. Такъ, *Чембарскій* у. комитетъ, исходя изъ того положенія, что „85% населенія Россіи занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а обработывающею и заводскою промышленностями только какихъ нибудь 2%“, и что поэтому „въ заботахъ правительства на первый планъ должны выступать интересы земледѣлія“,—приходитъ въ заключеніе къ выводу, что *основою всѣхъ мѣропріятій*, направленныхъ на поддержку этихъ интересовъ, „должна быть положена забота высшаго правительства о поднятіи *всѣми зависящими отъ него способами*, цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты“. Что именно въ этомъ, несомнѣнно существенномъ для работающихъ для сбыта хозяйствъ, пунктѣ помѣщается центръ тяжести всѣхъ желаній и нуждъ и тѣхъ 85% населенія, отъ интересовъ которыхъ отправляется все приведенное разсужденіе—это для чембарскихъ землевладѣльцевъ, повидимому, не составляетъ вопроса. Не останавливаются они и на томъ, кто же въ концѣ-концовъ оплатитъ тѣ мѣропріятія для поднятія „всѣми зависящими отъ правительства способами“ хлѣбныхъ цѣнъ, которыя несомнѣнно потребуютъ крупныхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства?

Сергачскій у. комитетъ Нижегородской губерніи настаиваетъ на необходимости „просить правительство принять возможно скорѣе сельскохозяйственную промышленность *подъ свое особое покровительство*, устранивъ этимъ обогащеніе фабричной и заводской промышленности за счетъ *разорившихся подъ тяжестью косвенныхъ налоговъ землевладѣльцевъ*“. Выходитъ, что косвенные налоги суть налоги на землевладѣніе, и тотъ гнетъ, который испытываютъ отъ нихъ трудящіяся массы—и тѣ, которыя работаютъ около земли и тѣ, что прикованы къ фабричному станку, безразлично—оказываются активомъ счета „разорившихся землевладѣльцевъ“ къ правительству!

Въ томъ же *Смоленскомъ* губернскомъ комитетѣ, въ которомъ г. Хомяковъ развивалъ идею объ одинаковой тяжести финансо-

выхъ мѣропріятій послѣдняго періода для всѣхъ категорій сельскихъ хозяевъ „и крупнаго, и средняго, и крестьянскаго землевладѣнія“, нѣкоторые члены пошли еще далѣе. Такъ г. Грюнеръ (уполномоченный министерства земледѣлія) нашелъ возможнымъ утверждать даже, что „если недостатки постановки народнаго образованія и правовой порядокъ (?) отражаются преимущественно на крестьянскомъ хозяйствѣ, то недостатки нашей *финансовой* системы *гораздо большимъ бременемъ ложатся на частновладѣльческихъ хозяйствахъ*“. „Нашъ крестьянинъ,—разсуждаетъ г. Грюнеръ,—въ значительной степени промышленникъ и, какъ таковой, онъ отчасти пользуется благами, выпадающими на долю промышленности; между тѣмъ частно-владѣльческія хозяйства не могутъ даже оплачивать наемный трудъ такъ хорошо, какъ оплачивается онъ въ покровительствуемыхъ отрасляхъ“. Поэтому „настоящій кризисъ частные владѣльцы испытываютъ въ гораздо большей степени, чѣмъ крестьяне“. Естественнымъ практическимъ выводомъ изъ такого положенія является направленіе и мѣръ помощи туда, главнымъ образомъ, гдѣ испытывается „наибольшая тяжесть“. Г. Грюнеръ этого вывода не дѣлаетъ, но другіе предъ нимъ не останавливаются. Такъ *Симбирскій* губернскій комитетъ въ результатѣ разсужденій, отправляющихся отъ обремененности „центральной Россіи“ налогами, прямыми и косвенными, приходитъ къ заключенію о желательности, „чтобы часть государственныхъ доходовъ по смѣтѣ чрезвычайныхъ потребностей была удѣляема *на содѣйствіе частнымъ владѣльцамъ* на постройку заведеній, перерабатывающихъ сырые продукты сельскаго хозяйства“,—а *Ананьевскій* у. комитетъ Херсонской губерніи рядъ сужденій о тяжести для земледѣлія покровительственной политики послѣдняго времени приводитъ къ выводу... о вредѣ излишней заботливости правительства объ удешевленіи хлѣба для голодающаго населенія. „Покупка хлѣба для голодающихъ за всякую низкую цѣну, по которой землевладѣльцы вынуждены продавать его,—читаемъ мы въ заключеніи комитета,— актъ недальновидной экономической политики, ибо хотя голодающіе и получатъ хлѣбъ на пропитаніе, но и продавшіе его въ слѣдующемъ году попросятъ подаянія. Деньги, уплаченныя одной частью населенія другой, не составляютъ траты государства, даже и въ томъ случаѣ, если въ извѣстные періоды стоимость нѣкоторыхъ продуктовъ увеличилась бы вдвое; это было бы не болѣе, какъ справедливая компенсація (!!) предшествовавшихъ недоборовъ“ [1]).

[1]) Труды мѣстныхъ комитетовъ, XLVI, Херсонская губ., стр. 197.

Такимъ образомъ въ „недоборахъ“ землевладѣльцевъ, вынужденыхъ продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, повинна, какъ оказывается, и не одна только богатѣющая на ихъ счетъ промышленность. Но основнымъ источникомъ деревенскихъ невзгодъ всетаки остается „колоссальное нарушеніе равновѣсія между земледѣліемъ и обработывающею промышленностію“. Благодаря ему деревня оказывается не только разореною, но и развращенною. „Крестьянство дореформенной Россіи,—говоритъ въ цитированной уже выше запискѣ своей г. Хомяковъ,—смотрѣло на землю, какъ на кормилицу въ тѣсномъ смыслѣ этого, т. е. хлѣбъ для крестьянства имѣлъ почти исключительно значеніе пищевого вещества, а не предмета торговли; деньги крестьянству давались заработками при обширныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ (при господствѣ несвободнаго труда ? *Н. А.*), кустарными промыслами и, главнымъ образомъ, извозомъ. Извозъ уничтоженъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, кустарное издѣліе вытѣснено фабрикою, заработки при помѣщичьихъ имѣніяхъ доведены до minimum'а сокращеніемъ этихъ хозяйствъ и введеніемъ машинъ. Отсутствіе этихъ исконныхъ источниковъ дохода для 90% населенія Россіи вынудило его искать доходъ отъ земли—отъ хлѣба, который сталъ не только продуктомъ питанія, но если и не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ источникомъ дохода черноземнаго крестьянина“.

Вскорѣ, однако, подъ вліяніемъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, таможеннаго покровительства и ряда другихъ причинъ, способствовавшихъ паденію цѣны хлѣба и повышенію стоимости жизни, „земля, сколько бы ея ни было, не могла удовлетворить потребностей земледѣльческаго населенія и оно тронулось на отхожіе промыслы“.

„Заработки въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ оказались недостаточными для удовлетворенія всѣхъ разоряющихся на землѣ и населеніе кинулось въ искусственно создаваемые фабрики и заводы. Но заработки на нихъ оказались въ значительной мѣрѣ столь же ненадежными, какъ ненадежна сама искусственно созданная промышленность. Фабричные заработки ослабили земледѣльческое населеніе, не давъ ему вѣрнаго и устойчиваго рынка труда, *но внеся въ него развратъ въ замѣну хозяйственной дѣловитости.* Растлѣніе, проникающее въ деревню извнѣ, не встрѣчало отпора на мѣстахъ, ибо для поддержанія нравственныхъ устоевъ деревни недостаточно дѣлалось въ области школы, мало въ области управленія и закона, еще меньше въ области самоуправленія и ничего въ области церкви.—Страна обѣднѣла и нравственный уровень въ ней понизился“...

„Неустройство деревенскаго быта и угнетенность общественной самодѣятельности“ и являются естественными неизбѣжными

результатами отвернувшейся отъ нуждъ „земледѣльческой Россіи“ экономической политики государства.

Г. Хомяковъ ограничивается изображеніемъ этой мрачной картины настоящаго, по контрасту съ которой, даже крѣпостныя условія получаютъ подъ его перомъ мягкія и почти идиллическія очертанія. Другіе его единомышленники въ вопросѣ объ упадкѣ деревенскихъ нравовъ подъ вліяніемъ новыхъ хозяйственныхъ условій идутъ дальше и предлагаютъ и практическія мѣропріятія, чтобы оградить деревню отъ растлѣвающаго вліянія фабрики. Такъ, *гжатскій* землевладѣлецъ Муромцевъ озабоченъ прегражденіемъ возврата въ деревню безпокойныхъ элементовъ фабричнаго люда. Въ этихъ видахъ онъ находитъ необходимымъ, чтобы

„высылка рабочихъ, замѣшанныхъ въ фабричныхъ и, еще хуже, въ политическихъ безпорядкахъ была безусловно воспрещена, ибо этотъ вредный элементъ развращаетъ иногда населеніе цѣлыхъ волостей. Если проживаніе такихъ лицъ въ большихъ пентрахъ нежелательно, то въ деревняхъ оно совершенно нетерпимо. Самое справедливое для такихъ лицъ было бы пребываніе въ рабочихъ домахъ (Work houses) англійскаго типа, содержаніе которыхъ должно ложиться на счетъ фабрикъ и заводовъ, создавшихъ этотъ никому не нужный, вредный и опасный человѣческій отбросъ“.

Другой ревнитель деревенской нравственности, *старицкій* землевладѣлецъ К. Ф. Головинъ—въ запискѣ своей „Къ вопросу о поднятіи сельскаго хозяйства“, уже цитированной выше—главное средство для поддержки падающей у крестьянъ „самодѣятельности и самопомощи“ и для нравственнаго оздоровленія деревни видитъ—въ расширеніи на мѣстахъ „дѣятельности помѣстнаго сословія“, съ каковою цѣлью и предлагаетъ извѣстныя мѣры для улучшенія личнаго состава института земскихъ начальниковъ.

Мы не будемъ продолжать нашихъ цитатъ; полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть въ какую сторону могутъ развертываться въ своихъ подробностяхъ общія формулы объ угнетеніи „деревни“ въ пользу „города“. Мы не хотимъ обобщать этихъ примѣровъ. Уже изъ того, что приведено въ предшествовавшихъ главахъ, можно видѣть, на какой здоровой почвѣ стоитъ большинство комитетовъ въ заключеніяхъ своихъ по налоговымъ вопросамъ. Менѣе всего, конечно, здѣсь можетъ быть приложенъ упрекъ въ какой-нибудь узко-классовой исключительности или тенденціозности. Мы видѣли также, что и въ вопросахъ общей финансовой политики многія указанія комитетовъ имѣютъ очень важное значеніе. Но одностороннее сосредоточеніе всѣхъ сужденій, относящихся

къ этой области, около одного центральнаго пункта — обдѣленности „земледѣлія“ и обогащенія за ея счетъ „обрабатывающей“ промышленности придаетъ этимъ сужденіямъ неизбѣжную односторонность и лишаетъ ихъ правильной перспективы въ оцѣнкѣ разнообразныхъ явленій окружающей хозяйственной дѣйствительности. Усиленное выставленіе на первый планъ противорѣчія интересовъ „города“ и „деревни“ заслоняетъ и маскируетъ—а порой даетъ возможность и сознательно подмѣнить—другіе, болѣе существенные и болѣе глубокіе антагонизмы въ общественной и государственной жизни и прежде всего антагонизмъ труда и владѣнія, работающихъ и имущихъ классовъ, занимающихъ совершенно различныя положенія не только въ хозяйственной организаціи, но и въ отношеніяхъ къ нимъ государства. Не земледѣльческіе „классы“ вообще, а одинъ земледѣльческій „классъ“—неимущее крестьянство—является тѣмъ пасынкомъ, на долю котораго выпадаетъ нести на себѣ всѣ тягости и ничѣмъ не пользоваться отъ ихъ результатовъ. И выпадаетъ не потому, что онъ ходитъ за сохой—и та часть рабочей массы, которая входитъ въ составъ „города“, „богатѣющаго“ на счетъ „деревни“, находится не въ лучшемъ положеніи. Наоборотъ, было бы большою несправедливостью сказать, чтобы государство оказывалось мачихою въ отношеніяхъ къ командующимъ классамъ „деревни“, такъ же, какъ и къ верхнимъ слоямъ „города“. Правда, не всегда „перераспредѣлительные“ процессы въ работѣ государственнаго механизма въ равной мѣрѣ благопріятствуютъ интересамъ обѣихъ привилегированныхъ группъ и въ послѣднее время чашка вѣсовъ явно перевѣшиваетъ въ сторону „города“. Но, каковы бы ни были взаимные счеты, отсюда возникающіе, вводить въ нихъ, какъ аргументъ въ пользу одной изъ сторонъ, „тягость косвенныхъ налоговъ“ совершенно неправильно. Косвенное обложеніе есть не налогъ на „земледѣліе“, а налогъ на трудъ, на потребленіе народныхъ массъ. Оно также тяжело ложится на заработокъ фабричнаго рабочаго или рядового городского обывателя, какъ и на мужика-земледѣльца. Правда, недостаточныхъ земледѣльцевъ количественно больше, чѣмъ работниковъ въ области обрабатывающей промышленности, но, конечно, это не создаетъ еще основанія утверждать, что главную тяжесть государственнаго бюджета выносятъ земледѣльческіе *классы*,—противополагаемые, въ ихъ совокупности, классамъ промышленнымъ.

Если такимъ образомъ мы должны внести существенную поправку къ той части намѣченной выше схемы распредѣли-

тельныхъ функцій государственнаго бюджета, которая относится къ процессамъ собиранія стекающихся въ государственную кассу денегъ,—то не менѣе нуждается въ дополняющей поправкѣ и другая часть той же схемы, обрисовывающая пути возвращенія этихъ денегъ „въ народъ“, въ формѣ расходовъ государства. Въ сужденіяхъ комитетовъ все вниманіе обращено было на одну часть этихъ расходовъ, преслѣдующую производительныя цѣли и направленную главнымъ образомъ на развитіе средствъ сообщенія и обрабатывающей промышленности. Отсюда строился выводъ о питаніи промышленности на счетъ земледѣлія. Но указанная категорія государственныхъ тратъ не единственная и не главная. Наибольшая часть фискальныхъ средствъ идетъ на питаніе самого государственнаго механизма. Всѣ эти расходы—въ видѣ уплатъ многочисленнымъ агентамъ государства и кредиторамъ казны, расходовъ по оборонѣ государства и т. д.,—не имѣютъ прямого отношенія къ поддержкѣ той или другой изъ главныхъ отраслей промышленной дѣятельности, но играютъ тѣмъ не менѣе огромную роль въ перераспредѣлительной работѣ фискальнаго аппарата. И, конечно, не изъ рядовъ трудовой массы рекрутируются тѣ арміи чиновничества всѣхъ степеней и ранговъ, на содержаніе которыхъ идетъ добрая доля всѣхъ государственныхъ средствъ, точно также какъ не эти массы являются держателями государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Наоборотъ, верхніе слои всѣхъ классовъ, живущихъ и на счетъ земли, и на счетъ фабричнаго труда, имѣютъ въ государственномъ бюджетѣ изрядный „подсобный“ источникъ дохода. И, конечно, не мало перепадаетъ при этомъ и на долю исконнаго служилаго сословія. Указаніе г. Хомякова о томъ, что „бѣгство на отхожіе заработки“ для пополненія не хватающихъ доходовъ отъ земли есть удѣлъ общій для всего сельскаго хозяйства, „и крупнаго, и средняго, и крестьянскаго землевладѣнія“, оказывается въ значительной степени вѣрнымъ. Только условія и результаты такого отхода не совсѣмъ одинаковы для тѣхъ „добытчиковъ“, которые въ послѣднемъ счетѣ работаютъ для пополненія государственной кассы и тѣхъ, „заработки“ которыхъ оплачиваются за счетъ этой кассы.

Съ указанными поправками схема перераспредѣлительнаго процесса получаетъ нѣсколько иной видъ. Не въ перемѣщеніи средствъ между двумя главными отраслями народнаго труда оказывается основной результатъ этого процесса, а въ усиленіи экономической мощи верхнихъ слоевъ общественнаго цѣлаго

на счетъ нижнихъ, классовъ владѣющихъ и командующихъ на счетъ представителей простого рабочаго труда. Всею своею тяжестью государственный механизмъ давитъ на эти малоимущія трудовыя народныя массы.

И эта соціальная несправедливость диктуется въ значительной степени фискальною необходимостью. Когда государство выростаетъ до размѣровъ, не отвѣчающихъ экономическимъ силамъ населенія, его налоговое хозяйство *не можетъ* быть поставлено на раціональныхъ основаніяхъ: только сильныя *количествомъ* народныя массы могутъ до поры до времени выдерживать его требованія. Нашъ государственный бюджетъ давно уже дошелъ до такого положенія, а между тѣмъ государственный механизмъ постоянно и неудержимо ростетъ все далѣе и далѣе, требуя все новыхъ жертвъ отъ страны. При такихъ условіяхъ „желудочный" вопросъ, задача изысканія средствъ для удовлетворенія потребностей государства естественно выступаетъ на первый планъ въ государственномъ хозяйствѣ. *Фискальная* проблема не можетъ не получить значенія рѣшительно преобладающаго надъ *соціально-политическою*. Это мы и видимъ въ дѣйствительности. Нисколько не противорѣчитъ этому и то усиленіе производительныхъ расходовъ казны, главнымъ образомъ на желѣзно-дорожное строительство, которое характеризуетъ собою послѣднія десятилѣтія нашей бюджетной исторіи.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что и въ этомъ случаѣ соціально-политическія функціи фиска имѣли не столько самостоятельное, сколько служебное значеніе. Путемъ временныхъ жертвъ государственное хозяйство пыталось создать для себя другую базу, которая уменьшала бы его зависимость отъ въ конецъ истощенныхъ платежныхъ силъ трудовой массы, до сихъ поръ почти исключительно несущей на себѣ государственное тягло. Эти попытки не принесли, однако, желаемыхъ результатовъ и только еще крѣпче затянули надъ страною фискальную петлю. И затянули надолго, такъ какъ сдѣланные въ извѣстномъ направленіи шаги въ значительной мѣрѣ обязываютъ и къ послѣдующимъ—разъ завязавшіяся отношенія трудно ликвидировать безъ тяжелыхъ потрясеній для всего хозяйственнаго организма.

Все это вмѣстѣ дѣлаетъ финансовую проблему въ ея цѣломъ въ высокой степени сложною и трудною. Нельзя видѣть ея рѣшенія ни въ прекращеніи (если бы оно и было возможно) или ослабленіи протекціонной политики, ни даже въ широко прове-

денной податной реформѣ: если всѣ остальныя части государственно-хозяйственнаго механизма останутся въ томъ же положеніи, какъ теперь, результаты этой реформы во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, сойдутъ на нѣтъ. И не въ одной только взаимной зависимости между различными сторонами финансовой проблемы—превращающей ее въ своего рода заколдованный кругъ—лежатъ причины ея крайней сложности; она тѣсно переплетается и съ болѣе общими условіями всей государственной и общественной жизни.

При такомъ положеніи вещей болѣе практическое и реальное значеніе принадлежитъ въ настоящее время, быть можетъ, не столько попыткамъ найти непосредственный выходъ изъ указаннаго ложнаго круга сколько въ выясненіи тѣхъ путей, на которыхъ слѣдуетъ *искать* такого выхода. Это выдвигаетъ впередъ тѣ *организаціонные* вопросы финансоваго хозяйства, о чрезвычайной важности которыхъ для настоящаго момента нашего государственнаго и общественнаго развитія мы уже говорили выше. Принципіальнымъ вопросомъ въ этой области является вопросъ о такомъ *типѣ* этой организаціи, которой наиболѣе обезпечивалось бы сохраненіе равновѣсія между государственными потребностями и интересами народнаго хозяйства. Горькій историческій опытъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что на извѣстной стадіи развитія государства бюрократическій строй финансоваго хозяйства оказывается несостоятельнымъ предъ этою задачею. Онъ не въ силахъ ни сдержать роста государственныхъ требованій въ предѣлахъ отвѣчающихъ платежнымъ средствамъ страны, ни придать имъ сколько нибудь планомѣрный характеръ. Государственный бюджетъ растетъ, такъ сказать, стихійно, повинуясь случайнымъ импульсамъ и случайному накопленію энергіи и вліянія въ тѣхъ или иныхъ частяхъ бюрократической машины, внѣ всякой переспективы съ относительною важностью функцій, ими выполняемыхъ. Въ общемъ правилѣ интересы самосохраненія даннаго строя, удовлетвореніе внутреннихъ потребностей самаго административнаго механизма, получаютъ рѣшительное преобладаніе надъ живою работою этого механизма. Рано или поздно это не можетъ не привести къ неизбѣжной коллизіи не только между интересами фиска и народнохозяйственными интересами страны, оказывающимися въ рѣзкомъ между собою антагонизмѣ, но и къ банкротству самаго бюрократическаго строя, попадающаго въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода при сохраненіи старыхъ устоевъ системы. Тогда самою жизнью выдвигается впередъ требованіе перехода къ новымъ формамъ государственно-хозяйственной орга-

низаціи, болѣе отвѣчающимъ важности и сложности предлежащихъ задачъ. Вопросъ объ активномъ участіи самой страны въ опредѣленіи размѣра и назначенія тѣхъ жертвъ, которыя приносятся ею для поддержанія и развитія государственнаго механизма—какъ о единственной гарантіи согласнаго съ народными интересами направленія финансовой дѣятельности—пріобрѣтаетъ при этомъ центральную важность и значеніе. Въ перспективѣ къ нему располагаются всѣ остальныя частичныя требованія тѣхъ или иныхъ передѣлокъ и перестроекъ въ финансовой системѣ.

Въ работахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ вопросы только что указанной категоріи не могли получить сколько нибудь опредѣленнаго развитія уже по условіямъ чисто внѣшнимъ. Мы встрѣчаемъ по поводу ихъ только отрывочныя заявленія, не всегда договоренныя, или пожеланія, облеченныя въ такія формы, которыя дѣлаютъ ихъ связь съ намѣченными выше коренными организаціонными задачами государственнаго хозяйства довольно отдаленною и нѣсколько проблематичною.

Общія указанія о чрезмѣрномъ преобладаніи бюрократическаго элемента въ управленіи и о необходимости расширенія и развитія общественной самодѣятельности проходятъ, правда, красной нитью въ заключеніяхъ цѣлаго ряда комитетовъ. Но въ болѣе или менѣе конкретной формѣ эти общія начала развиваются главнымъ образомъ по отношенію къ мѣстной жизни. Изъ этихъ рамокъ не выступаютъ и нѣкоторые комитеты, высказывающіе мысль о необходимости *участія общественныхъ силъ въ законодательной дѣятельности*: ихъ пожеланія не идутъ далѣе передачи на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній законопроектовъ, касающихся интересовъ населенія. Заключенія въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ постановленіяхъ у. у. комитетовъ *Костромского* и *Буйскаго*, Костромской губ., *Костромского* губернскаго, *Устюженскаго*—Новгородской губ., *Весьегонскаго* — Тверской, *Краснинскаго* — Смоленской, *Малмыжскаго*—Вятской и губернскаго *Вятскаго*. Въ этомъ послѣднемъ комитетѣ *Вятская* губернская земская управа докладывала, между прочимъ:

„Кромѣ перечисленныхъ мѣръ, направленныхъ къ подъему благосостоянія населенія и къ повышенію его культурнаго уровня, существенное значеніе имѣли бы мѣры, которыми обезпечивалось бы непрерывное поступательное движеніе въ томъ же направленіи. Указанныя неблагопріятныя для народныхъ интересовъ направленія въ области финансовой политики, усиленіе административной опеки, мѣры, направленныя къ сохраненію за крестьянскимъ населеніемъ исключительнаго правового положенія, ограниченіе

населенію доступа къ образованію и пользованію образовательными средствами сравнительно съ прочими сословіями—могли развиться только на почвѣ разобщенности между законодательною властью и мѣстными нуждами, какъ онѣ понимаются земскими дѣятелями... Очевидно, что необходимо осуществленіе въ жизни такихъ мѣръ, которыя гарантировали бы единство правительственной политики и мѣстныхъ интересовъ. Безъ такихъ гарантій не можетъ существовать увѣренность въ томъ, что эта политика не будетъ развиваться въ противорѣчіи съ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ самоуправленія и съ интересами крестьянскаго хозяйства".

Высказывая указанныя предположенія свои, комитеты оговариваются, что они имѣютъ въ виду только совѣщательный голосъ для земскихъ собраній и не хотятъ умалять прерогативъ законодательной власти.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи идеи о земскомъ участіи въ законодательной дѣятельности являются предположенія нѣсколькихъ комитетовъ объ особыхъ *общеземскихъ* органахъ, привлекаемыхъ къ законодательнымъ работамъ.

Такъ, *Лебединскій* у. комитетъ Харьковской губерніи высказывалъ пожеланіе, „чтобы земство не только имѣло право возбуждать всякаго рода ходатайства предъ правительствомъ, но чтобы правительство поручало съѣзду избранныхъ земствами представителей высказывать свои заключенія по всѣмъ законопроектамъ, такъ или иначе затрогивающимъ интересы земства и мѣстнаго населенія". *Сумскій* у. комитетъ той же губерніи находилъ необходимымъ, чтобы „во главѣ мѣстныхъ, частныхъ интересовъ" стоялъ „какъ согласующая и объединяющая сила—общерусскій національный экономическій интересъ". „Эта первостепенной важности работа должна быть—по убѣжденію комитета—ввѣрена не теоретикамъ, формально, лишь въ силу служебнаго долга, къ сельскому хозяйству причастнымъ, а людямъ живого практическаго дѣла, непосредственно имъ заинтересованнаго. Членами такого органа могли бы быть выборные изъ губернскихъ земствъ Европейской Россіи, періодически созываемые... Само собою разумѣется—добавляетъ комитетъ—что труды этого учрежденія должны служить лишь матеріалами для центральной правительственной власти въ общемъ руководствѣ внутреннею сельскохозяйственною и общерусскою національною хлѣбоэкспортною политикою". Подобнымъ же характернымъ добавленіемъ сопровождалось и аналогичное постановленію Лебединскаго комитета предложеніе, внесенное въ *Харьковскій* губернскій комитетъ Н. Н. Ковалевскимъ. „Конечно—говорилъ г. Ковалевскій—враги земства въ этомъ предложеніи увидятъ грозный и столь устрашающій ихъ призракъ парламентаризма,—но при добросо-

вѣстномъ и внимательномъ обсужденіи, они должны прійти къ заключенію, что это только призракъ, а призраковъ бояться нечего. Что общаго между парламентаризмомъ, предполагающимъ функціи законодательныя, и совѣщательными учрежденіями, услугами которыхъ и теперь пользуется правительство".

Къ этой же группѣ пожеланій мѣстныхъ комитетовъ относятся и предположенія *Воронежскаго* у. комитета „о всероссійскомъ земствѣ", какъ постоянномъ органѣ земскаго самоуправленія, составленномъ изъ выборныхъ представителей отъ губернскихъ земствъ и дѣйствующемъ „въ предѣлахъ земско-хозяйственной компетенціи, съ правомъ законодательнаго почина по вопросамъ, входящимъ въ кругъ его дѣятельности".

Нѣкоторыми комитетами участіе общественныхъ силъ въ дѣлахъ общаго управленія предполагается въ нѣсколько иной формѣ. *Задонскій* у. комитетъ Воронежской губ. высказывается за „содѣйствіе развитію дѣятельности земствъ и установленіе постоянной связи между мѣстной жизнью и дѣятельностью съ центральнымъ управленіемъ путемъ постояннаго участія мѣстныхъ элементовъ въ правительственныхъ организаціяхъ, вѣдающихъ государственное хозяйство". *Варнавинскій* у. комитетъ Костромской губ. облекаетъ ту же мысль въ болѣе конкретную форму, ходатайствуя „о допущеніи къ участію въ законодательныхъ учрежденіяхъ, при обсужденіи новыхъ законовъ, касающихся мѣстныхъ пользъ и нуждъ, выборнаго представителя отъ губернскаго земства, съ правомъ совѣщательнаго голоса". Аналогичное пожеланіе сформулировано было и финансовою комиссіею *Смоленскаго* у. комитета, находившею, что для „направленія финансовой дѣятельности государства въ интересахъ развитія сельско-хозяйственной промышленности страны и справедливаго распредѣленія налоговъ безусловно необходимо участіе выборныхъ представителей населенія въ обсужденіи сельско-хозяйственныхъ нуждъ нашего государственнаго хозяйства".

Послѣднее заключеніе, несмотря на нѣсколько сбивчивую его формулировку, уже непосредственно вводитъ насъ въ кругъ принципіальныхъ вопросовъ финансоваго хозяйства и финансоваго управленія. Къ этой же области относятся пожеланія, сформулированныя *Балашовскимъ* и *Ветлужскимъ* у.у. комитетами и *Буйскою* уѣздною земскою управою (въ запискѣ, внесенной ею въ мѣстный комитетъ). *Балашовскій* комитетъ, „признавая за паровымъ транспортомъ громаднѣйшую роль, вліяющую на развитіе сельскаго хозяйства", находилъ необходимымъ,—„въ виду тѣхъ ненормальныхъ условій въ желѣзнодорожномъ хо-

зяйствѣ Россіи, о которыхъ извѣстно большинству—установленіе общественнаго контроля надъ этимъ хозяйствомъ". *Буйская* управа беретъ этотъ вопросъ шире, не ограничиваясь одною только областью желѣзнодорожнаго хозяйства казны. Она признаетъ необходимымъ вообще „поставить общегосударственные расходы въ предѣлы строгой необходимости и *контроля*. Тогда, говоритъ управа,—явится и возможность уменьшить налоги". Наконецъ *Ветлужскій* у. комитетъ (Костромской губ.), формулируя заключенія свои объ общихъ нуждахъ сельскаго хозяйства, высказывается за необходимость установленія особаго порядка разсмотрѣнія бюджетныхъ вопросовъ, гарантирующаго равномѣрное расходованіе государственныхъ средствъ на разныя государственныя потребности".

Вотъ все, что мы нашли непосредственно по данному предмету въ напечатанныхъ матеріалахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Все это, конечно, слишкомъ случайно и слишкомъ отрывочно, и мы не рѣшаемся утверждать, представлялся-ли для самихъ мѣстныхъ людей, работавшихъ въ комитетахъ, съ полною ясностью и конкретной опредѣленностью, вопросъ о путяхъ для выхода изъ такъ выпукло обрисованнаго ими кризиса русской хозяйственной и общественной жизни. Многое недосказано, многое туманно, многое, быть можетъ, намѣренно затушевано въ тѣхъ или иныхъ видахъ. Эволюція жизни, тщетно развертывавшаяся въ послѣдніе два года, оставила далеко позади недостаточно опредѣленныя указанія комитетовъ. Несомнѣнно, однако, что вся совокупность разобранныхъ нами работъ шла въ томъ же *общемъ направленіи*. Недосказавъ конечнаго вывода, онѣ твердо поставили необходимыя для него посылки. И въ этомъ ихъ безспорная, крупная общественная заслуга.

Н. Анненскій.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.